

"Тайна Замка грифов"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Каролина Фарр

Тайна Замка грифов

Глава 1

Я сбросила туфли и свернулась калачиком в глубоком кресле возле окна своего номера в отеле, медленно приходя в себя после увлекательного шопинга по парижским магазинам. За минувшие несколько дней так много всего произошло со мной, что теперь, в эти последние часы пребывания в Париже, мне хотелось расслабиться и слегка передохнуть, прийти в себя после потрясений, прежде чем столкнуться с новыми проблемами.

Я откинулась на спинку кресла и уставилась в окно, наблюдая за мимолетными сценками на улице. Дорожные сумки были уже упакованы, а пакеты, содержавшие в себе результаты моего дневного похода по магазинам, оставались неразобранными – я решила, что гораздо интереснее будет рассмотреть покупки, когда доберусь до Оверни.

Ночной пейзаж под моим окном стоило хорошенько запомнить: он был просто великолепен.

Стрела Елисейских полей устремлялась к Триумфальной арке, венчающей площадь Этуаль; яркие потоки света заливали фасады зданий по обеим сторонам огромного проспекта; игривый ветер качал деревья, отбрасывавшие тени на припаркованные в четыре линии машины, которые посверкивали в лучах фонарей. От площади Этуаль, как спицы колеса, расходились двенадцать прекрасных авеню. Но мне больше всего нравились Елисейские поля.

Казалось неправдоподобным, что всего десять дней назад в Новом Орлеане, на другом берегу широкого Атлантического океана, я размышляла о том, смогу ли прожить на несколько тысяч долларов, оставленных мне дедом после его смерти, или придется поступить на службу и самой зарабатывать себе на кусок хлеба. Я даже подумывала продать или сдать в аренду дом, в котором родилась и прожила двадцать один год.

Десять дней назад поездка в Париж была для меня иллюзорной мечтой, которую втайне лелеет каждая американская девушка и которая редко осуществляется. Но все это было до того, как я получила весточку от дяди Мориса.

Я закрыла глаза и почти сразу же ясно представила это письмо, написанное ровным, немного детским почерком.

"Дорогая Дениза,

у меня нет сомнений, что это письмо удивит тебя, но я надеюсь, ты не откажешь в той просьбе, которую оно содержит, поскольку это мольба старого одинокого человека о возможности пообщаться с единственной оставшейся у него родной душой – с тобой. После войны я редко писал в Новый Орлеан – мне было нелегко это делать. Тем не менее я получал много писем от твоего дедушки, и в каждом из них он с гордостью отзывался о тебе. И теперь моя сокровенная мечта – познакомиться с тобой. Дениза, я хочу, чтобы ты приехала в Овернь и погостила у меня, хотя бы недолго. Для молодых несколько месяцев – небольшой срок, для меня каждый месяц так же драгоценен, как и сама жизнь.

Если, познакомившись поближе, мы обнаружим, что нас достаточно сильно связывают родственные чувства, я последую за тобой в Новый Орлеан. Я богатый человек и обещаю, что не стану для тебя обузой. Напоминаю: ты моя единственная родственница, и я верю, судя по тому, что твой дедушка говорил о тебе, твой выбор будет благоразумным и великодушным. На

твое имя я перевел в Национальный банк в Новом Орлеане скромную сумму, которую, я надеюсь, ты сочтешь достаточной, чтобы прилететь в Париж и провести там неделю каникул, прежде чем приедешь в Овернь. Решай, дорогая Дениза. Если у тебя есть какие-то привязанности в Америке, возможно романтические, и ты не захочешь ехать, пожалуйста, прими эти деньги в качестве подарка на день рождения, который, как подсказывает мне календарь, ожидается на следующей неделе, и прости самонадеянного старика, чье одиночество заставило его обратиться к тебе с подобной просьбой.

Морис Жерар".

К письму был приложен банковский чек на пять тысяч долларов.

Я телеграфировала о своем согласии, и кто-то, как я предположила, дядин секретарь, ответил, что для меня забронирован номер в огромном отеле на Елисейских полях, а через неделю за мной пришлют машину. Неделя заканчивалась как раз сегодня.

Оставалось только дожидаться этой машины, которая быстро помчит меня к дяде Морису в Chateau les Vautours – Замок грифов. Я не знала, когда замок с таким зловещим названием появился в семье Жерар. Дядя Морис писал, что он богатый человек, и прислал мне довольно большую сумму, но я не верила, что он настолько состоятелен, чтобы владеть целым замком. Мой дед говорил, что все наши предки были фермерами и буржуа. Даже в самые удачные для семьи времена, когда один из ее представителей стал фаворитом Наполеона, Жерары не могли позволить себе приобрести замок – только жилые постройки на фермах да прекрасный дом в Париже, который давно продан. Вероятнее всего, мой дядя служил управляющим чьим-то родовым поместьем.

Я вздохнула и выпрямилась в кресле. Дело не в замке, хотя мысль о нем довольно заманчива: наследница владельца французского поместья – это действительно впечатляет! Дело в самой Франции, во Франции, чей аромат я вдыхала с самого детства – им были пропитаны рассказы и воспоминания моего деда. Он всегда говорил: "У каждого из нас две родины: своя собственная и Франция".

Он часто повторял эту фразу, но я не верила, что она как-то относится к нему самому: для него всегда существовала только одна родина – Франция. Когда после Первой мировой войны дедушка решил покинуть дом в Оверни, он привез мою бабушку в Новый Орлеан, где и родился их единственный сын, мой отец. Новый Орлеан по духу очень близок Франции, и только поэтому дед смог жить на чужой для него земле.

Я помню своего деда настоящим джентльменом почтенного возраста, с очень прямой осанкой, сильным, смуглым, с непокорными седыми волосами и густыми сросшимися бровями на хмуром лице, выражение которого менялось, лишь когда он смотрел на меня: оно становилось нежным и добрым. Он считал меня легкомысленной и, возможно, был прав.

Я любила своего деда. Мой отец был убит в Нормандии при высадке десанта, а мать, американка, умерла вскоре после моего рождения. Так что дед стал моей единственной семьей, а я – его. Мы не общались с родственниками моей матери: французы любят такие сплоченные, надежные, небольшие семьи. Для них имеет значение только их собственная семья.

Жерары ведут свое происхождение из Оверни, с юга Франции. Из поколения в поколение они были отважными и независимыми тружениками с врожденной любовью к земле и лошадям. Среди них не было ни аристократов, ни крестьян, ни бедных, ни богатых. Они были простыми

буржуа. Один из них предпочел последовать за восходящей звездой Наполеона Бонапарта и вскоре стал выдающимся кавалерийским офицером. Богатство семьи было основано на этой преданности Бонапарту.

К тому времени, как мой дед уехал в Новый Орлеан, род Жераров состоял из троих мужчин: моего деда Анри, его старшего брата Жан-Поля и племянника Мориса. На семейном совещании имущество поделили поровну между двумя братьями: Жан-Поль взял ферму, а Анри – ценные бумаги. Теперь, после смерти обоих братьев, мужскую линию представлял только дядя Морис.

Я слышала, что он не женат, но сама никогда не встречалась с ним, даже не видела его фотографий. Он не позволял себя фотографировать, потому что был покалечен и обезображен в сражениях против бошей [1] и войск правительства Виши, подчинявшихся Петену и Лавалю. Немецкие солдаты окружили его отряд в одном из оккупированных городов на севере и сожгли отказавшихся сдаться партизан из огнеметов.

Но до этого, как сказал дедушка, дядя Морис успел убить сорок фрицев, плевал в лица своих захватчиков, когда те выволакивали его, обожженного, из пламени, и пел "Марсельезу" весь путь до управления гестапо.

Дедушка всегда преувеличивал, когда дело касалось его привязанностей, любви или ненависти. Но все же дядя Морис, видимо, и правда занимал не последнее место среди маки – французских партизан, – так как немцы оставили его в живых и даже сделали перевязку, чтобы доставить его в имеющий дурную славу дом номер 84 на авеню Фош в Париже. Как жестоко его там пытали во время допросов и выдал ли он информацию, которой от него добивались, мы не знали. Дядя Морис не считал нужным рассказать нам об этом в тех редких письмах, которые мы от него получали, – он научился писать левой рукой. Дедушка, конечно, сделал свои собственные, романтические выводы на этот счет.

вернуться

1

Боши – пренебрежительное прозвище немцев (фр.).

Но в любом случае в то время у гестаповских офицеров на авеню Фош были и другие поводы для беспокойства, кроме дяди Мориса: войска союзников уже быстро продвигались в сторону Парижа. Дядю Мориса вместе с остальными маки спешным порядком перевезли в тюрьму, находившуюся где-то в окрестностях Берлина. Его ждала смертная казнь – немцы систематически избавлялись от заключенных, которых пытали в гестапо, чтобы они позднее не дали никакой информации о своих палачах.

Мой дедушка думал, что Морис погиб, и был очень удивлен, когда в 1946 году от него пришло первое письмо, написанное неразборчивыми каракулями. Тогда мы жили вдвоем в Новом Орлеане, я была еще ребенком, и дед очень обрадовался, что во Франции есть еще один представитель рода Жераров. Когда я стала старше, он часто вспоминал в разговорах со мной то первое письмо дяди Мориса.

Но я еще больше полюбила дядю Мориса за его письмо ко мне, так как в нем он совсем не показался мне таким озлобленным на весь мир человеком, каким я его представляла себе. Он казался добрым, великодушным и очень, очень одиноким. Любая девушка на моем месте была

бы только рада, что у нее есть такой богатый дядюшка. И к тому же мне понравилось упоминание о том, что я являюсь его единственной родственницей.

Я вполне серьезно начала размышлять о Замке грифов. Что за название! Но его вполне можно заменить. Интересно, каково чувствовать себя хозяйкой замка в Оверни? Конечно, мне не верилось, что дядя действительно владел им, но... Мне нравилось думать об этом.

Je suis comme ça! [2] Мне это нравится! Потому что я - внучка своего деда. Он научил меня, помимо всего прочего, ценить франк. Он довольно часто говорил мне, что во Франции каждый человек имеет право быть самим собой. Это хорошо. Это могло сделать Францию землей обетованной, легендарной и мифической страной, где каждый делает то, что ему по душе. А я - наполовину француженка...

Зазвонил телефон, и я от неожиданности подпрыгнула, затем лениво поднялась с уютного кресла, села на подлокотник и взяла трубку:

- Oui? [3]

- Это Ашар, мадемуазель Жерар. Вас спрашивает какой-то мужчина, говорит, что он шофер месье Жерара. Вы ждали этого человека? Я хочу сказать, что всегда благоразумно проверить, если...

- Все в порядке, месье Ашар. За мной должны были прислать машину. Шофер отвезет меня в замок моего дяди в Оверни.

- А! Не пожелает ли мадемуазель, чтобы я прислал шофера наверх?

- Если это вас не затруднит, месье. И еще кого-нибудь ему в помощь, пожалуйста. Я целый день ходила по магазинам, и у меня масса свертков.

- Непременно, мадемуазель!

Я положила трубку и поспешно проверила свой макияж. Мое отражение смотрело на меня из зеркала с тревогой. Волосы гладкие, черные, с синеватым отливом, высокие скулы, глаза карие, большие и ясные - дар моих французских предков. Стройная фигура, высокая грудь и тонкая талия, а плечи чудесно смотрятся в платьях с низким, открытым вырезом. Ноги длинные. Не красавица, знаю, но совсем даже недурна, правда.

Je suis comme ça!

Я позволила звонку протрещать дважды, прежде чем откликнулась. Вошедший мужчина заслонил весь дверной проем, и мне потребовалось время, чтобы прийти в себя, особенно после того, как я взглянула в его глаза. Они были янтарные и холодные, похожие на глаза мертвой пумы, которую я когда-то давно видела в болотах под Новым Орлеаном. Лишенный выразительности взгляд на мгновение изучающе остановился на мне, а потом быстро скользнул прочь. Безжалостные глаза на зверском, обезображенном лице с перебитым носом. Этот нос странно гармонировал с мясистыми, выпяченными и неожиданно по-женски очерченными красными губами и искривленными, как у борцов, ушами.

- Вы - шофер дяди Мориса? - нервно спросила я.

Он кивнул:

- Месье Жерар приказал мне поприветствовать вас во Франции, мадемуазель. Я доставлю вас в Шатеньере и в замок так быстро, как только смогу, не забывая, естественно, о вашей безопасности. Ваш дядя страстно желает поскорее увидеть вас.

Голос у него был гнусавый и очень тонкий, совершенно не гармонизировавший с грубым лицом, широкими плечами и огромными ручищами, в которых он неловко крутил шоферскую фуражку, как будто не привык ломать шапку перед кем бы то ни было. Он имел тело атлета и, очевидно, был очень силен.

Я что-то пробормотала о том, что мой дядя очень любезен, ощущая на себе изумленный взгляд посыльного, пришедшего за моими вещами.

- Ваш дядя - один из героев Сопротивления, мадемуазель, - ответил шофер, как будто война, которая закончилась до того, как я родилась, все еще продолжалась. - Месье Жерар - великий человек. Великий. Служить ему одно удовольствие, мадемуазель. Он приказал мне хорошенько охранять вас по дороге в замок. Я Альбер Бернар, ваш слуга.

Я кивнула:

- Спасибо, Альбер, Вот мои вещи.

Он что-то прорычал посыльному, надел фуражку, подхватил четыре моих чемодана, по два в каждую руку, и остановился в почтительном ожидании.

Посыльный собрал свертки, и я в последний раз оглядела номер, который был моим домом целую восхитительную неделю в Париже. В сравнении с замком, решила я, это место, должно быть, покажется ничтожным, и можно покинуть его без особого сожаления. Я еще загляну сюда на обратном пути в Новый Орлеан. Я подхватила блок американских сигарет, который чуть не забыла, и пошла впереди моего колосса и его помощника к выходу.

Прощание было довольно официальным. Месье Ашар, посыльный и швейцар, суетившиеся, как будто я была графиней, проводили меня до дверей. Я смущенно подумала: какова будет их реакция, если машина дяди Мориса окажется древней развалюхой или одним из тех крошечных европейских "жучков", которые стадами паркуются вдоль авеню Этуаль?

Я с тревогой выглянула на улицу. Альбер укладывал мои чемоданы в багажник сверкающего лимузина, который не опозорил бы и самого де Голля. Это был черный "Мерседес-Бенц". Такая машина стояла бы моему бедному дедушке всех его сбережений. Видимо, решила я, дед заключил невыгодную для себя сделку, позволив Жан-Полю забрать ферму.

Альбер открыл передо мной заднюю дверцу автомобиля, и я с комфортом устроилась на мягком сиденье. Швейцар, посыльный и месье Ашар поклонились, и я Помахала им рукой.

- Там есть подушка и плед, - прогнусавил Альбер. - Позднее, если мадемуазель устанет, она может вполне комфортно поспать. Дорога длинная, но я постараюсь сделать ее плавной.

- Уверена, что вам это удастся, Альбер, - ответила я. - Спасибо.

Пока я устраивалась в салоне, мотор тихо, но мощно заурчал. Определенно этот лимузин вполне мог быть изготовлен специально для де Голля.

- В салоне есть радио, если мадемуазель любит музыку, - проинформировал меня Альбер. Его странные глаза искоса смотрели на меня в зеркало заднего обзора. - Если нажать на ту

зеленую кнопку, откроется небольшой бар, его дверцу можно использовать как столик. На полке внутри вы найдете вино из поместья и бренди. В термосе – горячий кофе, а в пластиковом контейнере – еда, которую месье Жерар выбрал для мадемуазель.

- Мой дядя меня балует, – пробормотала я.

- Это доставило ему удовольствие, мадемуазель, как и мне, на самом деле. А теперь, извините меня – я должен сосредоточить внимание на дороге.

С ностальгией я смотрела на мелькавшие за окном бульвары Парижа. Изредка прохожие поворачивали головы, изумленно глядя нам вслед и пытаясь рассмотреть, что за важная персона едет на заднем сиденье шикарного автомобиля. Вскоре Париж остался позади, превратившись в сверкающий неоновым сказочный замок на фоне темнеющего неба. Мы уже ехали по южным предместьям.

- Теперь мы на автостраде, мадемуазель. Она приведет нас через Этамп к окраинам Фонтенбло. Ужасно жаль, что сейчас стемнело, – как раз впереди находится Л'Э-Ле-Роз, прекраснейший розовый сад в мире. Тем более, что сейчас май – время цветения.

вернуться

2

Я такая! (фр.)

вернуться

3

Да? (фр.)

- Возможно, я увижу его, когда буду возвращаться обратно, – вздохнула я, вглядываясь в темноту.

- Возможно, – ответил шофер и издал странный смешок. – Но розы не цветут вечно, мадемуазель.

Я опустила оконное стекло и вдохнула аромат ночного воздуха. Альбер был прав: розовые кусты выглядели великолепно даже в тусклом рассеянном свете фонарей. В парке Со и садах возле домов в предместьях Этампа, мимо которых мы сейчас проезжали, тоже буйствовали розы.

За Этампом вокруг нас вновь сгустилась мгла. Вскоре мы въехали в Фонтенбло. Надпись рядом с автострадой гласила: "Дорогу могут пересечь олени и кабаны". Но мы не увидели ни одного обитателя леса.

Мотор заурчал мощнее и монотоннее. Свежий ветерок врвался в открытое окно. Этамп остался позади, и я вновь откинулась на спинку сиденья, пытаюсь перевести расстояние от Парижа до замка из километров в мили. Получилось три с половиной сотни миль!

- Альбер, мы действительно доберемся за ночь до замка?

- Ну конечно, мадемуазель. Как раз к завтраку. От Парижа всего восемь часов езды. Мы выехали в девять, так что будем в замке около пяти утра. Мы должны успеть к этому времени - Габриель приготовит для нас завтрак, и если мы опоздаем и позволим ему испортиться, она будет вне себя от гнева.

Он сказал это так серьезно, что я рассмеялась:

- Кто такая эта Габриель?

- Мадам Бремман, экономка хозяина. Вы ее не знаете?

- Я вообще мало что знаю о домочадцах дяди, Альбер. Его письма всегда были слишком короткими. Расскажите мне о замке и его обитателях.

- Об этом не мне говорить, - проворчал он. - Вам лучше поспать, если сможете. Здесь больше нет достопримечательностей.

- Нет городов?

- Орлеан. Он не очень большой и не особенно живописный. Потом мы пересечем долину Луары. После этого смотреть будет не на что, пока не достигнем Массива, но в темноте все равно ничего нельзя разглядеть. Так что будет гораздо лучше, если вы поспите.

- Ах да, Центральный массив, - откликнулась я. - Я слышала, что его горный пейзаж просто великолепен.

- Кто вам это сказал?

- Мой дедушка. Дядя месье Жерара.

- Мнения людей о Массиве довольно спорны. Вы достаточно посмотрите на него с башни замка, который находится южнее Орийяка.

- А Шатеньере? Правду говорят, что это безлюдный, унылый край?

- Это опять-таки спорный вопрос. Земли Шатеньере когда-то были тучными и изобильными, но поселенцы расточили их богатство и потом покинули эти места. Теперь там только пихты, буки, дрок да папоротники. Да, сейчас Шатеньере можно назвать безлюдным. За исключением поместья Жераров. Там еще живут люди, но в округе больше нет ни одной деревни. В этой местности много известняковых пещер, которые глубоко уходят под землю, источают вредные испарения и тем самым истощают почву. За две сотни лет людям мало что удалось изменить, мадемуазель. Вот что такое Шатеньере. А теперь поспите. Так вам сказал бы и ваш дядя.

Я задала еще какой-то вопрос, но он притворился, что не слышит. Машина мчалась сквозь темноту, и лишь свет автомобильных фар выхватывал из мрака дорогу впереди и густой лес по обе стороны от нее.

На часах было одиннадцать. В отдалении показались огни, должно быть, Орлеана. Зрелище не особенно впечатляло, и я, зевнув, нашла подушку с пледом, сбросила туфли и свернулась калачиком на сиденье. Лежать было мягко и удобно, и только сейчас я поняла, как утомил меня дневной поход по магазинам. Тихое урчание мотора и шелест ветра в открытом окне успокаивали. Широкие плечи Альбера слегка двигались передо мной, когда он поворачивал руль. Он ехал очень быстро, но я любила скорость и уже утратила страх перед шофером.

Альбер действительно был хорошим водителем. К тому же, казалось, он очень предан моему дяде... Вскоре мои глаза закрылись.

Меня разбудил скрежет металла. Я вздрогнула и открыла глаза. Машина стояла, мотор молчал. Я села и с необъяснимой паникой уставилась перед собой. Мы стояли у бензоколонки, и человек с всклокоченными волосами сонно сражался с насосом. Альбера нигде не было видно, но вскоре он появился из небольшого кафе, примыкавшего к бензоколонке, над которым висела одинокая лампа.

Альбер одной рукой открыл дверцу машины, искусно удерживая на огромной ладони поднос: – Мадемуазель проснулась?

Я зевнула и поправила плед, прикрывая ноги, которые, по-видимому, привлекли его внимание.

– Только что. Где мы, Альбер?

– Рядом с Лиможем, мадемуазель. Я принес вам кофе. Он свежий, лучше, чем в термосе. Если мадемуазель мне позволит... – Он наклонился и нажал на кнопку панели. Дверца откинулась, и на этот столик Альбер поставил чашку. Кофе пах восхитительно. – Немного бренди, мадемуазель? Это очень хороший бренди.

– Только чуть-чуть, спасибо.

Альбер открыл пластиковый контейнер, показывая мне холодного цыпленка, свежий салат-латук и красные помидоры.

– Если мадемуазель отведаст цыпленка, это доставит удовольствие Габриель. Хотя здесь в кафе готовят отличный омлет, и хозяйка быстро состряпает порцию для вас, если этот завтрак вам по вкусу.

– Я предпочитаю цыпленка Габриель. Спасибо, Альбер.

– Хорошо, – сказал он, и его толстые губы растянулись в подобие улыбки.

– Мы уже в горах? – спросила я, почувствовав на своем лице прохладное дуновение ветерка через открытую дверцу.

– В предгорьях. Но скоро вы увидите Массив. Река рядом с нами – Шаранта. Здание впереди – тюрьма. Многие маки были здесь заключенными во время войны. В этих местах делают прекрасный фарфор. Здесь, у Лиможа, огромные залежи редкой глины каолин. Подобной ей нет нигде в западном мире, только в Китае.

Я кивнула и бросила взгляд на часы:

– Мы можем провести некоторое время в Лиможе?

– Нет. Я обещал месье Жерару вернуться в замок к пяти. Если мадемуазель хочет немного размять ноги, в кафе есть комната отдыха.

Я кивнула и вышла из машины. Ночной воздух имел особый привкус. На фоне черного неба тюрьма казалась огромной. Одинокая лампа освещала стальные решетчатые створки ворот в массивной каменной стене. Я невольно поежилась. Альбер, вероятно, был одним из маки, героев Сопротивления. Может быть, именно здесь его так изуродовали?

Когда я вернулась, Альбер ждал у машины. Служитель бензоколонки отправился досыпать в свою кровать.

- Альбер, вы не поможете мне с цыпленком?

Его губы вновь скривились - это означало улыбку.

- Я уже поел, мадемуазель, когда хозяйка готовила вам кофе. Небо чистое, и взошла полная луна, так что после Лиможа вы сможете увидеть Массив, когда мы поедем в сторону Пюи-де-Дом и Мон-Дор. В Тюли мы повернем на юг к Орийяку и Шаранте. Дальше дорога будет ровной и свободной, мы сможем ехать быстрее.

Я кивнула:

- Тогда я поем в пути.

Через город Лимож Альбер ехал осторожно, и мне нечего было беспокоиться, что я пролью кофе, оказавшийся отличным на вкус. Цыпленок тоже был приготовлен на славу. Я все-таки настояла, чтобы Альбер тоже поел. Он жевал с аппетитом, продолжая править одной рукой и осторожно бросая кости в окно. Я закурила сигарету, вновь накинув на себя плед.

На юго-востоке над пиком горы поднималась полная луна, и я смогла разглядеть жерло потухшего вулкана, ясно вырисовывавшееся на фоне неба. Я улыбнулась, вспомнив яркие описания пейзажей Оверни, данные моим дедом.

Массив был вулканическим, и здесь находилось много пиков, подобных тому, который только что показала мне луна. Дед часто рассказывал об известняках Шатеньере, но никогда не считал эту местность заброшенной. Она была для него сказочно прекрасной. Пристально глядя вперед, я размышляла, не относились ли мой дед и его брат Жан-Поль к тем фермерам, которые истощили плодородные почвы, как сказал Альбер.

Вскоре Лимож остался позади, и шофер молча ссутулился за рулем, полностью сосредоточившись на дороге. Машина то карабкалась на склон, то катила вниз. Сейчас она стремительно летела к очередной вершине, и поток встречного воздуха свидетельствовал о большой скорости. Шины жалобно взвизгнули на повороте, и мы вновь устремились вниз. Я выпрямилась и наклонилась вперед, чтобы посмотреть на спидометр. От того, что я на нем увидела, закружилась голова, и я судорожно вцепилась в сиденье. Желтая стрелка на табло высвечивала цифру "120". Вспомнив, что спидометр показывает скорость в километрах, а не в милях, я немного успокоилась. Но семьдесят пять миль в час - это тоже довольно быстро.

Внезапно, как будто почувствовав мой интерес, Альбер сказал:

- Через несколько километров мы повернем на запад, к Бриву. Чтобы добраться до Орийяка, нам надо будет проехать через Тюли.

- Вы отлично водите, Альбер.

Я услышала хрипкое хихиканье.

- Еще бы! В былые времена мне приходилось ездить гораздо быстрее, чем сейчас, да на таких машинах, в которые вы бы никогда не сели. Теперь вы бы не поехали на такой. И все же лучше было погибнуть в дорожной аварии, чем умереть в руках гестаповцев.

- Вы возили моего дядю Мориса?

- Нет. Но я, конечно, знал о нем. Кто не знал? Мы с ним познакомились в застенках гестапо в Берлине. Они бросили его в мою камеру, где я ждал казни. Он был так болен, так близок к смерти, что ничего для него уже не имело значения. Но они почему-то медлили, слишком долго медлили. Я не мог понять почему. Всех остальных расстреляли. Многих. Но дни фрицев были уже сочтены - пришли русские. Гитлер умер в своем бункере, а мы были все еще живы. Вожди гестапо ушли в подполье, а нас освободили русские. Я остался с месье Морисом. Лечил его, ухаживал за ним, приехал с ним в Шатеньере. У меня никого больше не осталось. Когда-то у меня были жена и ребенок, но, когда меня схватили, жену тоже арестовали. Они отправили ее в войска, сделали армейской проституткой для немецких солдат. Она попыталась бежать, и ее застрелили.

- Это так трудно сейчас себе представить... - Я содрогнулась. - А ребенок?

- Девочка. Ей было тогда два годика. По ошибке ее отправили в Дахау, как еврейского ребенка. Она погибла там.

Воспоминания заставили его замолчать. Я тоже притихла. Луна поднялась выше, и в ее свете горы казались фиолетовыми, как и тени в долинах. "Мерседес" продолжал мчаться вперед, то поднимаясь на гребни гор, то устремляясь вниз. Склоны внезапно стали казаться угрожающими, а долины внизу - бездной, в которой затаились чудовища. Прошло более двадцати лет, а война еще не забыта здесь... И это совсем не соответствовало тем героическим картинам, которые рисовал мой дед в своем воображении. Уныло глядя на мелькавшие мимо горы, я стала размышлять, как война повлияла на дядю Мориса.

Вскоре мы промчались через спавший Тюли и повернули на юг. Впереди дремал Орийяк, город с двадцатью тысячами жителей. Проехав и его, мы вновь прибавили скорость.

- Шатеньере, - пробормотал Альбер, все еще погруженный в воспоминания.

Угнетающая тьма, казалось, окутала нас со всех сторон. Дорога теперь стала не такой гладкой, как прежде, но была все еще довольно ровной. Олень, напуганный светом фар, выпрыгнул на обочину и с треском промчался через подлесок.

От долгого спуска у меня заложило уши, но вскоре мы снова начали подъем. Я потеряла чувство времени и пространства, невозмутимый Альбер мрачной громадой склонился над рулем. Внизу, на Ростове я увидела призрачный свет.

- Мы уже на территории поместья, - внезапно сказал Альбер. - Еще несколько километров, мадемуазель, и вы увидите огни Замка грифов.

Вдруг впереди показались здания. Фонари не горели, и в темноте я смогла разглядеть только соломенные крыши домов, поля и ряды виноградников.

- Замок грифов, - пробормотал Альбер.

- Где?

- Взгляните налево, мадемуазель, на склон. Дорога огибает деревню Токсен - "набатный колокол". Все жители - арендаторы вашего дяди. Здесь редко появляются чужаки, они заходят сюда лишь случайно.

Но я уже утратила интерес к деревне, пристально всматриваясь в огоньки, показавшиеся на склоне за ней. Альбер немного сбросил скорость, и мне удалось мельком разглядеть расплывавшиеся в темноте вывески над небольшими магазинчиками по обе стороны дороги. Бакалея, трактир, мясная лавка, одежда, примитивно выставленная в грязной витрине. Выбежала, дерзко залааяв, собака, но тут же поспешно ретировалась, когда "мерседес" пронесся мимо нее.

Мы свернули на дорогу, посыпанную гравием, узкую и изрезанную колеями, В свете автомобильных фар появились высокие каменные стены и открытые железные ворота. "Мерседес" остановился, и Альбер вышел, чтобы закрыть их за нами. Я оглянулась и нахмурилась. Он вертел ключ в огромном висячем замке на массивной цепи, которая соединяла створки ворот и с успехом могла бы удержать какой-нибудь подвесной мост.

Огни замка впереди казались все еще далекими, но я уже смогла рассмотреть свет в нескольких окнах. Альбер вернулся за руль.

- Зачем нужно запирать ворота? - спросила я. - Они же были открыты, когда мы подъехали.

- Их оставили открытыми для нас, мадемуазель. Справа вы можете видеть домик привратника. Ночью их оставлять открытыми вполне безопасно - никто из деревенских здесь в это время не ходит. Все они суеверны.

- Безопасно? - Я снова нахмурилась. - Тогда зачем их вообще нужно закрывать?

Он пожал широкими плечами и включил мотор.

- Месье Жерар так приказал, мадемуазель. Не я. Ему нравится, что ворота закрыты. Он не любит, когда в замок заходят люди. Он не выносит людей вокруг себя, особенно чужих. Деревенским разрешается приходить в замок, только когда они работают в поместье. Тогда ворота открывают, но не ночью.

- Судя по вашим словам, Альбер, мой дядя - затворник?

- Можно и так сказать, мадемуазель. Таким сделала его война...

Виноградники по обеим сторонам дороги вскоре уступили место фруктовым садам, а затем розам. Розовые кусты были усыпаны нераспустившимися бутонами - здесь было холоднее, чем на равнине. Лужайки выглядели ровными и ухоженными.

Огни "мерседеса" отразились в окнах, машина повернула у разрушенного крыла замка и остановилась на ровной дорожке из гравия у главного входа. На пороге, над изогнутой каменной лестницей, замерла в ожидании нас женщина, заслонив широкими плечами дверной проем. Я уставилась на нее, пытаюсь нащупать ногами туфли. Она казалась огромной, больше похожей на мужчину, чем на женщину. Она стояла и молча смотрела на нас с Альбером. Он вышел и открыл для меня дверцу машины.

Надо мной в темноте неясно вырисовывался огромных размеров замок, напомнивший мне о тюрьме в Лиможе. Когда я поднялась по ступенькам, женщина показалась мне уже не такой большой.

- Вы, должно быть, Габриель? - спросила я, и она кивнула:

- Хозяин велел мне оказать вам радушный прием в Замке грифов, мадемуазель. Комната для

вас готова. Завтрак через пятнадцать минут. Но сначала хозяин хочет сам поприветствовать вас. Он ждет в библиотеке.

Я улыбнулась ей, пытаюсь разглядеть в тусклом свете лицо обладательницы такого глубокого, мужеподобного голоса. И я его увидела, когда она повернулась: смуглокожее, тонкогубое, узкоглазое. Белый рубец пересекал левую щеку от виска до верхней губы.

- Думаю, мне надо привести себя в порядок после дороги, прежде чем отправиться к дяде, - возразила я. - Мой костюм помялся, макияж стерся...

Я сказала это так, как одна женщина могла бы сказать другой, хотя для меня ее принадлежность к женскому полу все еще казалась довольно сомнительной.

- Он велел привести вас сразу же, мадемуазель, - ответила Габриель, не глядя на меня. - Немедленно, как только вы приедете. И если вы не выглядите как парижанка, это не важно. В свое время он повидал достаточно таких. Сюда, пожалуйста.

- Но...

Она зашагала вперед, как будто не слышала. Где-то вдалеке раздавалось жужжание дизельных моторов, видимо, они служили источником местного освещения. Сейчас оно было неярким, хотя в коридоре, по которому мы шли, висели электрические лампы в круглых абажурах из блестящего хрусталя. Возможно, подумала я, высокие потолки делают свет таким тусклым. Габриель остановилась у огромной дубовой двери, повернула голову и посмотрела на меня, прежде чем постучать.

- Хозяин любит темноту, по причине, которую вы со временем, без сомнения, поймете. Будет лучше, если вы не покажете удивления, когда его увидите, - он довольно чувствителен к подобным вещам, даже после стольких лет. Когда-то он был очень красивым мужчиной. Теперь... - Она замолчала.

- Я знаю, что он был обезображен во время войны, мадам, - спокойно заметила я.

- Только не говорите об этом при нем, - резко сказала Габриель и постучала. - Предупреждаю вас: ни слова ему об этом!

- Войдите! - раздался за дверью низкий голос. - Она уже здесь, да?

Габриель открыла дверь:

- Да, месье, она здесь.

- Оставь нас. Входи, Дениза. - В голосе появились нежные нотки. - Добро пожаловать в Замок грифов.

Я вошла, чувствуя нервозность, и в рассеянном свете, падавшем из коридора, рассмотрела интерьер комнаты, заставленной книжными полками. Призрачная фигура сидела за большим столом, но разглядеть ее было невозможно - комната тонула в темноте.

- Дядя Морис? - наконец осмелилась я сказать, осторожно приближаясь.

- Итак, ты внучка Анри Жерара, Дениза. - Слова звучали с едва уловимым акцентом. - Добро пожаловать, моя дорогая. В темноте все равны, не так ли? Но возможно, нам лучше

познакомиться при свете, а? Да будет свет!

Настольная лампа на столе внезапно вспыхнула, выхватив из мрака часть комнаты и фигуру невысокого, крепкого мужчины с квадратными плечами. Он пристально смотрел на меня, его левая рука небрежно лежала на столе. Дядя мог очень хорошо разглядеть меня, я в этом не сомневалась. Но сама я совсем не видела его лица – абажур лампы заслонял его от света, который был направлен прямо на меня.

- Дедушка всегда показывал мне ваши письма. Вы были для него героем, дядя Морис, – сказала я. – Мне кажется, я знала вас всю свою жизнь.

Я обошла стол, наклонилась, быстро прикоснулась губами к его щеке и отшатнулась в ужасе, который не смогла утаить, – мои губы наткнулись на что-то, похожее на шерсть животного. Дядя тоже отпрянул от меня, как будто мой поцелуй так же подействовал и на него. Он сидел молча, неподвижно и пристально смотрел на меня. Затем медленно произнес:

- Ты должна меня извинить, Дениза, если я не отзываюсь на твои чувства. Прошло много лет с тех пор, как женщины в последний раз целовали меня. Особенно такие юные женщины, как ты. Подойди к двери – там выключатель. Зажги свет, и ты увидишь, что у тебя нет причин бояться меня. Я не животное и не дьявол. Я человек и твой дядя.

Мне потребовалось усилие, чтобы остановиться у двери и не броситься бежать к "мерседесу". Я включила свет, медленно повернулась и взглянула на дядю.

Он сидел очень неподвижно, очень прямо и наблюдал за мной. Приземистый мужчина с военной выправкой. Его густые волосы были белы как снег. Лицо скрывала полумаска из черного бархата. Под ней черты лица лишь угадывались. Нос топорщил материал маски, а вокруг ноздрей, чтобы можно было свободно дышать, и у рта были вырезаны отверстия. И хотя до меня не доносилось ни звука, я была уверена, что дядя сейчас смеется надо мной, так как на фоне черной маски выделялись белые ровные зубы. Бархатная ткань ниспадала на подбородок и исчезала в открытом вороте белоснежной рубашки.

- Я не понимаю, – пробормотала я, хотя все прекрасно поняла. Картина была мне полностью ясна: рубцы от ожогов конечно же! Мои губы коснулись бархата вместо кожи...

Дядя Морис пожал плечами:

- Все просто, моя дорогая. Во время войны я был обезображен. Я ни с кем не говорю об этом, пытаюсь не думать, забыть... Иногда мне кажется, что было ужасной ошибкой так цепляться за жизнь...

Я подошла к нему, чувствуя сострадание и невольную жалость:

- Но, дядя Морис, с помощью пластической хирургии...

- Это безнадежно, – отмахнулся он.

- Но вы здоровый, крепкий. В Америке есть специалисты, способные творить чудеса.

- В Америке – да! Хотя я сомневаюсь, что они смогут мне помочь, – вздохнул он. – Но возможно, если... если мы решим, что я отправлюсь с тобой в Америку... я позволю тебе сводить меня к одному из твоих хваленых хирургов.

- Вы должны! - воскликнула я.

Зубы сверкнули в прорези маски - он снова улыбнулся:

- Возможно. Посмотрим. У тебя самоуверенность юности, Дениза. И ты очень красивая девушка. Это ободряет меня. Ты уже действуешь на меня благотворно. Надеюсь, ты останешься здесь на некоторое время, затем мы решим, что делать дальше. Есть некоторые проблемы, которые нужно будет преодолеть. Мне нелегко покинуть Францию. Но наверное, с твоей помощью я смогу это сделать. А пока пойдем в столовую - Габриель приготовила для нас еду и горячий кофе.

Он встал, поклонился и галантно предложил мне руку. Мы вышли из заставленной книгами комнаты. Идя рядом с ним, я старалась не думать о том, что скрывается за гладкой черной маской, и о том, что рука, на которую я опиралась, заканчивалась крюком из нержавеющей стали...

Глава 2

- Вы уже проснулись, мадемуазель?

Хриплый шепот поверг меня в ужас, сердце учащенно забилось. Я взвизгнула и услышала шорох совсем рядом с огромной кроватью, на которой спала. В темноте зазвучал шелестящий хриплый смех.

- Кто это? - с трудом выдохнула я и поспешно села.

- Это я, Габриель Бреман.

Я услышала шаги - она подошла к окну.

- Вы проспали завтрак. Уже полдень. Я задернула занавески, чтобы солнце не разбудило вас.

Тяжелые шторы разметались в стороны, прошелестев кольцами по карнизу, и я увидела усмехавшуюся Габриель. В полуденном свете она выглядела еще менее привлекательной, чем ранним утром. Когда ее губы растянулись в безрадостной улыбке, я заметила, что зубы у нее желтые, потемневшие от табака.

Она прищурила мерцающие глаза и скользнула по мне таким взглядом, что я поспешно натянула одеяло, жалея, что не надела более плотную ночную рубашку вместо этого парижского шедевра. Я начала извиняться за то, что проспала так долго и пропустила завтрак, но Габриель лишь покачала головой:

- Это не важно. Если не считать того, что хозяин не стал стрелять, думая, что выстрелы могут вас разбудить. Я принесла вам легкий завтрак и кофе. Есть красное вино, если вы предпочитаете его.

- Спасибо. - Я бросила взгляд на поднос, стоявший на столике возле кровати. - Вы очень добры, Габриель.

- Я? Добра? - Она засмеялась, отошла от окна и остановилась в изножье кровати, не сводя с меня пытливого, пронзительного взгляда странных угольно-черных глаз.

- Да, - сказала я. - Если бы вы меня позвали, я сама бы спустилась к завтраку.

Она пожала плечами и отвернулась. За окном маячили могущественные горные вершины, линия которых исчезала в туманной дали на фоне бледно-голубого неба. Габриель вновь подошла к окну. Для женщины ее комплекции она двигалась тихо, как кошка, что удивило меня: старый дубовый паркет, покрытый несколькими небольшими ковриками, даже не скрипнул, а Габриель носила тяжелые башмаки, выглядывавшие из-под старомодного черного платья. Я воспользовалась моментом, чтобы тихо выскользнуть из кровати, быстро схватить халат, набросить на плечи и плотно запахнуться в него. Почувствовав мое движение, Габриель быстро повернула голову и уставилась на меня. Я еще плотнее запахнула халат, ощущая, как кровь приливает к щекам от раздражения. Но я заставила себя сказать как можно спокойнее:

- Вы что-то говорили о стрельбе?

Она продолжала пристально смотреть на меня.

- Вы красивая, мадемуазель. Но полагаю, мужчины вам часто это говорят. Вы верите, что когда-то и обо мне говорили так же? Тогда я была высокая и стройная... - Она замолчала и рассмеялась. - Теперь, наверное, я вызываю у вас только отвращение и обиду. Это потому, что прошло много времени с тех пор, как я... прислуживала кому-то вроде вас, мадемуазель. Сожалею...

Я почувствовала, что гнев начинает искажать мое лицо, и попыталась найти подходящие слова. Но тут она поспешно добавила:

- Ах да, стрельба! Идите посмотрите сами. Из вашего окна открывается прекрасный вид. Каждый день после ленча хозяин стреляет. Он очень меткий стрелок. Сейчас начнется. Бернар разбросал зерно, и уже парят грифы.

Прежде чем подойти к окну, я подавила приступ раздражения, вызванный этой женщиной. Над садом высоко в небе парили, медленно кружа, черные птицы.

- Я не знала, что в Европе есть грифы, - пробормотала я. - Мой дядя стреляет в них?

- Нет, не в грифов! Только не в них. Это черные грифы, большая редкость во Франции. Они гнездятся в лесу над замком, и хозяин каждый день их кормит. Они дали название этому месту, мадемуазель. Было бы жаль истреблять их, вы не находите?

- Тогда в кого же он стреляет?

- Посмотрите на лужайку внизу. Приглядитесь повнимательнее.

Последовав совету, я увидела зерна пшеницы, рассыпанные в траве широкой полосой. Два десятка откормленных, толстых голубей с важным видом расхаживали вокруг, клюя угощение. Пока я любовалась ими, прилетела еще одна стая и, приземлившись с распростертыми крыльями, присоединилась к гуляющей птичьей публике.

- В лесах много диких голубей, - любезно пояснила Габриель. - Нежные маленькие создания и очень глупые. Ничему никогда не учатся. Мы даже разводим их на случай, если вдруг они из страха перестанут прилетать сюда.

Я напряженно и внимательно продолжала наблюдать за голубями. Что-то с ними было не так... Некоторые, казалось, нетвердо стояли на лапах. Один попытался взлететь, но не смог, упал и забился на траве.

- Обычно, - пояснила Габриель, стоя рядом со мной, - они слишком быстры для грифов. Только соколы и ястребы могут поймать их на крыле. Но здесь все по-другому. Мы немного помогаем грифам: Альбер вымачивает зерно в вине, которое нас научил готовить хозяин. Таким образом им становится легче...

- Вы хотите сказать, что вино отравлено? - ужаснувшись, прервала я ее.

Оглушительный хлопок выстрела заставил меня вздрогнуть. Голуби внезапно взмыли в небо, оставляя на траве разорванную плоть и серые перья. Только что прилетевшая стая, обезумев, взмыла вверх, но те, что были поблизости от своих погибших товарищей, лишь слегка отодвинулись от окровавленных кусков плоти и перьев и вновь вернулись на то место, где клевали зерно, как будто ничего не произошло. Грянул второй выстрел, и я заметила голубой дымок, поднимавшийся над окном в другом конце замка.

Я смотрела как зачарованная, с отвращением, но не в силах отвести взгляд. Перья устилали лужайку. Последняя стая голубей уже улетела, но первые и самые жадные птицы остались. Они, казалось, были не в состоянии спастись, хотя некоторые и пытались взмахивать крыльями.

- Он никогда не промахивается, - торжествующе заявила Габриель. - Никогда! На это стоит посмотреть, правда?

Ее пальцы с мужской силой сжали мою руку, причиняя боль. Я отдернула руку и отвернулась. Чары, что пленили меня и держали у окна, разрушились.

- Это чудовищно! - выдохнула я.

- Чудовищно? Но почему, мадемуазель? Он пользуется винтовкой. И птицы там внизу - дикие. Разве это не лучше, чем убивать ручных голубей из дробовиков, как это делают англичане или американцы? Для вашего дядюшки это искусство. Птицы, в которых он стреляет, ничего не чувствуют, потому что у винтовки большой калибр. И разве это так уж отличается от того, как этих одурманенных наркотиком голубей разрывают в воздухе выпущенные на них соколы, когда он устает стрелять для грифов? О, смотрите! Грифы появились! Впереди их вожак. Он любит, чтобы еда была живой, хотя остальные довольствуются падалью...

Когда за дело взялись грифы, стрельба прекратилась. Габриель была поглощена зрелищем внизу. Большая черная птица с лысой головой приземлилась рядом с одним из трепещущих беспомощных голубей. Я видела, как она одной лапой схватила его, сжала когтями и стала отрывать куски плоти. Окровавленные перья прилипли к крючковатому клюву грифа. Я поспешно отвернулась, чувствуя тошноту.

- Вы садистка, Габриель, - буркнула я. - Так же как и мой дядя.

- Садистка? Я? - Она быстро взглянула на меня. Ее глаза были почти черные, как будто без зрачков; я ответила ей таким же взглядом, и они внезапно подернулись пеленой, скрывая мысли. Она опустила ресницы и отвернулась. - О нет, мадемуазель, - сказала она изменившимся, почти подбострастным голосом, - вы ошибаетесь. Правда, ошибаетесь. Мне всегда жаль голубей. Они такие пухлые и хорошенькие... и вместе с тем такие глупые. Как дети. Ходят с важным видом, позируют и воркуют здесь внизу. Я часто кормлю их рано утром, собираю для них хлебные крошки. Они едят из моих рук.

- Зачем вы это делаете? - взбешенно поинтересовалась я. - Чтобы приручить их и отдать на растерзание грифам?

- Нет! - Она покачала головой. - Нет! Я сожалею, что они должны умереть. Но если не погибнут они, тогда грифы вымрут от голода, и я еще больше буду сожалеть о грифах, так как голодная смерть - самая страшная в мире. Это вопрос необходимости. И смерть ведь не так ужасна... Она может быть даже... прекрасной... - Габриель говорила страстно, задыхаясь от эмоций. Вдруг она отвернулась от меня и, помолчав, сказала: - Если я вас чем-то оскорбила, мадемуазель, прошу прощения. Это было ненамеренно. Ваш кофе остыл. Сейчас я принесу вам свежий.

- Не стоит беспокоиться, - ответила я. - У меня пропал аппетит.

- стакан вина оживит его. Перед вами всего лишь птицы. - Она пожала плечами. - То, что мы сейчас наблюдали, не так важно. Никто не должен смотреть на то, что считает неприятным.

Она взяла кофейник и вышла, тихо закрыв за собой тяжелую дверь. "Она ненормальная, - подумала я, глядя ей вслед. - Ни одна женщина в здравом уме не станет думать так, как она! Эта женщина может быть опасной. Надо предупредить дядю".

Я поспешила к двери, чтобы закрыть ее на замок до того, как Габриель вернется, и в ужасе остановилась. Дверь моей спальни не имела замка!

Я медленно вернулась и присела на край кровати, пристально глядя на дверь. Нужно поговорить об этом с дядей и заодно выразить ему протест по поводу его жестокости к голубям. Надо...

Цепочка заполошных мыслей внезапно оборвалась. Это же дом моего дяди, и он здесь хозяин. Габриель - лишь служанка, как и Альбер. Это мой дядя показал Альберу, как подмешивать какой-то наркотик в вино, в котором замачивали пшеницу для бедных птиц. Извращенный ум Габриель, может, и находит удовольствие в созерцании этого побоища, но ведь это мой дядя, а не она наслаждается стрельбой по голубям!

Возможно, его страдания в прошлом и добровольная изоляция уничтожили в нем сострадание к другим живым существам? Если так, размышляла я, его можно понять. Жерары всегда были чувствительны, и, вероятно, дядя Морис, казавшийся холодным и невозмутимым, просто подавлял свои чувства и таким образом защищался от окружающего мира, пытаясь не допустить, чтобы ему причинили душевную боль? Я начала находить оправдания для дяди Мориса, продолжая сидеть на краю кровати и смотреть на дверь. В конце концов я смогла себя в этом убедить, но по-прежнему чувствовала отвращение к той сцене, свидетелем которой только что стала. Мне хотелось смыть с себя все это в душе, нет, лучше в ванне. Но придется подождать, пока не придет Габриель. Увидеть ее в своей ванной комнате - это уж слишком! Я повернула голову и посмотрела на дверь ванной. Как и в двери спальни, там не было замка.

Пока я, нахмурившись, смотрела на ванную, дверь комнаты открылась и вошла Габриель. Я не слышала, как она шагала по коридору, но вот она уже здесь, с кувшином кофе, источающим дивный аромат.

Экономка примирительно улыбнулась:

- Мадемуазель почувствует себя лучше, выпив это. Луиза приготовила его. Луиза - девушка из деревни. Она здесь работает и готовит превосходный кофе.

- Значит, здесь есть слуги? - обрадовалась я.

Габриель кивнула:

- Они приходят из деревни. Одна женщина готовит еду, которую я заказываю, другая стирает белье. Пьер Лабрус работает привратником, его жена Мари - повар. У них есть дочь, но она не будет здесь служить. У нее, как они говорят, есть возлюбленный в деревне. Она привлекательная девушка для глупых мужчин. В девятнадцать лет все девушки такие. Наши служанки приходят и уходят постоянно, остаются только пожилые женщины, которым трудно найти другую работу в Шатеньере.

- У вас, как я вижу, много забот по дому, - пробормотала я, желая, чтобы она поскорее ушла. - Я не должна вас задерживать здесь.

- Иногда, - продолжала Габриель, - вся деревня трудится в поместье. Когда есть сезонная работа в полях или на виноградниках. Если вам потребуется ванна, мадемуазель, нажмите звонок рядом с дверью, я поднимусь и все приготовлю для вас, пока вы будете раздеваться. Я заставила себя улыбнуться:

- Спасибо, Габриель, но я вполне в состоянии сама приготовить себе ванну.

Она опустила глаза:

- Как пожелает мадемуазель.

- Я скоро спущусь и принесу поднос. Где я смогу найти своего дядю?

- В его комнате.

- Он часто выходит из нее?

- Да, часто. - Габриель подозрительно посмотрела на меня. - Почему вы спрашиваете?

Я пожала плечами:

- Просто проводить свои дни в затворничестве - это не очень хорошо.

- Он довольно часто выходит на прогулку в лес, охотится или рыбачит на реке в долине, вон там. В лесу есть олени и дикие кабаны, в реке - форель. Они пополняют наш стол.

- И голуби, конечно, - не удержалась я.

- Да, голуби. И фазаны, и перепела.

- Возможно, он как-нибудь возьмет меня с собой поохотиться, - неуверенно сказала я.

- Вас? - Экономка окинула меня насмешливым взглядом. - Да, возможно, возьмет. Хотелось бы мне при этом присутствовать! - Она облизала свои тонкие губы кончиком языка. Ее тон мне не понравился. - И все же отстрел голубей вызвал у вас отвращение?

- Это не охота... Кстати, на двери моей спальни нет замка. Нужно сказать об этом дяде.

- Зачем? Вы боитесь?

Мою сдержанность как ветром сдуло.

- Нет! Я не боюсь! - возмутилась я. - Почему я должна здесь чего-то бояться? Я вполне способна постоять за себя, но закрывать на замок дверь спальни - общее правило вежливости

там, откуда я приехала. Ни одной девушке не понравится, когда ее побеспокоят во время одевания или принятия ванны.

- Ясно. В Америке, конечно, все по-другому, чем здесь. - Габриель издала звук, похожий на хриплое хихиканье. - Ну, возможно, он поручит Альберу поставить на дверь задвижку... специально для вас... Хотя я в этом сомневаюсь. Единственные двери, которые в замке закрываются на замок, - это двери комнат самого хозяина. И естественно, входная дверь, которую каждую ночь запирают Альбер и хозяин. Они же опускают жалюзи. - Она вновь хихикнула. - Мадемуазель, когда темнеет, замок превращается в неприступную крепость и никто не может ни войти в него, ни выйти. Здесь вы в безопасности. Если, конечно, вы не боитесь своего дядю, меня или Альбера, так как только мы трое спим в этих стенах.

- Вы, наверное, очень заняты, Габриель. Я вас больше не задерживаю, - сказала я. - Или мой кофе опять остынет.

- Хорошо, мадемуазель. Я пришлю одну из служанок попозже, убрать вашу кровать. И прикажу ей сначала постучать, прежде чем войти, так что она вас не потревожит... одевающейся или в ванне.

- Спасибо, Габриель, - холодно поблагодарила я.

Пока горячая вода наполняла старинную ванну, я выпила кофе с круассаном. Веселый свист привлек мое внимание, и я с любопытством выглянула в окно. Худой мужчина в голубых джинсах и красной рубашке бамбуковыми граблями чистил лужайку под моим окном, сгребая в кучу серые перья. На его седой голове красовался щегольский черный берет. Я предположила, что это и есть Пьер Лабрус.

Грифов больше не было видно в небе над замком, но внезапно я обнаружила одного из них. Он сидел, сгорбившись, на ветке дуба по ту сторону сада. Пресытился... Я вновь посмотрела на мужчину.

Как будто почувствовав, что за ним кто-то наблюдает, он взглянул вверх на мое окно и увидел меня.

- Доброе утро, мадемуазель! - весело крикнул он, бросил горсть перьев в тачку и вежливо приподнял берет. К его пальцам прилипли несколько окровавленных перьев, но он этого, кажется, не замечал.

Я кивнула ему и отошла от окна. Потом поспешила в ванную. Мне необходимо было успокоиться, а лучший способ - расслабиться в теплой воде. Над водой поднимался пар, и я с удовольствием погрузилась в нее до самого подбородка. И только когда кожу стало щипать от жесткой щетки, которой я себя немилосердно терла, напряжение спало, и я почувствовала себя лучше.

Я быстро оделась и вышла в коридор. На лестнице был слышен низкий голос Габриель, говорившей с кем-то на кухне, но в остальных комнатах замка было тихо, как в склепе в полуденное время. Должно быть, решила я, дядя Морис в библиотеке. Я робко постучала.

- Кто там? - резко спросил он.

- Дениза, дядя Морис. Я вам не помешаю?

Я прислушалась, но он молчал, затем коротко сказал:

- Один момент, Дениза.

Я ждала, как мне показалось, очень долго, прежде чем услышала его шаги. Звякнули кольца портьер, потом щелкнул замок, и дверь открылась.

- Входи, моя дорогая. - Дядя улыбнулся мне.

Черпая бархатная маска была на своем месте. Я подозревала, что ему потребовалось время, чтобы надеть ее. Над маской его глаза благожелательно смотрели на меня. Сейчас, при дневном свете, я увидела, что они карие. Не такие темные, как у моего деда, а гораздо светлее, с коричневыми крапинками.

Когда наши взгляды встретились, я смогла наконец поверить в то, что говорила о нем Габриель: он действительно когда-то был красив. Черные, изящной формы брови, высокий, умный лоб. Под маской угадывались хорошо слепленные, правильные черты лица. Я отвела взгляд.

- Я не знала, работаете ли вы. Если я вам помешала - не колеблясь прогоните меня прочь.

Он засмеялся:

- Я так долго ждал твоего прибытия сюда, Дениза, как я теперь могу так поступить? Моя работа, как ты ее называешь, не так важна в сравнении с этим. Надеюсь, ты хорошо отдохнула?

- О да.

- Отлично. Проходи, дитя. Вина? Да, я настаиваю. Мы здесь пьем свое вино из собственного поместья. Даже пристрастились к нему, хотя вина этой области не считаются очень хорошими. Виноградники располагаются слишком высоко, солнце здесь слабое. Я больше люблю "Пуйи-сюр-Луар".

Я засмеялась, садясь на стул, который он любезно пододвинул мне.

- Вот как, дядя Морис! Эльзасское, даже немецкое вино?

Он несколько секунд молча смотрел на меня, затем рассмеялся. Странное выражение промелькнуло в его карих глазах.

- На Рейне выращивали отличный виноград задолго до того, как в Германии появились нацисты, Дениза, - спокойно заметил он.

Последовало неловкое молчание, я улыбнулась, стараясь разрядить атмосферу, и почувствовала, что он расслабился.

- Дедушка учил меня, вот почему я немного знаю о винах, - сказала я. - Он питал отвращение ко всему немецкому. По его мнению, существует только одно хорошее вино - бордо.

- Рядом с которым наше местное вино - лишь бледная копия, - подхватил дядя и вдруг хихикнул. - А какое вино предпочитает юная леди? Тоже бордо?

- Красное бургундское, - призналась я и поняла, что он улыбается за черным бархатом.

- Так-так! Тогда наше бордо тебе покажется слишком кислым на вкус. Не то чтобы я порицаю тебя - я и сам предпочитаю бургундское. - Его глаза сверкнули. - Насыщенное, грубоватое,

крепкое бургундское! Оно для сильных натур, как твоя... и моя. Я пью его, когда не могу достать вина из Эльзаса.

Я не заметила, что он дотрагивался до чего-то, кроме моего и своего стула, но в дверь внезапно постучали, и немного нервный женский голос спросил:

- Вы звонили, месье?

- Да. Мадемуазель хочет немного бургундского, Луиза. Принеси одну из бутылок, урожая сорок пятого года. Слегка охлажденную, пожалуйста.

- Да, месье.

Я удивленно подняла брови:

- Сорок пятого? Дедушка всегда говорил, что это был наилучший год для бордо. Год вина высшего качества. У вас, видимо, отличный винный погреб, дядя Морис.

- Да, там приличный запас. Ты сама увидишь все позже, когда я покажу тебе замок.

- Спасибо. Правда, я больше всего хотела бы посмотреть ферму в Везоне, где родились мой дедушка, дядя Жан-Поль и, конечно, вы.

На мгновение его брови сошлись на переносице.

- Ах да, конечно, Везон. Он в двадцати километрах отсюда. Там уже больше нет ничего, смотреть не на что. Ферма свое отработала, земли истощены, постройки частично разрушены во время войны, все заброшено. Когда я купил это поместье, некоторые арендаторы пришли сюда со мной. Лабрус, например, ну и несколько других. Однако я все еще сохраняю право собственности на Везон. Там остался управляющий, но ферма больше не используется. Однако, коль скоро она тебя интересует, я велю Альберу отвезти тебя туда через денек. Ты потом расскажешь мне о состоянии дел. Я там не был много лет.

Вспоминая восторженные рассказы деда о Везоне, я нахмурилась:

- Как печально...

- Ваше бургундское.

Я не слышала, как девушка подошла к закрытой двери и тихо постучала.

- Входите, Луиза. Дверь не заперта.

Девушка в черном, как у Габриель, платье робко вошла в комнату, неся поднос. Она была юной, лет девятнадцати, стройной, с хорошей фигурой, темноволосая, темноглазая и немного бледная. На широком крестьянском лице не было и следа макияжа.

- Можешь оставить все на столе, Луиза. Я сам обслужу.

- Да, месье.

Сверкающие хрустальные бокалы слегка зазвенели, когда она ставила поднос, и я заметила, что ее руки дрожат, а глаза расширены от волнения.

Дядя злобно взглянул на нее.

- Перестань трястись, девочка, - раздраженно сказал он. - Я не чудовище.

- Да, месье... нет, месье... - пробормотала бедняжка. - Что-нибудь еще, месье?

- Если только мадемуазель захочет немного сыра, чтобы почувствовать букет бургундского? - Он вопросительно посмотрел на меня.

Я покачала головой и ободряюще улыбнулась девушке:

- Нет, спасибо. Я только что позавтракала.

- Тогда это все, - сказал дядя Морис служанке.

Та поспешно отвела глаза и повернулась.

- Подожди! - вдруг резко остановил он ее и взглянул на меня: - Ты еще не познакомилась с Луизой, Дениза. Она дочь Жана Гийе, одного из наших арендаторов, живущих в деревне. Хороший человек. Луиза, это мадемуазель Жерар, ваша новая хозяйка.

- Мадемуазель... - Девушка склонила голову. Ее глаза все еще были расширены от испуга.

- Как поживаете, Луиза? - спросила я.

Она что-то очень тихо ответила, так что я не расслышала, и мой дядя нахмурился:

- Если мадемуазель что-нибудь потребует, ты о ней позаботишься, Луиза. Что бы она ни пожелала, поняла?

Служанка взглянула на меня, и ее глаза стали более заинтересованными и оживленными, как мне показалось.

- Ну конечно, месье.

- Можешь идти, Луиза.

- Спасибо, месье.

Дядя Морис подождал, пока она закроет за собой дверь, затем потянулся за бутылкой и вздохнул:

- Она, конечно, меня боится. Обычно я не придаю этому значения. Они все боятся. Из-за этого... - Он дотронулся до маски.

Стальная рука небрежно протянулась к одному из хрустальных бокалов. Я, затаив дыхание, зачарованно наблюдала, не зная, что сказать. Протез заканчивался наверху, напоминаям крюк, а при ближайшем рассмотрении - открытый наручник. Он с легким скрежетом сомкнулся на ножке бокала. Тонкое стекло, вопреки моим ожиданиям, не хрустнуло, не расколосось, и я осторожно вздохнула, чтобы дядя не услышал.

- Пока мы пьем вино, - сказал он так резко, что я поняла - он все заметил, - ты должна рассказать мне о моем дяде, твоём дедушке, и о вашем доме в Америке. Расскажи все, что помнишь. Твой дедушка о многом писал мне, но одних писем не достаточно. Однажды он

обмолвился, что ты питаешь пристрастие к дорогим, красивым вещам, но при этом лишена алчности и честолюбия. У тебя умные глаза, Дениза.

- Не знаю, с чего начать, дядя Морис, - растерянно пробормотала я.

- Тогда начни с Нового Орлеана. Теперь, когда ты видела Париж, можешь сказать, похожи ли они. Орлеан действительно такой французский город, как говорят?

Я засмеялась:

- Он совсем не похож на Париж, большая часть его - американская. Но что касается французского квартала, Вьё-Карре, он даже более французский, чем сам Париж, потому что это, как обычно говорил дедушка, "старая Франция".

Там много маленьких кривых улочек, открытых кафе, ресторанчиков. За сто пятьдесят лет Новый Орлеан совершенно не изменил свой облик.

Мы потягивали вино, и дядя задавал вопросы. Через открытые окна солнце запускало в комнату лучи, и я могла видеть со своего места аккуратные ряды виноградных лоз, поля и склоны гор, поросшие лесами.

Я забыла и голубей, и грубость Габриель, и то, что хотела сказать дяде Морису. Для меня он был приятным и обходительным собеседником, отличался острым умом, это очевидно, и задавал порой довольно хитрые вопросы, но на них было интересно отвечать. Через некоторое время я совсем позабыла о маске и страшной клешне из нержавеющей стали...

Когда наконец он допил вино, откинулся на спинку кресла и улыбнулся мне, я обнаружила, что немного охрипла и что мне нечего больше рассказать о своей жизни в Новом Орлеане. Дядя тихо засмеялся.

- Ты очень восприимчивая и наблюдательная девушка, Дениза, - одобрительно заметил он. - У тебя есть дар рассказчика и прекрасная память. Я уже чувствую, что могу пройтись по твоему дому во Вьё-Карре от мансарды до подвала, или, как говорят американцы, до цокольного этажа, и узнать все вещи, мимо которых буду шагать, как будто вернулся домой. Жаль, что твой дедушка не сидит по-прежнему в кресле-качалке, грезя о той Франции, которая, боюсь, перестала существовать много лет назад. За время войны Франция утратила свой прежний галльский дух, саму свою сущность, стала более американизированной, чем ваш Новый Орлеан.

- Вы, должно быть, ошибаетесь, - ужаснувшись, пробормотала я, но он покачал головой:

- Нет, Дениза, это правда. Именно такой стала Франция, не сохранила и тени былого величия. Теперь она балансирует на грани демократии и коммунизма, клонясь то в одну, то в другую сторону, не уверенная в собственном выборе.

- Но де Голль... - запротестовала я.

- Де Голль слишком аскетичен, - перебил он, - оторван от реальности, ему не стать тем лидером, в котором нуждается Франция. Де Голль не относится к великим ораторам, за которыми готовы последовать остальные. Он думает и действует как аристократ. Он утратил связь с маленькими людьми и не может предложить им мечту о величии, потому что он не один из них, а именно это сейчас нужно Франции.

Я, нахмурившись, внимательно смотрела на дядю Мориса.

- Лидер, воодушевляющий толпу?

- Да. Франция никогда не станет вновь великой, пока не найдет лидера из народа... Впрочем, мы отвлеклись. Дениза, мне понравился словесный портрет Нового Орлеана. Ты заставила меня сделать выбор. Я поеду с тобой в Америку и буду жить в Новом Орлеане. Но сначала нужно решить две проблемы. Вот это... - Он дотронулся до маски кончиками пальцев. - А также вот это... - Он медленно перевернул левую руку и протянул ее мне. Ладонь, большой палец и подушечки остальных четырех пальцев были покрыты грубыми красными рубцами.

- Ваши руки тоже тогда обгорели? - в ужасе спросила я, глядя на черную маску.

- Немного позже, Дениза, - спокойно ответил дядя Морис, и по его глазам я поняла, что он мне улыбнулся. - В Париже, в застенках гестапо. Они обратили внимание, что одной рукой я еще мог свободно пользоваться, и решили извлечь из этого выгоду. Чтобы заставить меня сказать то, что им нужно было, они держали мою руку на горячей плите, ладонью вниз. Теперь это уже не важно. Но для властей, выдающих паспорта, это проблема. И для американских, без сомнения, тоже, поскольку ни мое лицо, ни отпечатки моих пальцев больше нельзя использовать для идентификации. Так что, как видишь, есть определенные трудности. Я столкнулся с ними, когда вернулся после войны в Везон. Тогда мне пришлось научиться писать левой рукой. Имущество, деньги, все, что я имел, затруднительно было получить - подпись моя изменилась. И все же с помощью друзей, которые меня не забыли, я преодолел это. Так мы решим и проблему получения американской визы. У меня по-прежнему есть друзья, некоторые из них теперь на высоких постах. И у меня есть ты, моя племянница, гражданка Америки, которая может поручиться за меня перед американскими властями. Ты сделаешь это для меня, Дениза? Да?

- Конечно, дядя Морис.

Он встал:

- А теперь я покажу тебе замок и винные погреба. В это время дня Замок грифов наиболее красив. - Он вновь улыбнулся мне одними глазами.

Дружеский взгляд и прикосновение покрытых шрамами пальцев, когда дядя Морис со старомодной учтивостью отодвигал стул, помогая мне встать, вконец обезоружили меня.

Я молча последовала за ним в коридор.

Глава 3

За завтраком, сидя напротив дяди Мориса, я вспоминала, как крепко спала в свою первую ночь в Замке грифов. Просыпалась я только один раз, чтобы бросить взгляд на кресло, которым подперла дверь своей спальни. Отщипывая кусочки хрустящего, только что испеченного хлеба с маслом и вдыхая аромат великолепного кофе, приготовленного Габриель, я чувствовала себя бодрой и полной сил, чему, как я решила, способствовали хороший сон и горный воздух.

В тот единственный раз, когда я проснулась ночью, луна за окном освещала горные склоны и кромку леса за полями. Долгое время я пристально смотрела на них, наслаждаясь их красотой. Пейзаж казался мирным и безмятежным, я закрыла глаза, удовлетворенно вздохнула и вновь погрузилась в сон.

Замок грифов, принадлежащий дяде Морису, решила я, наверняка гораздо более привлекателен, чем ферма в Везоне, которую дедушка описывал такими яркими красками. Это был роскошный реликт прошлого великолепия. Его древнее крыло, возведенное еще в Средние века, разрушилось и напоминало о себе лишь грудями камней, поросших мхом. Замок, где дядя Морис жил сейчас, представлял собой восстановленные два крыла, построенные до революции, в конце элегантного XVIII века. Башни уже не предназначались для защиты, а служили лишь украшением.

В дни Французской революции замок был разграблен и сожжен, как сказал мне вчера вечером дядя Морис. Здесь произошло сражение между роялистами и революционными войсками, закончившееся оргией насилия, когда плохо дисциплинированные санкюлоты в конце концов победили защитников крепости.

Невыразительный голос дяди Мориса рисовал словесные картины, которые нелегко было забыть и которые теперь не покидали моего воображения. Они выглядели слишком правдоподобно, и я предположила, что в те дни, когда дядя был маки, он видел слишком много подобных жестоких сцен и сам принимал в них участие.

Вероятно, именно в то время, когда ликующие санкюлоты, нагруженные добычей, оставили разграбленный и разрушенный замок, здесь впервые появились грифы, питающиеся мертвечиной. Годы революции, наполеоновских походов и двух мировых войн были особенно щедры на подобную пищу.

Теперь, когда я услышала историю грифов от дяди Мориса, эти птицы стали для меня еще более отвратительными. Однако в то утро в поле зрения не показался ни один из стервятников.

На поле из грузовика выпрыгивали люди из деревни, готовые начать сбор летнего урожая на виноградниках, уже клонившихся под тяжестью гроздей.

Мы празднично проводили время за кофе, наблюдая, как деревенские приступили к работе. Альбер Бернар и тот мужчина, которого я видела за чисткой газонов, тоже были там, на склоне, – руководили двумя десятками женщин и мужчин.

Дядя Морис говорил о возможности стать американским гражданином. О формальной стороне дела он знал гораздо больше, чем я.

– Думаю, мне лучше всего было бы обратиться за визой, Дениза, – задумчиво сказал он. – Я узнал, что ваши чиновники имеют полномочия предоставлять визы перспективным иммигрантам. Вот здесь ты мне можешь помочь, если захочешь. Американский гражданин вправе ходатайствовать о признании несомненных родственников. Это, конечно, не распространяется на дядю, но также нет и твердых правил, запрещающих письменно дать показания и подтвердить под присягой родство для предоставления гражданства иностранным родственникам. Так что твое подтверждение, без сомнения, мне поможет.

– Тогда я непременно так и сделаю, – пообещала я, улыбнувшись ему.

– Хорошая девочка! – Он нежно похлопал меня по руке. Я почувствовала прикосновение грубой, покрытой рубцами кожи его ладони. – Думаю, должны быть какие-то условия для въезда?

– Я знаю, что в Иммиграционном законе есть такие пункты. Они ограничивают въезд в страну для людей, которые не смогут стать хорошими гражданами. Например, потенциальный иммигрант должен убедить чиновников, что он не станет обузой государству, хотя нет прямого

указания, какое количество денег должен иметь его поручитель и он сам.

Дядя засмеялся:

- Ну уж это правило совершенно ко мне не относится, дорогая Дениза. Даже не продавая этот замок и ферму в Везоне, я останусь богатым человеком и легко смогу это доказать вашим чиновникам. У меня есть счета в банках Южной Америки и Швейцарии. Это должно гарантировать, что ни я, ни ты никогда не станем обузой для американского государства.

- Вы, должно быть, наладили дела в Везоне до того, как перебрались сюда, дядя Морис. Дедушка всегда с увлечением и восторгом рассказывал о ферме, но не считал ее источником огромного богатства.

- Есть и другие способы разбогатеть, кроме копания в земле Франции и выращивания винограда и картофеля, Дениза. - Он кончиками пальцев дотронулся до своей маски. Его непостижимые глаза спокойно изучали меня. - Подобное уродство может сделать кого угодно человеком ненавистником и отшельником. А одиночество предоставляет массу времени на то, чтобы думать и планировать. Богатство - это сила и власть, Дениза. Я решил, что оно может стать своего рода компенсацией за то, что со мной сделали. Начав в послевоенные годы с весьма скромного капитала, я вскоре преумножил его. Этот замок лежал в руинах, я очень дешево купил его и восстановил. Я покупал все, что можно было купить, а потом выгодно продавал и инвестировал свободные средства. Полагаю, ты понимаешь, что это было нелегко и рискованно в те времена? Да, даже мои хорошие друзья говорили тогда, что я веду себя глупо. Но я ничего не делал без тщательного обдумывания. Я не вложил ни франка туда, где не видел определенной выгоды в будущем. Мои друзья смеялись, думая, что я чересчур оптимистичен, что гоняюсь за радугой там, где они видели лишь затянутое облаками небо. Но радуга постепенно приобретала форму, и мои друзья завистливо стали называть мою "глупость" иными словами. Друзья всегда таковы.

- Так что у вас мало шансов стать обузой государству!

- Вообще никаких шансов! - Он улыбнулся. - Я практически все знаю об инвестициях. И в ваших законах об иммиграции также есть пункт, который гласит, что те иммигранты, чьи услуги определенно будут экономически полезны Соединенным Штатам, имеют предпочтение в предоставлении гражданства. Не сомневайся, что мы полностью используем все эти пункты, Дениза!

Я кивнула. Однако дядин взгляд внезапно омрачился, и он добавил:

- Но все еще остается вопрос с фотографией. Нужно три штуки, я знаю: в полный рост, фас и профиль, без головного убора или чего-то еще, что может скрыть черты лица. И без этого вот... - Он вновь прикоснулся к маске.

- Любой, кто увидит ваши шрамы и узнает, что вам довелось пережить, должен понять и почувствовать сострадание, дядя Морис! - воскликнула я.

- Возможно. Да, возможно, так. Ладно, мы довольно скоро это узнаем, не сомневайся. На днях я попрошу тебя съездить в Париж - поговорить с вашими посольскими чиновниками и выяснить все в деталях для меня... - В первый раз с тех пор, как я с ним познакомилась, он проявил нерешительность. Долго хранил молчание, напряженно глядя на меня, потом подался вперед и, понизив голос, сказал: - А пока... я могу рассчитывать на твое благоразумие, Дениза?

- Конечно, дядя Морис, - заверила я. - Всегда.

- Тогда я попрошу тебя не рассказывать об этом остальным, Дениза. Никому ни слова. Ты поняла?

Я с недоумением уставилась на него:

- Остальным?

- Альберу Бериару и Габриель. - Он нахмурился, видя мое удивление.

- Но они всего лишь ваши слуги...

- И тем не менее они очень мне преданы. Но я не смогу забрать их с собой, когда уеду, и если они узнают об этом заранее, огорчатся еще больше. То же самое будет, если ты проговоришься Лабрусу или кому-то в деревне. Это вызовет недовольство. Но они без меня не пропадут, не беспокойся... А мне необходимо сейчас отправиться в Америку. С тех пор как я познакомился с тобой, только об этом и думаю. Возможно, там я смогу найти хирурга, который даст мне... надежду.

- Уверена, что так и будет, дядя Морис!

Он кивнул:

- И мы используем еще и эту причину, чтобы попасть в США. Тем более, что в моей искренности никто не усомнится: я становлюсь абсолютно эгоистичным, когда во мне просыпается желание вновь выглядеть как нормальный человек. Ты даешь мне свое обещание, Дениза?

- Оно у вас есть, дядя Морис, - медленно ответила я, - Я не скажу ни слова никому и нигде, кроме как в посольстве в Париже.

Его глаза вновь улыгнулись мне.

- Слово Жераров, Дениза? Хорошая девочка. Впрочем, хватит о делах. За окном прекрасный солнечный день уходит напрасно, а мой эгоизм держит тебя в помещении! Я прошу прощения. Чем ты хотела бы сегодня заняться, а? Может, покататься по окрестностям? Ты, конечно, водишь машину? Я слышал, что все американки умеют водить.

- Да. Вы хотите поехать со мной?

Он молча покачал головой.

- Тогда я поеду одна. Мне хотелось бы посмотреть деревню и ферму в Везоне. Если, конечно, можно...

Он нахмурился, размышляя:

- Везон? Я планировал, что тебя отвезет туда Альбер...

- Пожалуйста! - взмолилась я.

Внезапно дядя махнул рукой:

- Что ты со мной сделала за столь короткое время, Дениза? Мне становится все труднее и труднее тебе в чем-то отказать. Хорошо, возьми "мерседес". Из деревни есть дорога в Везон. Ты

увидишь поворот. Но она не очень хорошая, и я советую тебе вернуться немного назад, до автострады на Орийяк, а потом повернуть на юг. Через пять километров южнее того места, где ты выедешь на автостраду, будет указатель на Везон. Для "мерседеса" несколько лишних километров – пустьяк, а эта дорога значительно лучше.

- Спасибо, дядя, – радостно сказала я. – А как мне найти ферму в Везоне?

- Как и это поместье, она возвышается над деревней или тем, что от нее осталось. Но несомненно, твой дедушка рассказывал тебе?

- Да, конечно. – Я почувствовала, что краснею. Не знаю, что заставило меня задать этот вопрос, но дядя, казалось, не заметил, с каким подозрением я его задала.

- Ты обнаружишь, что настоящий Везон разительно отличается от того, каким его сохранила память твоего деда. И все же ты безошибочно узнаешь родину своих предков.

- Вы уверены, что не хотите поехать со мной?

- Нет. Не так-то легко избавиться от привычек затворника, моя Дениза, или спрятать смущение, когда люди пялят глаза на... на странного чудака. Но я воспользуюсь твоим визитом в Везон, коль скоро ты хочешь туда поехать. Потребуй у этого ленивого мошенника Жака Марсо отчет о состоянии дел, инвентаря, а также численности скота, овец и коз, которые пасутся на склонах. Да не забывай смотреть и запоминать, чтобы потом проинформировать меня, сколько вина в его погребах, какие поля обрабатываются, если таковые имеются, и плодоносят ли виноградники.

- Непременно.

- Габриель даст тебе ключи от гаража и машины. Без сомнения, жена Жака Марсо пригласит тебя на ленч, так что голодной ты не останешься. Тебе нужны деньги? Может, ты что-то захочешь купить в деревне?

Я покачала головой и засмеялась:

- Нет, спасибо, дядя Морис. Я достаточно потратилась в Париже. Вы и так были более чем щедры. Дедушка учил меня быть экономной. Он говорил, что бережливость – характерная черта выходцев из французской провинции.

- Это правда. Но если тебе потребуются деньги, пока ты живешь в замке, только скажи. Впрочем, однажды, когда мы переберемся в Америку, об экономности, которой учил тебя мой дядя, ты, возможно, предпочтешь забыть.

В своей комнате я ненадолго задержалась, чтобы найти блокнот и ручку. Если я собираюсь привезти дяде Морису отчет о ферме в Везоне, мне они точно понадобятся.

Дядя Морис вчера показал мне, где находятся кухня и огромные винные погреба под ней, так что я легко ее нашла. Габриель сидела у окна, вокруг нее хлопотала служанка. На столе был накрыт обильный завтрак: яичница с беконом, огромная глиняная миска с овсяной кашей, заправленной большим куском масла, и кружка кофе. Я с отвращением обратила внимание, что Габриель – настоящая неряха: кусочки яичницы прилипли к поросычьей щетине над ее верхней губой и к черному платью.

Она подняла на меня глаза и нахмурилась:

- Что вам нужно здесь, внизу? Не работу же для этих избалованных ручек, я полагаю?
- Если вам требуется помощь, только скажите, Габриель, - зло парировала я.
- Легко так говорить, зная, что месье не позволит этого.

По-видимому, она была сегодня утром в отвратительном настроении. Женщина с приятным лицом, которая ей прислуживала, пыталась предостеречь меня беспокойным взглядом черных глаз, стоя возле огромной плиты, спиной к Габриель.

- Если вам нужна помощь, я готова ее вам предоставить, - резко ответила я. - И никто меня не остановит: ни мой дядя, ни кто-то еще. И пришла я сюда не за тем, чтобы прибавить кому-то работы.

Габриель быстро отвела от меня взгляд и, заметив пятно от яичницы на своем платье, начала удалять его краешком уже и без того грязной скатерти.

- Мы размышляли об этом, Альбер и я, - сказала она, не глядя на меня. - О да, мы размышляли. Нам хотелось бы знать, зачем вы приехали в Замок грифов, мадемуазель.

- Я приехала потому, что меня пригласил мой дядя. Он сослался на то, что ему здесь одиноко и он чувствует потребность в общении с кем-нибудь из своей собственной семьи. - Поддавшись раздражению, я чуть было не сказала больше того, что хотела, но вспомнила о своем обещании и вовремя остановилась.

- И это была единственная причина? Одиночество вашего дяди? Одиночество человека, которого вы никогда в жизни не видели?

Я пристально смотрела на нее, стараясь подавить приступ гнева. В ее голосе отчетливо звучало подозрение.

- Не думаю, что вы способны это понять, - холодно сказала я, - но у меня есть сострадание к одиноким людям, поскольку я сама - сирота.

Габриель мерзко хихикнула:

- Оно и видно! Ну, по крайней мере, у вас с дядей есть кое-что общее - у обоих острый язычок. Без сомнения, со временем вы друг друга сможете утешить. - И вновь ее настроение внезапно резко изменилось, что, как я успела заметить, было не редкостью. - Но я здесь - всего лишь прислуга и не имею права говорить подобные вещи. Прошу прощения. У меня было трудное утро: сначала этот глупый Бернар, которому потребовался ранний завтрак еще до прихода Мари Лабрус, потом плита отказалась нагреваться. Этому дураку не пришло на ум предупредить меня с вечера, что он будет работать с людьми в полях! Вдобавок я обожгла руку, а Мари сегодня еще более тупая, чем обычно. - Габриель уныло показала мне красное пятно от ожога на своей мускулистой руке. - Небольшое напоминание, что мне не везет этим утром. Вы не согласны, мадемуазель? - Ее голос стал почти хнычущим, молящим о понимании.

Я кивнула:

- Мы обе пережили неприятный момент, Габриель. Но я говорила обо всем всерьез.

Она внимательно посмотрела на меня, потом опять отвернулась.

- Мадемуазель очень великодушна. Я просто пошутила и совсем не нуждаюсь в вашей помощи. Если мне потребуется помощница, в деревне полно женщин, готовых с радостью выполнить любую работу за несколько франков.

Ее слова вовсе не звучали как шутка, но я решила сменить тему:

- Дядя прислал меня за ключами от "мерседеса". В противном случае я не стала бы вас беспокоить в такую рань, когда вы заняты. Он, кажется, упомянул еще о ключах от гаража.

Габриель бросила на меня подозрительный взгляд и поджала губы:

- Вы едете на "мерседесе" вместе с ним?

- Нет. Одна.

Она недоверчиво уставилась на меня:

- Одна?

- Что здесь такого? - раздраженно спросила я. - Я уже много лет вожу машину, а здесь не такое напряженное движение, как в Америке, Габриель.

- Так! - произнесла она со странной горечью в голосе. - Он уже позволяет вам ездить на "мерседесе" где хотите, без сопровождения! Вы свели его с ума? Это ошибка. Это большая глупость, как очень скоро он обнаружит. Он увидит!

Однако мое терпение лопнуло.

- Вы дадите мне ключи, Габриель? Или мне вернуться к вашему хозяину и сказать ему, что вы мне отказали, не доверяете мне и не хотите, чтобы я одна ехала в Везон?

Она так быстро вскочила со стула и окатила меня таким холодным, злобным взглядом, что я невольно отступила на шаг назад. Но ее взгляд почти сразу же изменился, она кивнула:

- О, я дам вам ключи, мадемуазель, поскольку, как вы сказали, это приказ моего хозяина. Езжайте куда хотите. Рискуйте на здоровье в этом богом забытом Везоне. Только если с вами что-то случится, не бегите за утешением к Габриель!

- Рисковать? В Везоне? О чем вы говорите?

Но экономка молча направилась огромными шагами к двери, как будто не слыша меня, и вышла из кухни. Я взглянула на Мари Лабрус и попыталась улыбнуться.

- Габриель сегодня утром в дурном настроении.

- Да, мадемуазель. - Она изучающе смотрела на меня, приятная полная женщина с широким, немного туповатым лицом. Тусклые волосы в беспорядке выбивались из-под старомодной белой шапочки служанки. - И все же это правда, то, что она сказала. Я бы не поехала одна в Везон ни за какие сокровища Лувра.

- Но почему, мадам Лабрус? - Я удивленно уставилась на нее. - Дядя Морис, кажется, не думает, что эта поездка окажется опасной.

Мари поежилась и сгорбила плечи:

- Это из-за девушек, которые исчезли, мадемуазель. Девушки из деревни. Юные, как вы, и хорошенькие. Две за год! Пуф! Пропали! И все... больше их никто не видел. Одна исчезла, когда шла обратно в деревню с фермы. Другая по дороге домой от соседей. Нечего удивляться, что больше никто не живет в деревне. И еще одно - странная женщина, которую никто прежде не видел...

- Она тоже... исчезла?

- Нет, мадемуазель. Ее нашли на старой мельнице. Все это было очень давно, до того, как мы приехали сюда. Вскоре после того, как хозяин вернулся из Германии.

- Вы говорите загадками, Мари, - с беспокойством пробормотала я. - Значит, одну все-таки нашли, она не растворилась в воздухе? Пропавшие девушки, скорее всего, просто сбежали из надоевшего им Везона куда-нибудь в более приятное место.

Мари пожала плечами и вновь склонилась над своей работой. В коридоре послышались шаги Габриель и звон ключей.

- Одна женщина действительно появилась из ниоткуда, мадемуазель, - проворчала Мари, не поднимая глаз. - Детишки, играя, нашли ее на старой разрушенной мельнице возле фермы. Никто в Везоне ее не знал и прежде не видел. Никто не понимал, как она оказалась в деревне или на мельнице. Но она была там, лежала, нагая и бездыханная, на полу. Неприличные вещи с ней сделали. Ее лицо было искажено неопишным ужасом и нечеловеческой мукой, как будто ее пытали. Поднялся, естественно, шум, приехали жандармы и репортеры. Но они так и не узнали, кто она была и откуда появилась. Даже ее одежду не нашли.

- Но это... ужасно!

- Да, мадемуазель. Это ужасно! Конечно, в то время во Франции находилось много перемещенных лиц. Несомненно, она была одной из них, что и сделало ее опознание затруднительным. Вы знаете, многие семьи война уничтожила, многие разбила... И хотя в прессе опубликовали ее описание, никто не объявился и не сказал, что знает ее. - Мари с беспокойством взглянула на дверь. - Об этом лучше не говорить, мадемуазель. Это было шестнадцать лет назад, через пять лет после окончания войны. Слишком давно для таких юных, как вы. Я, тогда еще незамужняя девушка, была рада переехать сюда. Ни за что не вернусь туда жить и даже не осмелюсь поехать туда одна...

В это время вошла Габриель, и Мари оборвала себя на полуслове. Экономка сердито посмотрела на меня и швырнула на стол ключи:

- Вот! Теперь вы не сможете сказать, что я чиню вам препятствия, мадемуазель. И если вы пострадаете, вы также не сможете сказать, что я не пыталась предотвратить это.

- Спасибо, - буркнула я, - за ключи.

Я вполне в состоянии постоять за себя.

Габриель ничего не ответила, но хмурый взгляд сказал все за нее. Она последовала за мной по пятам к задней двери и стояла на пороге кухни, пока я шла к гаражу. Когда я открыла огромный висячий замок, за которым вполне могли держать королеву Елизавету, и оглянулась, экономка по-прежнему стояла там, наблюдая за мной, мрачная женщина-колосс в черном платье, с туго стянутыми на затылке волосами. Я невольно содрогнулась и быстро вошла в гараж, где она уже не могла меня видеть. У меня возникло тревожное подозрение, что

Габриель в своем воображении сейчас рисует меня лежащей на полу старой мельницы, как та женщина, о которой рассказывала мне Мари Лабрус.

"Мерседес" весело заурчал и выкатился на теплый солнечный свет, я увидела дядю Мориса, пристально смотревшего на меня поверх черной бархатной маски. Решив, что я начинаю привыкать и к ней, и к дяде, я послала ему воздушный поцелуй, он помахал мне и отошел от окна, вернувшись, без сомнения, к своим книгам. На Габриель я даже не посмотрела, общением с ней я была сыта по горло.

Работники в полях подняли головы и уставились на "мерседес". Позади грузовика возвышался Альбер. Он прикрыл глаза рукой, пытаясь рассмотреть, кто управляет машиной. Уверена, что он меня узнал, и это его сильно удивило. Он что-то прокричал, но я уже не могла его услышать. Альбер сделал несколько больших шагов мне вслед, затем резко остановился, повернулся и поспешил в сторону замка между рядами подпертых кольями зеленых виноградных лоз.

"Не стоит беспокоиться, – думала я, – об Альбере и остальных странных домочадцах дяди Мориса. Я свободна как птица, веду прекрасную машину, впереди только мой день". Внезапно я вспомнила несчастных голубей на лужайке под окном, и это слегка омрачило мое наслаждение собственной свободой.

Возможно, именно поэтому в деревне я лишь немного сбросила скорость, с любопытством рассматривая старинные дома и магазины, и решила ехать, не останавливаясь, дальше. Почему-то мне казалось, что каждый в Замке грифов намерен держать меня как можно дальше от родовой фермы в Везоне, за исключением, правда, дяди Мориса. Габриель, с ее ужасным предупреждением об опасности, поджидающей меня там; Мари Лабрус со своими выдумками о зверствах маньяка-убийцы и исчезающих девушках; Альбер, глядящий на меня из-под руки и в такой спешке помчавшийся в замок, что даже не подумал, что быстрее было бы на грузовике... Возможно, все вместе они смогут убедить дядю Мориса, что нельзя было отпускать меня в Везон одну. Альбер даже может отправиться за мной в погоню на грузовике, рассчитывая, что я задержусь в деревне. Поэтому-то я и решила ехать прямо в Везон, а в деревне остановиться на обратном пути.

На единственной деревенской улице стояли средневековые дома. Когда здесь появился мой "мерседес", курицы бросились врассыпную, а свинья с поросятами, бегущими за ней по пятам, быстро исчезла за порогом одного из домов, возле которого стоял плотный, с обсыпанными мукой руками мужчина в белом колпаке и фартуке. Он разговаривал с мясником. Они оба взглянули на меня удивленно, пекарь прикоснулся рукой к колпаку и помахал мне вслед. Я заметила здесь маленькое бистро и увидела, как в небольших магазинчиках женщины делают утренние покупки.

Я предположила, что в деревне Токсен проживает человек шестьдесят – восемьдесят, хотя как они здесь живут, можно было понять, лишь произведя небольшие исследования. Там, где улица расширялась, образуя площадь, стояло несколько древних машин, припаркованных под огромным деревом, подальше от прямых лучей палящего солнца. Белый козел с грязной бородой с любопытством обзирал одну из колымаг, как будто решая, с чего начать ее есть. Он повернулся и с интересом, но совсем не испуганно посмотрел на меня янтарными глазами.

От деревни уходила вдаль, в сторону высоких гор, проселочная дорога. Слева, там, где она пересекала главную улицу, стоял деревянный столб с одним-единственным словом "Везон" на щите, а за ним, на обочине, виднелись более точные знаки, указывающие путь к нескольким горным деревушкам и курортам.

Эта дорога, как я решила, и являлась ответом на вопрос, за счет чего существует деревня Токсен. Сезонные полевые работы в замке вряд ли давали возможность прокормиться всему деревенскому населению.

Я вспомнила рассказы деда о людях, приезжавших в Овернь, в ее далекие горы и долины с надеждой излечиться от подагры, простуды, артрита и ревматизма. Если верить ему, на каждой равнине здесь находятся горячие и холодные минеральные источники с волшебными целебными свойствами. Многие ищущие излечения страдальцы по дороге к источникам должны были проезжать через Токсен. Другие, наверное, шли пешком через горы, поглощенные их весенней или летней красотой, или стремились заняться зимними видами спорта на покрытых снегом вершинах.

И все же мне показалось, что этой дорогой, ведущей в Везон, сейчас мало пользуются. Дядя оказался прав: она была узкой и изрезанной глубокими колеями.

Деревня осталась далеко позади. Я ехала вперед, любясь окружающим пейзажем и видами гор, открывавшимися моему взгляду. Временами "мерседес" шел вдоль кромки захватывающе крутых обрывов, глубиной во много сотен футов, порой круто поднимался вверх, а затем резко устремлялся вниз, к зеленым равнинам. Выехав из Токсена, я не видела больше ни одного дома. Однако километров через десять на дороге мне повстречались два туриста, устало тащившихся навстречу машине. Это были загорелые молодые люди лет двадцати пяти, в шортах, рубашках и беретах, с тяжелыми бутсами на ногах и с рюкзаками за плечами.

Обычно я подозрительно отношусь к путешествующим автостопом, но сейчас, возможно из-за прекрасного солнечного дня и настроения веселой самоуверенности, я остановилась, когда они подали мне знак, и решила узнать, что им надо.

Один из ребят снял свой берет, и приветливая белозубая улыбка осветила смуглое от загара лицо.

- Добрый день, мадемуазель. Извините, но мы спустились на эту дорогу с гор, в паре километров отсюда. Боюсь, мы слегка заблудились. Мы вышли на дорогу около Сен-Нектер, недалеко от Мои-Дор. Если бы мадемуазель была столь любезна сообщить нам, куда ведет эта дорога, мы были бы ей весьма признательны.

Парень говорил с легким акцентом, который я не могла определить. Мне подумалось, что он немец.

- Это проселочная дорога между автострадой, ведущей на юг, к Орийяку, и деревней Ток-сен, которая отсюда километрах в десяти на восток. Орийяк гораздо дальше. Я могу вас подвезти до автострады.

Молодой человек взглянул на своего компаньона, потом улыбнулся мне:

- Вы очень добры, мадемуазель. Но мы не станем вас утруждать. Мы предпочитаем путешествовать пешком. Для нас это одно удовольствие. Мир в наши дни передвигается на колесах слишком быстро, чтобы можно было все хорошенько разглядеть. Турист в машине видит только очертания гор в отдалении, идущий пешком может рассмотреть насекомое на былинке. Токсен, вы сказали?

Я кивнула:

- Это маленькая деревушка, там дорога заканчивается. От нее идет только эта, в Везон. В

Токсене есть быстро и несколько магазинов. Если вы пойдете по другой дороге, там, вероятно, вдоль автострады на Орийяк есть и другие деревни.

Я передвинула рычаг скоростей, готовая двинуться дальше.

- Спасибо, мадемуазель. Но еще один момент, пожалуйста.

- Да, месье?

- Эта деревня, о которой вы говорили, Токсен, очень старая, да?

- Дома кажутся довольно старинными. Похоже, что это средневековые постройки.

Он кивнул:

- Отлично! А эта дорога ведет прямо в Везон, вы говорите?

- Да, но там больше ничего нет, должна вам сказать. Когда-то там тоже была деревня, но теперь она заброшена.

- Не совсем, мадемуазель. В деревне осталась одна семья. И одна семья есть на ферме. Мы недавно были в Везоне. - Он вновь бросил взгляд на своего товарища, и спросил низким голосом: - Итак, эта дорога ведет в Везон?

- Да, она не очень хорошая, - ответила я. - Меня предупреждали, чтобы я ею не пользовалась, потому что она в плохом состоянии, но я не послушалась.

- Значит, мадемуазель не из Токсена?

- Нет, я американка.

- Американка? И говорите по-французски как на родном языке? - Улыбка моего собеседника стала шире, улыбнулся и его друг. - Мадемуазель - туристка?

- Нет. Я остановилась в Токсене у родственника.

Молодой человек кивнул:

- Мы, Жюль и я, интересуемся архитектурой и старинными постройками. Мы слышали, что километрах в двадцати от Везона есть интересный замок, но у нас пока не было возможности его посетить. Может быть, он находится где-то в окрестностях Токсена, вы не знаете?

- Да, там есть замок, но это частное владение, закрытое для посетителей, - быстро ответила я.

Молодой человек покачал головой:

- Очень жаль, мадемуазель. Такие замки должны быть в собственности государства и открыты для изучения. Но возможно, владелец позволит нам сделать несколько эскизов и фотографий?

- Я в этом сомневаюсь. Владелец - затворник.

- Ладно, во всяком случае мы должны хотя бы увидеть замок, тем более что он не так далеко отсюда. Полагаю, его видно из деревни. Или нет?

- О да. Деревня находится в самом поместье.

- Это, очевидно, тот замок, о котором мы слышали в Везоне, - в первый раз подал голос его друг Жюль. - Как он называется, Жосси?

Темные брови Жосси сошлись на переносице. Он пытался вспомнить.

- Забыл, но, кажется, какое-то неприятное название. Может, мадемуазель...

- Замок грифов? - подсказала я.

- Да, он самый. Не его ли владелец покинул Везон и увел с собой своих людей? - Черные глаза весело смотрели на меня.

- Да, - сказала я. - Земли на ферме в Везоне были полностью истощены. Во всяком случае, я так слышала.

- Предусмотрительный человек этот ваш феодальный властелин, - проворчал парень по имени Жосси. - Должно быть, он очень богат, раз смог приобрести замок. Возможно, он артист?

- Разве во Франции есть богатые артисты? - удивилась я.

- О нет, мадемуазель. В большинстве своем они очень бедны. Как и почти все фермеры в этой области. Шатеньере на самом деле - захолустье. Возможно, владелец замка разбогател благодаря удачным инвестициям и доходам от своих вложений? Был такой человек, друг моего отца... - Черные глаза Жосси изучали меня, а рука потянулась к нагрудному карману его рубашки, но тут же упала. - Нет. Это было бы слишком странное совпадение.

Его товарищ внезапно рассмеялся:

- Жосси, ты показывал это фото стольким людям с тех пор, как мы начали свое путешествие, что еще один раз не имеет значения. Тем более, что мадемуазель так любезна... Давай, старик, покажи ей. Может, она его видела. Возможно, Замок грифов и есть то место, где скрывается все эти годы друг твоего отца. Не сказала ли юная леди, что владелец замка - затворник? Ну де, давай, покажи ей!

- Если мадемуазель возражает... - Жосси вытащил из кармана бумажник и достал фотографию. - Если мадемуазель видела этого человека в Токсене, я был бы вне себя от радости. Он был единственным другом моего отца, и за ним остался должок.

Я с любопытством взяла фотографию. Она была похожа на те черно-белые снимки, которыми обычно пользуются иммиграционные службы или полиция и на которых не видно ничего, кроме лица.

Нахмурившись, я изучала его. Это было лицо поразительно красивого мужчины лет тридцати, с мрачными серьезными глазами, задумчивое и надменное. Я пристально смотрела на него, находя в нем ускользающий намек на кого-то хорошо знакомого...

- К сожалению, мадемуазель, - заметил молодой человек, - фото было сделано примерно двадцать лет назад, во время войны, в сорок четвертом году. Но люди, имеющие такие черты лица и костную структуру, как у него, не сильно меняются с годами. Он должен был состариться изящно. Другу моего отца тогда было около тридцати. Сейчас, я думаю, он выглядит вот так. Это набросок, который я сделал, глядя на фотографию. Его волосы, без

сомнения, поседели и, вероятно, слегка поредели. У него, наверное, морщины в уголках глаз и губ, и он стал более аскетичным, более озлобленным с годами.

Рисунок был такого же размера, что и фотография. Я удивленно смотрела на него. Годы, добавленные художником, сделали это красивое лицо даже еще более утонченным. Набросок имел определенное сходство с фото, но то неуловимое, что казалось мне хорошо знакомым, покинуло его.

- Как вы, вероятно, заметили, на наброске у него глаза карие, - медленно сказал Жосси, внимательно наблюдая за моей реакцией.

Я кивнула:

- Вижу. Хороший рисунок. Очень хороший, месье.

- Но вы не встречали этого человека? Вы не смогли узнать в нем никого из Токсена или Замка грифов?

Я засмеялась:

- Месье, у друга вашего отца поразительное лицо. Если бы я увидела мужчину, похожего на него, я бы непременно запомнила. Ни в Токсене, ни в замке вы не найдете никого, хотя бы отдаленно напоминающего его. Теперь вы должны меня извинить, мне далеко ехать.

- Вы уверены, мадемуазель? Ни в деревне, ни в Замке грифов никто не похож на это фото?

- Нет, из тех, кого я видела.

Я заметила, как тень разочарования мелькнула на суровом лице Жосси.

- Спасибо, мадемуазель. Тысячу извинений за беспокойство. Пусть остаток вашего пути будет беспрепятственным.

- Вы не доставили мне никакого беспокойства, месье. Если вы все еще будете в Токсене этим вечером, мы с вами вновь можем встретиться.

Я завела мотор. В это время Жюль что-то сказал приятелю на языке, который я не поняла. Но когда машина тронулась с места, я услышала ответ Жосси, выразивший его разочарование:

- Нет, Жюль. Она сказала правду - его там нет.

Пыль, поднятая колесами "мерседеса", скрыла от меня молодых туристов. Я нахмурилась, размышляя и пытаюсь ухватить след сходства, который постоянно ускользал от меня. Выехав на автостраду, ведущую на юг, я вскоре свернула на дорогу к Везону, все еще думая об этом.

Два парня с суровыми загорелыми лицами озадачили меня.

Отъезжая от них, я видела в зеркале заднего обзора, как они зашагали в ногу в сторону Токсена. Молодые люди больше походили на солдат, чем на студентов, изучающих архитектуру. Наверное, тревога, исходившая от них, заставила меня почувствовать беспокойство теперь, когда я о них думала. Несмотря на вежливость и обходительность, это были жесткие и прекрасно тренированные молодые люди. Они совсем не относились к тем парням, которые останавливают девушек для дружеского разговора на пустынной дороге, как бы одиноко им ни было, тем более что рядом находится автострада и там гораздо легче

поймать попутную машину.

Проезжая теперь мимо разрушенных фермерских построек и заброшенных конюшен, где подлесок уже завоевывал заброшенные поля, я решила, что больше никогда не сделаю ошибки и не остановлюсь одна на пустынной дороге, чтобы поболтать с незнакомым молодым человеком.

Глава 4

Так вот что такое Везон на самом деле! Бедный дедушка. Если бы он смог увидеть его сейчас!

Дома, лежавшие в руинах по обе стороны от меня, когда-то были построены из грубо обтесанных бревен на каменном фундаменте или зачастую прямо на земле. Соломенные крыши давно сгнили, остались только превращающиеся в труху и пыль стропила – напоминание о карнизах. Но дымоходы из красного кирпича на некоторых развалинах все еще гордо стремились вверх.

В садах хозяйничали виноградные лозы – взбирались на покосившиеся стены и украшали собой кустарники и деревья, выросшие такими высокими, что теперь почти скрывали низкие домишки. Но было лето, и розы, хотя и остановившиеся в росте из-за отсутствия внимания, по-прежнему цвели, давая представление о былой красоте.

Я покачала головой и огляделась, стоя рядом с "мерседесом". Вот этот обвалившийся дом, решила я, когда-то был гостиницей. Это – дом Берты Клоэт, ветреной вдовушки, которая, как считали все почтенные дамы Везона, в любой момент могла сбежать с чьим-нибудь мужем. Вот там, наверное, была пекарня, дальше – дом мельника, от которого заросшая дорога поворачивает вниз к реке, где стоит мельница. Ее большие лопасти, вращающиеся под напором воды и поворачивающие огромные старинные каменные жернова, часто описывал мне дед в своих рассказах.

Наверное, именно здесь, где я сейчас стояла, в праздничные дни прогуливались жители деревни в своих передаваемых из поколения в поколение традиционных костюмах. Молодые женщины в черных платьях с парчовыми рукавами, в ярких передниках, придающих им особый колорит, и в высоких головных уборах с двойными "крылышками". Может быть, здесь, под руку с моей бабушкой, гулял дед, одетый в свой лучший черный костюм, парчовый жилет и шляпу.

Я вздохнула, вспомнив, как часто он надевал эту шляпу и носил с такой гордостью, что я, будучи маленькой, с благоговением смотрела на нее. Для меня дед в своем выходном наряде тогда казался королем. Теперь его поколение ушло, и он вместе с ним, а люди, подобные Габриель Бреман и Мари Лабрус, говорят о Везоне как о месте, которое пугает, месте, где бродят убийцы и исчезают бесследно юные девушки.

Ничего удивительного, что Везон стал необитаемым. Хотя незнакомые молодые люди, которых я встретила на дороге, сказали, что кто-то все еще живет в деревне. Я с любопытством огляделась, продолжая стоять возле "мерседеса", сжимая в руке ключи. Да, на окраине деревни около маленького моста виднеется дом с новой крышей. Приглядевшись повнимательнее, я заметила, что над кирпичной трубой поднимается тонкий голубой дымок, а по соседству стоит еще один дом, крытый свежей соломой. Видимо, в Везоне кто-то продолжает выращивать пшеницу на полях, сушит солому для кровли и все еще пользуется мельницей на реке, чтобы смолотить зерно.

Наверное, у дяди Мориса здесь есть арендаторы. А если он этого не знает, надо будет его проинформировать о них. Я решила сразу же во всем разобраться сама, а потом съездить на

ферму повидаться с Жаком Марсо и подготовить отчет для дяди.

Я немедленно отправилась в путь. Мои шаги на удивление тихо и глухо звучали на стертых булыжниках улицы, между которыми уже пустились ростки трава и сорняки. Вскоре, не считая птиц, щебечущих в руинах заброшенных домов, я увидела первые признаки жизни. На дорогу вдруг откуда-то вышел козел и с любопытством уставился на меня ясными янтарными глазами. Всклоченная борода ритмично покачивалась в такт жевательным движениям его рта, набитого травой.

Я бочком обошла его, опасаясь, что он бросится на меня, и размышляя, как смогу себя защитить, если он решится на это. Но козел презрительно понаблюдал за моими маневрами, заблеял и затрусил прочь, как будто потеряв ко мне всякий интерес.

Я осторожно продолжила путь. В первом доме не оказалось ни дверей, ни оконных стекол. Дверной проем зиял, словно разинутый беззубый рот, в окнах, как в слепых глазах, отражался мрак, царивший внутри. На грубой скамье рядом с домом стояло перевернутое вверх дном сверкающее ведро, рядом еще одно, полное чистой воды, к нему была привязана эмалированная кружка. Видимо, в Везоне не было своего водопровода, и воду до сих пор брали из колодца или приносили с реки, как это было еще при моем деде.

Всмотревшись в глубь дома через дверной проем, я заметила большой стол и тяжелые стулья, на одном из которых небрежно висел шерстяной мужской свитер с высоким горлом. В печи тлели угольки, бросая отблески в тягу дымовой трубы. В центре стола стояла керосиновая лампа – видимо, здесь не было и электричества.

Разбитый буфет вмещал в себя кухонную утварь и тарелки, а на полке виднелась торчащая на блюде свеча с желобками восковых потеков.

– Здесь есть кто-нибудь?

Никакого движения внутри. Я, нахмурившись, повернула назад. В проеме между двумя домами вновь появился козел. Он стоял, агрессивно наклонив голову и расставив ноги, и изучающе смотрел на меня. Я попыталась счастье в доме напротив, постучав в тяжелую дверь кулаком, но только отбила руку. Никто не ответил мне и здесь.

Я отошла от двери и опасливо взглянула на козла. Он помотал головой, как бы демонстрируя мне свои острые рога, и сделал несколько шагов в мою сторону.

– Никто и не собирается с тобой спорить, – нервно сказала я ему. – Играй себе, если хочешь, в дорожного полицейского, а я найду другой путь, в обход!

Я обошла дом и огляделась. Здесь находились ветхие надворные постройки, виноградные лозы аккуратно поднимались по сеткам из тонкой проволоки, они были подрезаны, ухожены и покрыты густой зеленой листвой, из которой выглядывали крошечные кисти винограда. Поле за виноградником было вспахано, колея от колес телеги бежала параллельно реке в сторону мельницы.

С боязливым отвращением я смотрела на мельницу. Ее каменные стены возвышались над рекой, несущейся под ней, крыша недавно была покрыта соломой. Никакого движения или признаков жизни там не наблюдалось, но я не представляла, где еще можно было отыскать людей, если только они, конечно, не отправились на ферму. Я подумала, что мне следует немного подождать, найдя приют под одной из каменных стен, покрытых мхом, и в этот момент козел, начавший подкрадываться ко мне со склоненной головой, заставил меня принять другое

решение. Я направилась к мельнице, стараясь не упускать его из виду, но он лишь потряс отвратительной бородой и вновь исчез между домами.

- Ах так! Думаешь, что ты очень ловкий, - проворчала я. - Хочешь подождать меня в тенечке! Но я не намерена возвращаться к машине этой дорогой. Я воспользуюсь другой, пройду мимо дома мельника. И в следующий раз, когда мы встретимся, мой бородатый друг, я уже буду в безопасности в своем "мерседесе"!

Было приятно идти под теплым солнцем. Бледно-желтые нарциссы усыпали берега реки, через густые виноградные лозы, взбирающиеся на ивы, тянула усыпанные желтыми цветами ветки жимолость. Гудели пчелы, и где-то незнакомая мне птица надрывала горло в песне. Дойдя до мельницы, я увидела, что была права: у входа стоял мешок пшеницы, немелодично скрипело под напором воды огромное колесо, но почему-то не было слышно грохота каменных жерновов. Я сделала шаг внутрь мельницы и попала из яркого света в глубокий полумрак.

Через отверстие в низком потолке, куда вела деревянная лестница, виднелись мешки с зерном, сложенные наверху для помола. Сквозь окошки в потолке они были ярко освещены солнцем. Там же на фоне ослепительных лучей чернел силуэт ворота с канатом, похожий на виселицу.

- Здесь есть кто-нибудь? - крикнула я.

Ответа не последовало. Даже звук мельничного колеса стал тише, перестали петь птицы и гудеть пчелы. Я слышала только неприятный скрип колеса и равномерную капель воды, падающей с его лопастей. С внезапно охватившим меня ужасом я огляделась. Именно здесь, на этом каменном полу, дети, играя, нашли растерзанное тело женщины. Моментально мое бурное воображение ясно показало мне ее, лежавшую там, в углу, и я медленно начала отступать в сторону двери, стремясь к дневному свету. Повернувшись, чтобы стремительно выбежать наружу, я внезапно почувствовала рядом с собой чье-то присутствие, и пахнувшая табаком рука крепко зажала мне рот и нос, обрывая крик ужаса, готовый сорваться с моих губ. Упав на колени, я ощутила, как что-то острое кольнуло ребро под правой грудью. Меня придавили к какой-то грубой материи, и я услышала тяжелые удары чужого сердца над моей головой. Я отчаянно рванулась.

- Тихо! - прошипел мужской голос. - Иначе мне придется убить вас. Где он? Где он, черт подери?! Где Жобер?

Стены мельницы начали медленно кружиться вокруг меня, и я ничего не ответила. Чувствуя тошноту и теряя сознание, я осела в его тисках. Казалось, нож воткнулся глубже между ребер, и больше я уже ничего не помнила...

- Мадемуазель! Мадемуазель, пожалуйста!

Чей-то голос медленно проникал в мое потрясенное сознание. Две шершавые руки терли мои запястья, и жгучий бренди, влитый в мое горло, заставил меня закашляться.

- Мадемуазель, очнитесь, ради всего святого! Боже, с самого сотворения мира не было никого более упрямого, чем женщина в обмороке! Мадлен, быстро принеси еще бренди. Пьер, отойди от нее. Если она откроет глаза и увидит тебя, она вновь потеряет сознание. Ты слышишь? Отойди!

- Конечно, Этьен, - пробормотал другой мужской голос. - Я сейчас. Извини, но...

- Вон!

Руки отпустили мои запястья. К моим губам больно прижали бутылку, и, хотя я сопротивлялась, в горло попало немного спиртного. Большая же его часть оказалась на моей блузке, проникая в ложбинку между грудей и обжигая кожу. Я подавилась и попыталась оттолкнуть бутылку.

- Она приходит в себя, - пробормотал кто-то. - Мадлен, помоги мне.

- Бедная девочка, - сочувственно прошептала женщина. - Бедная, беззащитная овечка. Попробуй еще раз напоить ее бренди, Этьен.

Но я уже не была так беззащитна и ухитрилась оттолкнуть бутылку и отвернуть от нее голову. Потом с неохотой подняла тяжелые веки и попыталась сесть.

- Не надо больше... - прошептала я. - Пожалуйста...

- Вы в безопасности, - успокоил меня мужской голос. - Никто здесь не причинит вам зла, мадемуазель. Вы среди друзей.

Я огляделась, ощущая слабость и пытаюсь сфокусировать взгляд на фигурах, склонившихся надо мной. Одной оказалась женщина с жидкими седыми волосами и с лицом, на котором страдание оставило глубокие неизгладимые следы. Добрые глаза были полны сочувствия. Я заметила, что она хромала при ходьбе.

- Не бойтесь, дорогая, - сказала она. - Теперь все будет хорошо. Никто не причинит вам зла.

- Мадлен права. Мы хотим вам только помочь.

Мужчина был молод, лет двадцати пяти, и казался таким же сильным и загорелым, как и встреченные мной на токсенской дороге путешественники, только гораздо более красивым. У него были правильные и приятные черты лица и спокойные, несмотря на тревогу, светившуюся в них, серые глаза. Он внимательно изучал меня.

- Я в порядке, - пробормотала я, пытаюсь сесть.

Он сразу же помог мне.

- Будет лучше, если вы еще немного отдохнете. После обморока нужно полежать спокойно.

- Нет. Я... в полном порядке.

Прямо сейчас мне хотелось только одного - мчаться в своем "мерседесе" прочь отсюда, так как ко мне стала возвращаться память. Вспомнив укол ножа, руку, зажимавшую мой рот, и свирепое, полное смертельной ненависти бормотание, я содрогнулась...

- Мадемуазель очень напугана, - мягко сказала женщина. - Но все закончилось. Все позади. Вам не причинили зла. Вы потеряли сознание, вот и все.

- Все?! - Я возмущенно посмотрела на нее. - Он пытался меня убить!

- Моя дорогая мадемуазель Жерар, вы уверены, что вам это не приснилось? Когда я вас нашел, вы были абсолютно одна, в бессознательном состоянии. В полной отключке, как говорят у вас в Америке. Вы лежали на полу старой мельницы, беспомощная, трогательная и очень красивая, но, должен заметить, абсолютно невредимая. Старая мельница пользуется в этих краях дурной репутацией. Большинство местных жителей перебрались в Токсен или поближе к Замку

грифов. Они на самом деле верят, что это место проклято. И я не сомневаюсь, что они вам рассказали о совершенном там убийстве. Вы уверены, что не вообразили себе что-то и что ваш преследователь не... призрак и не мешок пшеницы, возле которого я вас нашел?

Я молча уставилась на него, готовая разрыдаться и осыпать его проклятиями. Из всех самоуверенных и нахальных молодых людей, которых я когда-либо в своей жизни встречала, этот поистине заслуживал голубую орденскую ленту! Если он намеревался рассердить меня, прекрасно преуспел в этом.

Придя в себя, я медленно и с сарказмом ответила:

- Я знаю совершенно точно, что со мной произошло, месье. И здесь ни сон, ни воображение ни при чем. И меня несколько не заботит, верите вы мне или нет. Но я не сомневаюсь, что мне поверят жандармы в Орийяке. Кстати, откуда вы знаете мое имя?

Он пожал плечами:

- Когда я принес вас сюда с мельницы, решил, что нужно узнать, кто вы. В машине лежала ваша сумочка. Естественно, я ее проверил.

- Вы принесли меня сюда?

Впервые я внимательно огляделась. Я лежала на очень жесткой кушетке в комнате, которая, видимо, служила кухней: у стены стояла плита, и из огромной железной кастрюли, кипящей на ней, доносился приятный запах съестного.

- После того как я осмотрел вас на предмет какой-нибудь травмы, естественно. - Мужчина склонил голову, пряча, как я поняла, улыбку. - Я подумал еще, что все американки доводят себя диетами до полного истощения. Вы оказались не исключением - я даже не выдохся, пока донес вас до дома.

- Вы! - воскликнула я на английском. - Вы... - Я с ненавистью посмотрела на него. - На мельнице на меня напал мужчина, месье. Он зажал мне рукой рот и грозился убить. У него был нож... - Я быстро дотронулась рукой до ребра и инстинктивно поморщилась. - Думаю, он ранил меня вот здесь.

Мой нахальный спаситель фыркнул.

- Вы можете говорить по-английски, мисс Жерар, если хотите, - сказал он тоже по-английски, - и закончить то, что хотели сказать обо мне. Я говорю на этом языке и еще по-немецки. Но вы действительно не ранены. - Он покачал головой. - Я очень тщательно осмотрел вас, прежде чем передвигать, еще на мельнице. На ребрах у вас лишь небольшая царапина и синяк. Я заклеил это место пластырем.

- Вы это сделали? - Я пристально посмотрела на него. - Ну вы и нахал!

Он пожал плечами и улыбнулся:

- Как же еще я мог узнать, что вы не диабетик и не впали в кому, что у вас нет сотрясения и вы действительно не ранены? Было необходимо осмотреть вас, впрочем, как и проверить ваши бумаги. К счастью, вы не пострадали. Только потеряли сознание. Я рад этому, потому что мне не хотелось бы найти вас раненой.

- Спасибо, месье, - с сарказмом поблагодарила я, начиная чувствовать себя лучше.

Через тонкую ткань блузки я нащупала небольшой кусочек пластыря, отодвинула в сторону одеяло и села, осторожно спустив ноги с кушетки и оправляя юбку. Мужчина восхищенно наблюдал за мной.

- Было бы довольно глупо обращаться в жандармерию в Орийяке с подобной историей, мисс Жерар. Вы в безопасности и совершенно невредимы, а у них есть более важная работа, чем попусту тратить время, приезжая сюда.

- Возможно, для вас не важно, что маньяк с ножом угрожал моей жизни, но для меня это важно, - с раздражением заметила я, - равно как и для полиции Орийяка, я уверена. Если это не так, тогда американское консульство в Париже добьется больших результатов в этом деле.

Красивые черные брови молодого человека сошлись на переносице.

- Вы очень решительная молодая женщина, не так ли?

- Когда мне кто-то угрожает ножом и обещает меня убить, если закричу, мне ничего другого не остается. Да, я такая.

- Отлично. - Он, видимо, внезапно принял решение. - Мадлен не знает английского, так что сейчас я кое о чем вам расскажу. Человек, который... которого вы встретили на мельнице, ее брат. Он немного... - Мой спаситель нахмурился, подыскивая подходящее английское слово. - Марокканцы сказали бы, что Аллах "прикоснулся к его мозгу". К несчастью, он увидел подъехавший "мерседес". Эти машины имеют для него определенное значение...

- Но во Франции полно "мерседесов", - перебила я. - Если они его так волнуют, почему бы его не поместить куда-нибудь, где он не сможет никому навредить? И не пытайтесь убедить меня, что он не имел в виду то, о чем говорил. Он хотел убить человека по имени Жобер.

- Человека по имени Жобер, - тихо повторил молодой человек, - который всегда ездил на "мерседесе". Да. - Он вздохнул. - Гауптштурмфюрер СС Франц Жобер, военный преступник, пользующийся дурной славой. Вы, как американская гражданка, вряд ли о нем слышали. Это Жобер сделал брата Мадлен таким, какой он есть. Жобер виновен в том, что Мадлен на всю жизнь осталась калекой. Он несет ответственность за смерть тысяч невинных людей в польском концлагере. У него было пристрастие душить молодых женщин своими руками. Он делал это только для собственного удовольствия, поскольку данный метод казни нельзя назвать особенно эффективным средством массового уничтожения. У него были очень сильные руки и болезненная потребность убивать... Да, должен признать, что Пьер убил бы Жобера, если бы у него был шанс. Жобер всегда ездил на "мерседесе", и, увидев вашу машину, Пьер потерял над собой контроль. Не верю, что он хотел причинить вам вред. Когда вы упали в обморок, это образумило его и он примчался ко мне за помощью.

- Он... сделал это?

- Да. Он был в ужасе, думал, что убил вас. Он убежал и теперь не появится рядом с вами. Пьер боится смерти. Ничего удивительного: он видел ее за работой. Вот почему я нес вас один, мисс Жерар.

- Он перепугался не больше, чем я, - дрожа, пробормотала я. - То, что вы мне рассказали, месье, ужасно.

- Метье, - улыбаясь, сказал он, как будто я задала вопрос. - Этьен Метье, к вашим услугам, мисс Жерар.

Я проигнорировала его слова, думая все о том же.

- Но то, что вы рассказали, случилось много лет назад. Япония тоже компрометировала себя подобными зверствами, но американцы постарались об этом забыть. Несомненно, этот... Жобер, кажется?.. давно уже умер. - Я вспомнила, как утром Мари Лабрус заметила, что о былом лучше не говорить.

Этьен бросил на меня странный, пытливый взгляд:

- Значит, вы считаете, что Франц Жобер должен остаться безнаказанным? Что он вправе ускользнуть от ответственности за все то, что совершил?

Я удивленно посмотрела на него:

- Вы хотите сказать, что он до сих пор жив и свободен?

- Именно это я и хочу сказать, мисс Жерар. Вы считаете, что он и дальше может пребывать на свободе?

- Нет, - твердо ответила я. - Такой человек вновь начнет убивать.

Этьен кивнул:

- Вы абсолютно правы, мисс Жерар. Он уже начал. Мы точно знаем, что он убивал. Много раз. И следовательно, будет убивать опять и опять, пока мы его не схватим и не предадим суду.

- "Мы", месье? - удивилась я.

- Да. Мы, те, кто его ищет, мисс Жерар. - Он мгновение поколебался. - Я агент французского правительства. Мадлен и ее брат - одни из немногих оставшихся в живых людей, которые знают Франца Жобера в лицо и способны его опознать. Вот почему вам не стоит идти в полицию. Иначе мне придется связываться с Парижем, чтобы предотвратить арест Пьера. Полиция узнает нашу тайну, и затем... - Он пожал плечами. - Новости в маленьких городах быстро распространяются. Да и вы тоже пострадаете: ваша виза будет аннулирована, и вам прикажут немедленно покинуть Францию.

Я внимательно смотрела на него, подыскивая подходящие слова для ответа. Он улыбнулся:

- В гневе вы еще красивее, мисс Жерар!

- Вы!.. - ухитрилась все-таки выдать я. - Вы невыносимы! - Я задохнулась от гнева, видя его самодовольную усмешку. - Кто вы такой? Вы посягнули на право собственности моего дяди - вторглись в его владения и поселились в одном... нет, в двух его домах! Ваш друг угрожал моей жизни! Вы выдумали какую-то ужасную историю, пытаетесь пробудить во мне сострадание к человеку, который на меня напал, чтобы я не пошла в полицию. Вы даже пригрозили мне выдворением из страны! Говорите, что вы агент французского правительства? Я в этом сомневаюсь. Если вы и агент, то, наверное, самый худший в истории. Вы не только признались мне, совершенно незнакомому человеку, что являетесь агентом, но и рассказали о своей миссии! - Я глубоко вздохнула и негодуя продолжила: - Не верю ни одному вашему слову!

Однако его улыбка стала еще шире.

- О, но мы с вами не совсем незнакомы, мисс Жерар. Я очень многое о вас знаю. Это моя обязанность - разузнавать о приезжающих в Шатеньере чужаках. Если хотите, я могу рассказать вам о вашей жизни в Новом Орлеане, о вашей дедушке, Анри Жераре, весьма достойном старом джентльмене, между прочим. А еще о ваших экзаменационных результатах в Ньюкомб-колледже и ваших друзьях. Американское ЦРУ всегда активно сотрудничает с моим департаментом в делах поиска военных преступников.

Этьен достал из кармана бумажник, открыл его и протянул мне небольшую книжечку. Там были его имя, фото и подпись. Имя: Этьен Метье. Звание: капитан. Ведомство: военная разведка. Семейное положение: холост. Возраст: двадцать восемь. Род занятий: оперативный представитель.

- Бумаги, конечно, могут быть фальшивыми, - заметил он, забирая у меня удостоверение и продолжая улыбаться приводящей в ярость улыбкой. - Хотя вряд ли я полез бы в такие неприятности. Но если вы свяжетесь со своим посольством в Париже, уверяю вас, они сразу же проверят меня и подтвердят, что все изложенное в этом документе - правда. Я также уверен, мисс Жерар, что ваши соотечественники попросят вас сотрудничать со мной.

Я неуверенно покачала головой:

- Я... я не знаю, что и сказать, месье! Думаю, мне придется вам поверить, но не сомневайтесь, справки я наведу, поскольку все равно намерена вскоре отправиться в Париж. - Я сказала это вызывающе, все еще глядя на него с глубоким подозрением, но он лишь в очередной раз улыбнулся и кивнул:

- Хорошо. Но я не такой дурак, как вы думаете, мисс Жерар. В своей работе мне приходится общаться со многими людьми. Агент должен быть немного психологом, уметь быстро оценивать человека и отсеивать тех, кому он доверять не может. Ошибка, уверяю вас, может быть фатальной. Я верю, что вам доверять можно и что, если вы дадите слово, вы его сдержите. Я также знаю, что вы не испытываете симпатии к таким типам, как Франц Жобер.

- Нет. - Я внутренне содрогнулась.

- Так и должно быть. Мне придется попросить вас пообещать, что вы забудете все это и не скажете никому, пока Жобер не будет найден и арестован.

- Что заставляет вас думать, что этот... Жобер находится в Шатеньере? - спросила я, нахмурившись. - После стольких лет...

Этьен долго смотрел на меня, сдвинув брови, потом покачал головой:

- Я не сказал, что он в Шатеньере.

- Но вы здесь, месье, как и ваши свидетели.

- Вы даете обещание молчать о нашем разговоре?

- А у меня есть выбор? - Я пожала плечами.

- Виза. Вежливая депортация. Одинокое заключение без права переписки. Выбирайте. - Его глаза вдруг стали злыми, улыбка исчезла.

Я тревожно огляделась и сказала по-французски:

- У меня нет желания доставлять неприятности вам и вашим друзьям или помогать военному преступнику. Но... закон молчания касается и моего дяди Мориса? Поскольку вы так много знаете обо мне, вам должно быть известно, что он - один из лидеров французского Сопротивления и будет первым, кто согласится помочь вам.

- Все, что мне от вас нужно, - это обещание, мадемуазель, - холодно ответил Этьен тоже по-французски. - И здесь не может быть никаких исключений.

Я вздохнула:

- Отлично, месье Метье, у вас есть мое слово. Я не раскрою вашу тайну никому, включая моего дядю.

- Хорошая девочка, - с облегчением вздохнул он. - Но будьте осторожны, если вас начнут расспрашивать о сегодняшнем дне. Меньше всего мне хотелось бы поставить вас в опасное положение.

- Дядя просил меня подготовить отчет о состоянии дел на ферме, - вспомнила я. - Как я могу это сделать, не упоминая, что два дома заняты и что кто-то обрабатывает поля и виноградники? Если я не сообщу об этом, можете быть уверены, что рано или поздно это сделает кто-то другой. - Внезапно я подумала о двух туристах. - Кстати, о том, что в деревне живут, я услышала еще до того, как сюда приехала. Об этом упомянули два путешественника, которых я встретила на токсенской дороге.

Я решила, что эти молодые люди тоже из французской разведки, и ожидала, что они заинтересуют Этьена, но он лишь равнодушно пожал плечами:

- Пьер и Мадлен живут здесь уже несколько месяцев. Их фамилия Бурже. Они арендуют дом и поля за ним у месье Марсо с фермы. Марсо знает меня как их племянника. Я художник, арендовал другой дом для большего уединения и работы. Я также помогаю Пьеру в поле, когда есть время. Все это означает, что ваш дядя получит еще несколько франков, а мы наилучшим образом используем и улучшаем его собственность, что также должно его порадовать.

Вот все, что вам нужно знать о нас, и все, что вы узнали бы, если дела пошли бы по-другому и ничего не случилось.

Я сунула ноги в туфли и встала.

- Предполагается, что художник пишет картины, месье. Я должна попросить вас показать мне некоторые из них.

Он вновь усмехнулся:

- Почему бы нет, тем более что теперь мы понимаем друг друга лучше. Я был студентом отделения живописи, прежде чем стал тем, что я есть. Надеялся, что всерьез займусь рисованием. Сейчас для меня это лишь развлечение. К тому же стоять на природе с мольбертом - хороший способ наблюдать, кто проезжает или проходит по округе. Я работаю в другом доме. Пойдемте, устройю вам экскурсию.

Этьен предложил это так энергично, что я не смогла устоять. Мадлен окликнула нас, предлагая кофе, но я отказалась. Она вытерла руки о фартук и улыбнулась мне, качая головой:

- Я прошу прощения за Пьера, мадемуазель. Он никому не причиняет зла, а в ярость впадает, только вспоминая прошлые обиды. И то он может наброситься лишь на того, кто издевался над нами когда-то давно. Клянусь вам...

- Я знаю, - ласково ответила я. - Спасибо вам за то, что помогли мне прийти в себя.

- Мадемуазель так же добра, как и отважна, - прошептала женщина и поспешно отвернулась со слезами на глазах.

Я размышляла над ее словами, когда шла за Этьеном Метье к его дому. Да, кто-нибудь более пугливый, чем я, умер бы на мельнице от страха.

Козла сейчас нигде не было видно. В доме по-прежнему лежал на стуле свитер. Этьен провел меня в другую комнату, залитую солнечным светом, который проникал через незастекленные окна без занавесок.

Рядом с окном стоял мольберт с незаконченной картиной. Дюжина небольших работ без рамок и ящик с красками валялись на полу у стены. Рассматривая их, я удивилась оригинальности цветовой гаммы и композиций. Темные фигуры крестьян, работающих в поле, резко выделялись на фоне роскошных желтых полей, зелени лесов и возвышающихся на заднем плане голубоватых гор в снежных шапках. Я рассмотрела подпись: "Метье".

- Они очень хороши! - невольно вырвалось у меня.

- Вам понравилось? Когда-нибудь я напишу еще лучше, если жизнь позволит, Дениза.

Я быстро взглянула на него, удивленная, что он обратился ко мне по имени.

- Да, обязательно напишете, - пробормотала я. - Теперь я должна идти - мне еще многое нужно сделать.

- Мне хотелось бы написать ваш портрет. Если, конечно, вы согласитесь уделить еще немного времени тому, кого повстречали при столь неприятных обстоятельствах? Буду вам необычайно благодарен.

Я смущенно смотрела на него, чувствуя, как щеки заливают румянец. Но если он это и заметил, то не подал виду. В его серых глазах читалась мольба.

- Это слишком смелая просьба, я знаю. Но портрет будет вашим, а наслаждение от работы над ним - моим. У вас хорошая головка, лицо отражает каждое чувство... Пожалуйста, Дениза...

Если на моем лице опять отразились какие-то эмоции, я надеялась, что он не сможет их понять.

- Я не возражаю... - пробормотала я. - Но мы с вами можем больше никогда не встретиться, месье.

- Пообещайте попозировать мне, и я придумаю, как это устроить, - с уверенностью сказал Этьен.

- Мой дядя... он своего рода затворник, - запинаясь, проговорила я. - Он не поощряет визиты в замок незнакомцев, месье. Видите ли, он... он был ранен на войне и так сильно обезображен, что...

- Подвергнут пыткам, не ранен - так будет вернее, мадемуазель. Я очень хорошо знаю историю месье Жерара, в самом деле. И очень хочу с ним познакомиться. А если вы пообещаете мне попозировать, у меня появится шанс.

- Я подумаю об этом...

Он вздохнул:

- Кажется, я привел вас в замешательство. Но скоро я приду в замок, чтобы узнать о вашем окончательном решении.

- Нет, вы не должны! Мой дядя этого не одобрит! - в панике воскликнула я.

- Тогда встретимся в деревне?

- Хорошо, в деревне. Попросите кого-нибудь, кто работает в замке, дать мне знать, что вы там.

- Спасибо, мадемуазель, вы очень добры. Я провожу вас до машины. Надеюсь, что по своей доброте вы позволите мне позвать Пьера. Он хочет извиниться перед вами.

Мы вышли из дома. Мадлен выглянула из окна и помахала мне рукой. Я ответила ей тем же.

- Если вы поговорите с ним - при мне, - вы поймете, как он на самом деле безобиден. Трогательный маленький человек, который познал великую печаль и огромное страдание.

- Трогательный? Безобидный? Да он почти...

- Пьер! Иди сюда! Мадемуазель уезжает.

В конце прохода между домами, откуда недавно злобно наблюдал за мной козел, на фоне яркого света внезапно бесшумно появилась тень. Я остановилась, и мое сердце забилося сильнее, побуждая меня к немедленному бегству. Но страх быстро прошел, когда я разглядела Пьера. Это был маленький и худой, почти хилый человечек в брюках и рубаше из грубой синей саржи и черном берете из такого же материала. И смотрел он на меня с еще большим испугом, чем я на него.

Этьен взял меня за руку и медленно повел вперед, к этой маленькой фигурке, отступающей перед нами. Вскоре мы все втроем оказались в ярких лучах солнца.

- Все в порядке, Пьер, - успокаивающе сказал Этьен. - Посмотри сам - она вновь чувствует себя хорошо. Она не станет тебя обижать. Она друг, Пьер. Она думает так же, как мы. Ты должен помнить, что она - друг и одна из нас. Понимаешь?

- Да, месье.

Даже его голос теперь был другим: дрожащим, нервным и тонким. Совсем не таким, как тогда, - грубым и полным ненависти. Я недоверчиво уставилась на Пьера. На его бледном лице, прорезанном глубокими морщинами, блестели черные, полные слез глаза, с мольбой смотревшие на меня. Его губы и руки дрожали. Он был похож на ребенка, ожидающего выговора и трепещущего на грани стыда и раскаяния.

Пьер был не выше меня и не тяжелее. Распахнутый ворот рубашки открывал тонкие ключицы, запястья были узкие, руки костлявые. Когда я подошла ближе, он снял свой берет, под которым прятались неаккуратно подстриженные, белые как снег волосы. Он выглядел

абсолютно так, как описал его Этьен, – трогательным и безобидным...

Но я знала, что эти костлявые руки легко могут задушить меня или вогнать до отказа, по самую рукоятку, в тело нож. Я ведь отчаянно сопротивлялась тогда, на мельнице, но мне не удалось вырваться из его хватки...

– Мадемуазель... – пробормотал Пьер. – Вы понимаете, да? Это все "мерседес"... видеть его здесь... и никого в нем... И потом, когда я пошел искать... услышал, что кто-то ходит на мельнице...

– Я все объяснил, и она поняла, – спокойно сказал Этьен и посмотрел на меня умоляюще.

– Да, конечно, – заставила я себя вступить в разговор. – Все в порядке, Пьер. Я не пострадала. Теперь, когда мы поняли друг друга и стали друзьями, давайте забудем об этом. Ведь больше такого не повторится.

– Нет, мадемуазель, – робко произнес он. – Этого, как вы правильно сказали, больше не повторится. Я сожалею. Вы очень добры, и я, Пьер Бурже, отдам свою жизнь, защищая вас от зла, о котором мы знаем не понаслышке. Спасибо, мадемуазель.

– До свидания, Пьер.

– До свидания, мадемуазель.

Он поклонился в пояс с необычной кошачьей грацией и, повернувшись, исчез за домами так же бесшумно, как и появился.

– Видите, Дениза, – удовлетворенно сказал Этьен, – он совсем не чудовище.

По-видимому, звать меня по имени быстро вошло у него в привычку!

– Нет, месье, он не чудовище и очень трогательный, – ответила я. – Но не безобидный. В этих костлявых руках и тщедушном теле скрыта огромная сила, поверьте мне, я это знаю.

Этьен рассмеялся:

– Хорошо-хорошо! Он все-таки мужчина.

Глава 5

Я покидала Везон со смешанным чувством. Жак Марсо, управляющий, оказался довольно угрюмым типом с недоброжелательными и подозрительными черными глазами на туповатом лице. Как только он узнал, что я племянница месье Жерара, его отношение ко мне стало восторженно-подобострастным. Мадам Марсо, которая, казалось, полностью разделяла и тупость, и недоброжелательность супруга, ничем практически от него не отличалась. Я быстро пресытилась их обществом.

Марсо показал мне погреба с огромными бочками вина, запасами зерна и других фермерских продуктов, включая окорока и копченую свиную грудинку, предъявил список инвентаря и свои отчеты, из которых я сделала несколько выписок.

Выпив довольно посредственный кофе, приготовленный мадам Марсо, из чашки, которую мне захотелось сначала вымыть, так как ни сама мадам, ни ее муж не выглядели опрятными, я сумела вежливо отказаться от их грубоватого приглашения на ленч, готовившийся в огромной

железной кастрюле, кипевшей на плите.

По сравнению с фермой дом Мадлен Бурже выглядел безупречным, а запах из ее большого котла вызывал ностальгические воспоминания, слюну. Это был pot-au-feu, блюдо крестьян-фермеров, которое вы не найдете ни в одном ресторане Франции. Дед довольно часто говорил мне о нем. Раньше во всех фермерских домах в Шатеньере можно было найти такие огромные железные котлы на плите, кипящие непрерывно день и ночь. И каждый день их содержимое становилось гуще и ароматнее, каждый день туда закладывались свежие овощи и мясо. Аромат этого варева заполнял не только кухню, но и весь дом.

- Кусочек сыра или колбасы – это неплохо, – говорил дед с голодным блеском в черных глазах, – но дайте мне половник pot-au-feu с буханкой свежего хлеба и везонское вино, и мне больше ничего не надо!

Мы, без сомнения, устроили бы себе свой собственный pot-au-feu в Новом Орлеане, что стало бы предметом зависти всех наших соседей-французов, если бы плиты там работали не на электричестве, а на дровах. Мой дед всегда дважды пересчитывал свои гроши, прежде чем платить по счетам за электричество. Жечь плиту день и ночь, даже ради pot-au-feu, было бы пыткой для его экономной натуры.

В доме Мадлен Бурже я учуяла именно это блюдо, даже несмотря на то, что меня тошнило и я была сильно напугана. Но здесь, у Марсо, мне совсем не хотелось пробовать его. Я извинилась и отправилась на прогулку по поместью. Шагая вдоль виноградника, я почти физически ощутила присутствие своего деда. Он когда-то ухаживал и за этими лозами, и за теми, что погибли от недостатка внимания, и вот за теми, которые без ухода стали бесплодными, заросли сорняками и, задыхаясь от нашествия подлеска, взбирались на деревья, годами прокладывая себе путь наверх. На склонах гор я видела пасущийся рыжий скот и длинношерстных овец, видимо, потомков тех, что пас мой дед. Я нашла глубокий омут, где он учился плавать со своим братом, Жан-Полем, еще до Первой мировой войны, и недалеко от него пещеру, где они играли в разбойников. Нашла дуб, расколотый молнией много лет назад, на котором дед вырезал свои инициалы. Растущая кора попыталась за эти годы скрыть его слабые мальчишеские попытки увековечить свое имя.

Все это заставило меня о многом задуматься, когда я медленно возвращалась по запущенным фермерским землям к "мерседесу". Теперь Везон стал лишь тенью того, чем был прежде. И вместе с тем я понимала, почему дядя Морис его оставил. Здесь были поля, на которых ничего не росло, последние пахотные слои почвы давно выветрились, остались лишь глина и прожилки известняка. Без сомнения, потребовалось бы вложить слишком много средств, чтобы сделать Везон вновь плодородным. Даже виноград, что Жак Марсо культивировал и удобрял, рос плохо и был кислым. Скот тоже приносит мало дохода, так что Везон, решила я, невозможно поднять до того же уровня, что и поместье Шатеньере, за одну человеческую жизнь.

Теперь я с восхищением начала думать о дяде Морисе, который был не только героем Сопротивления, столкнувшимся со всеми ужасами, о которых говорил Этьен Метье, но и имел здравый смысл отказаться от прежнего образа жизни и даже от родовой фермы, чтобы вовремя заняться выгодными инвестициями.

Человек, столько вытерпевший и переживший, имеет право на недостатки. Я почти смогла забыть и простить убийство беспомощных голубей. Но мне хотелось бы, чтобы у него была экономка получше, чем Габриель, та, которая бы поставила на плиту огромный железный котел, наполнила бы его жирным мясом и свежими овощами для pot-au-feu и позволила этому

ароматному вареву созреть, не ослабляя кипения.

Аппетит, возбужденный долгим и насыщенным утром, подсказал мне поинтересоваться у дяди, почему в замке нет pot-au-feu.

Марсо стояли возле своего дома, молча наблюдая, как я отъезжаю. На окраине деревни я сбросила скорость, высматривая Бурже и Этьена, и заметила наконец всех троих, работавших на винограднике. Этьен был без рубашки. Его атлетическую грудь, спину и руки покрывал ровный загар.

Я посигналила, мои новые знакомые выпрямились и посмотрели в мою сторону. Мадлен и Этьен помахали мне, а бедняга Пьер широким жестом снял берет и поклонился.

Я удовлетворенно нажала педаль газа и помчалась к автостраде. В деревушке, похожей на Токсен, я остановилась у бистро, все еще преследуемая мыслями о pot-au-feu. Но когда я спросила об этом блюде, женщина, которая вышла меня обслужить, только рассмеялась:

- Кто захочет это есть, мадемуазель? Это просто суп бедных крестьян, что живут поблизости. У нас есть свежий горячий хлеб и масло с фермы, есть колбаса, сыр, кофе, вино. Жена хозяина делает самые лучшие в округе омлеты, если мадемуазель отведает ее стряпню - не пожалеет.

Я разочарованно удовольствовалась омлетом, решив, что воспитание деда сделало меня в душе крестьянкой и что в следующий раз, когда поеду в Везон, непременно попрошусь пообедать к Мадлен Бурже.

Когда я добралась до Токсена, было уже далеко за полдень. Деревня дремала в теплых лучах солнца, а люди все еще работали на виноградниках, растущих на склонах гор вокруг замка. Я припарковала "мерседес" рядом с древними машинами под огромным деревом и отправилась рассматривать витрины местных магазинчиков. Это не заняло много времени. В темном помещении небольшого универсама я сделала пару покупок и зашла в пекарню за кексами. Вспомнив, что во французской провинции леди в одиночку не посещают винных магазинов, я хотела пройти мимо, но мне навстречу вышел хозяин, улыбочивый полный человек с красноватым цветом лица, свидетельствующим о его равнодушии к собственному товару.

- Бонжур, мадемуазель. Добро пожаловать в Токсен. Я Анри Клоэт. Надеюсь, ваш дядя, местье Жерар, в порядке?

- Мой дядя вполне здоров, спасибо, местье.

- Не хочет ли мадемуазель стаканчик вина? В доме, конечно. Моя жена вас угостит.

Я улыбнулась и поблагодарила его, сказав, что только что пообедала. Он покачал головой:

- Очень жаль. Мы с Виолеттой видели сегодня утром, как вы уезжали, мадемуазель. Я принес из погреба бутылку нашего лучшего бургундского, на случай если вы заглянете к нам на обратном пути. Но на нет и суда нет. Может, в другой раз? Не так много чужестранцев приезжают в Токсен в это время года, если, конечно, мадемуазель можно назвать чужестранкой.

- Я думала, что здесь часто проезжают люди, направляющиеся к минеральным источникам или в горы, местье Клоэт.

Он невесело засмеялся:

- Вы, наверное, заметили, что дорога к нам редко используется. Большинство приезжих направляются в Массив к источникам через Орийяк. Сюда, к несчастью, они заглядывают, только если собьются с пути. Мы существуем лишь за счет милости вашего дяди, месье Жерара. Работа есть только в поместье. Как блохи на кошке, мы бы все вымерли с голоду без нашего хозяина.

Я нахмурилась:

- Но ведь сюда заходят некоторые туристы? Я сегодня утром повстречала Двух путешественников, которые спрашивали дорогу в Токсен.

Клоэт, улыбаясь, покачал головой:

- Туристы? Сейчас еще не время для туристов. Они обычно приходят в июне, в летние каникулы, и никогда не останавливаются в деревне, идут прямо через лес. Если бы замок был открыт для посещений, все было бы по-другому.

- Но я видела двоих молодых людей, путешественников, месье.

- Наверное, они устали от ходьбы, мадемуазель, и где-нибудь отдыхают. Во всяком случае, здесь они не появлялись.

- Вы уверены? - удивленно спросила я. Жосси и Жюль показались мне довольно решительными ребятами, которые всегда делают то, что говорят.

Клоэт засмеялся:

- Я вполне в этом уверен. Они сюда не приходили. Это ваши друзья, мадемуазель?

- Нет...

- Возможно, они направились в другую сторону, в Массив или в Везон, сократив путь через поля. Когда молодые люди путешествуют, мадемуазель, они не всегда следуют дороге.

Я кивнула. Да и какое они имели значение для меня? Пожав плечами, я отклонила еще одно предложение стаканчика вина и вернулась к машине. Выехав из деревни, я направилась вверх по склону горы, где виднелись каменные стены, окружавшие поместье.

Ворота, которые стояли открытыми, когда я уезжала, теперь были заперты. Я нетерпеливо посигналила, и из своего домика поспешно вышел Пьер Лабрус.

- Мадемуазель понравилась поездка в такой прекрасный день, а? - весело крикнул он. - Альбер Бернар сказал, что вы уехали в Везон. Как там это старое место? Очень много времени прошло с тех пор, как мы с Мари в последний раз были в деревне. Мы жили в доме напротив пекарни. Это был очень хороший дом. Возможно, мадемуазель его видела?

- Дома напротив пекарни, Пьер, теперь стоят без крыш, медленно разрушаются, - ответила я ему. - В деревне заняты только два дома.

Он печально покачал головой:

- Какая жалость, мадемуазель! Я родился в том доме в Везоне, как до меня - мой отец. И теперь единственные люди, живущие в моей родной деревне, - чужаки, не помнящие родства. Они ничуть не заботятся о том, что строили наши отцы. Но нам здесь, как сказал хозяин, без

сомнения, лучше.

- По крайней мере, новые поселенцы отремонтировали те дома, в которых живут, - заметила я. - И они обрабатывают поля. Это хорошие люди. Они вовсе не позорят и не разрушают Везон.

- И один из них - художник, к тому же очень красивый, да? - хихикнул Пьер и лукаво посмотрел на меня.

- Вы же сказали, что давно не были в Везоне...

- Мари слышала об этом от Габриель, мадемуазель. В Шатеньере мало что происходит, о чем не знали бы Габриель Бреман или Альбер Бернар. Не смотрите на то, что он туповат с виду, - внешность обманчива.

Садовник сказал это с такой злобой, что я внимательно посмотрела на него:

- Вы их не любите, да, Пьер?

Он испуганно отвел глаза:

- Я не сказал этого, мадемуазель. Почему я их должен не любить? Хозяин теперь совсем не такой, каким я знал его до войны. пытки сильно изменили его. А поскольку он не выходит из замка, эти двое стали его глазами и ушами... Я закрою ворота, когда вы въедете, мадемуазель... Мы с Мари и Матильдой здесь живем хорошо, всем довольны. Я вовсе не хотел проявить неуважение к кому бы то ни было, уверяю вас...

- Я поняла, Пьер.

Я проехала через ворота и, не останавливаясь, направилась к замку. В зеркале заднего обзора я видела, как Пьер медленно закрывал створки ворот. Потом он нервно повернул голову и боязливо посмотрел мне вслед. Я вдруг пожалела, что не сказала ему, что он имеет право не любить кого угодно, поскольку Франция - свободная страна, и что я не виню тех, кому не нравится Габриель. Хотя тугодум Альбер казался мне вполне безобидным. Внезапно я увидела его, когда остановилась у гаража и вышла из машины, чтобы открыть дверь. Альбер был все еще в поле и смотрел в мою сторону. Деревенские тоже подняли головы и уставились на меня, но он свирепо махнул рукой, и они с неохотой вновь склонились над сорняками.

Из кухни вышла Мари Лабрус, чтобы высыпать в мусорное ведро овощные очистки. Увидев меня с пакетами и картонными коробками с кексами, она улыбнулась:

- Поездка была приятной, мадемуазель?

- Вполне, Мари. На обратном пути я остановилась в деревне и купила несколько кексов. Их только что испекли. Я бы съела один с кофе, если вы приготовите.

- Ну конечно, мадемуазель. Через несколько минут. Принести все в вашу комнату?

- А мой дядя любит кексы?

- Еще как, мадемуазель! Он сластена.

- Тогда приготовьте кофе на двоих и пришлите Луизу в библиотеку с кексами и кофе, пожалуйста. Полагаю, мой дядя сейчас там?

- Да, мадемуазель, он в библиотеке, но с ним Габриель. Вам лучше немного подождать. - Ее глаза внезапно беспокойно забегали.

Я нахмурилась:

- Не вижу причины, почему отчет Габриель по домашнему хозяйству должен удержать дядю от общения со мной. Но сначала я поднимусь к себе в комнату. Кофе я хотела бы выпить через пятнадцать минут, Мари.

Она кивнула и уныло пожала плечами:

- Через пятнадцать минут, мадемуазель.

В раздражении поднимаясь к себе в комнату, я решила, что настало время указать Габриель на ее место в Замке грифов. Злость подхлестывала меня, и я с трудом сдержалась, чтобы не ворваться прямо в библиотеку. Приведа себя в порядок и разложив вещи, купленные в деревне, я направилась вниз.

С лестницы было слышно, как Мари ходит по кухне, разговаривая с Луизой. Весело звенели чашки и блюда, и я подумала, что Мари гораздо лучше подходит на роль домоправительницы, чем грубая, мужеподобная Габриель Бремман.

Что такого увидел мой дядя в этой угрюмой и деспотичной женщине, я не могла понять. Но Мари говорила об их уединении в библиотеке так, что можно было подумать, будто они любовники. Это же просто смешно! Если у моего дяди есть склонность к женскому полу, со своим богатством, даже будучи обезображенным, он вполне мог бы подыскать себе более привлекательную особу, чем Габриель. Я была уверена, что по своим привычкам и образу жизни он явно был знатоком женщин и мирских удовольствий.

За закрытой дверью библиотеки слышались приглушенные голоса. Значит, Габриель все еще там. Мысль об этой женщине в объятиях моего дяди показалась мне такой нелепой, что я чуть не задыхнулась от смеха. Подняв руку, чтобы постучать, я вдруг услышала голос Габриель, громкий и полный злости:

- Они знают, говорю тебе! Альбер в этом уверен! Он видел их лагерь под утесом около водопада. Почему, как ты думаешь, он встревожился? Тебе известно, что это означает, так же хорошо, как и мне. Или эта девчонка затмила твой разум?

- Значит, Альбер только посмотрел на них и сразу решил, что они все знают? - язвительно поинтересовался дядя.

- Он достаточно близко к ним подкрался, чтобы приглядеться получше. Говорит, что они тренированные мужчины. А если он так сказал, значит, так и есть.

Мой дядя рассмеялся:

- Это чепуха. Ты воспринимаешь все слишком серьезно. А теперь иди. Дениза вернулась. Я слышал гул мотора. Иди.

- Ты стал глупцом, который ничего не хочет слышать? - Голос Габриель зазвучал необычно пронзительно и испуганно. - Помни хотя бы о нас, если тебе наплевать на себя!

- Ты, вероятно, думаешь, что я все забыл? Ты довольно часто напоминаешь мне об этом.

Хорошо, я посмотрю на них сегодня ночью, когда будет луна. Тогда и решим.

- Только возьми нас с собой, Альбера и меня. И если примем решение, мы его тут же и осуществим. Доведем все сразу до конца, как это и следует сделать. Без отлагательств.

Дядя долго молчал, и я нахмурилась, ожидая его ответа. О чем они говорили? Тренированные мужчины? Обученные воевать? Я пыталась понять, что так взволновало Габриель.

- Если это те, за кого ты их принимаешь, они могут ждать нашего визита и подготовиться к нему. Об этом вы с Альбером подумали? - с сарказмом спросил дядя.

- Они не знают, что их видели.

- Альбер стареет. Все мы уже не такие, какими привыкли быть, Габриель.

- Говори только за себя, а не за нас с Альбером! - зло заявила она. - Мы так же надежны и умелы, как и раньше. Возьми нас сегодня ночью с собой, и мы тебе это докажем.

- Хорошо... - Дядя понизил голос, и я не расслышала дальнейшие слова. - А теперь иди, Габриель, пока она не пришла.

- А это другое дело. Нам не нравится, что она здесь. Тебе лучше подумать над этим. Мы долгое время держимся вместе, но помни - все может закончиться.

- Эта мысль и мне приходила в голову, - холодно заметил дядя. - Ты уже все сказала, Габриель. Теперь уходи. Я возьму вас сегодня ночью с собой. Хватит, больше не раздражай меня!

- Я тебя не боюсь! - дерзко воскликнула она. - Ты уже не тот, что был раньше!

Я услышала шаги - она быстро направилась к двери. Не знаю почему, но я испугалась, вдруг осознав, что подслушала нечто не предназначенное для чужих ушей. И Габриель, с ее подозрительностью, сразу поймет, что я все слышала, если обнаружит меня здесь. Я со всех ног бросилась к лестнице. Сердце мое неистово билось от какого-то неистребимого страха. К тому времени, как дверь библиотеки открылась, я уже повернулась и сделала вид, что медленно спускаюсь на последние ступеньки. Звук моих шагов скрадывал толстый ковер.

Габриель, бросив на меня ненавидящий взгляд, сделала шаг в мою сторону.

- Итак, вы вернулись! - агрессивно фыркнула она. - Этот дурак Марсо прислал нам свинину и бекон? И что случилось с его вином? Он, кажется, думает, что мы его держим на ферме просто так!

- Он сказал, что завтра приедет сам, на грузовике, и все привезет.

- А, он так сказал! - Она слегка смягчилась. - Никудышный человек, жулик, нужно было давно уволить его. Ваш дядя слишком снисходителен к тем людям, которых знал еще до войны. Марсо и все эти деревенские злоупотребляют его терпимостью. Это глупо.

- Моему дяде лучше знать, каким ему быть, Габриель, - холодно сказала я.

Ее взгляд стал колючим.

- Это он-то знает? Да он никогда не должен был позволять вам одной ездить в Везон!

- Почему? - возмутилась я.

Она изучающе смотрела на меня.

- Везон - нехорошее место, и одиноким юным девушкам, мадемуазель, там делать нечего. Я еще утром сказала вам об этом. Ну, вы хотя бы вернулись живой и невредимой, что, без сомнения, порадует вашего дядю. Он в библиотеке, если вы хотели его видеть.

И она гордо прошествовала мимо, женщина-гигант, полная уныния и злобы. Я пристально смотрела ей вслед, не зная, что и думать. Ведь она действительно предупреждала меня, и хотя я не намерена была признаваться, но в Везоне я на самом деле попала в опасную ситуацию. В очень опасную.

Я тихо постучала в дверь библиотеки, и дядя Морис весело откликнулся:

- Это ты, Дениза? Входи, моя дорогая.

Он стоял у окна, рассматривая скалу, держа в руке ружье с оптическим прицелом. Я вновь вспомнила голубей. Дядя повернулся, и наши взгляды встретились. Внезапно он рассмеялся:

- Вид оружия пугает тебя, Дениза?

Я натянуто улыбнулась, догадавшись, что он понял, о чем я только что подумала.

- Нет, конечно, дядя. Это винтовка, да? Американская?

- Так, значит, ты знакома с оружием? - удивился он. - Где ты о нем узнала? Не от своего же дедушки?

- Некоторые из наших друзей часто охотились. Если вы любите ходить на охоту, дядя Морис, тогда во Флориде найдете больше развлечений в этой области спорта, чем в Оверни.

Его карие глаза задумчиво и изучающе смотрели на меня.

- Для винтовки, подобной этой?

Я некоторое время обдумывала вопрос, затем ответила:

- В болотных низменностях есть пумы, медведи и, конечно, аллигаторы. Полно хищных птиц и мелкой дичи, которая не охраняется. Например, вальдшнепы и вороны. Лисы, наконец. Так что можете воспользоваться своей винтовкой.

- И ты в них всех стреляла? - Он недоверчиво взглянул на меня.

- Ну что вы, дядя Морис! - Я засмеялась. - Я стреляла в пуму, но убил ее кто-то другой. Правда, я хорошо стреляю по хищным птицам, но не люблю охотиться с дробовиком на уток. Дробовик, кроме того, дает отдачу в плечо и производит много шума.

Он улыбнулся:

- Понятно. Меня все сильнее тянет в Новый Орлеан. Значит, там есть где поохотиться? И ты интересуешься винтовками и ружьями? А ты знаешь, что я знаток по части оружия? У меня отличная коллекция, в ней есть даже несколько антикварных вещиц. Пойдем проверим твои познания, и, возможно, в один прекрасный день я возьму тебя с собой поохотиться на склонах.

Там есть дикие кабаны, выслеживать которых одно удовольствие, а иногда встречаются олени.

Дядя Морис пересек комнату, и я последовала за ним.

- Как вы находите эту винтовку, дядя?

- Хорошее оружие в своем классе. Особенно для опасных игр. Но к сожалению, здесь нет подобных забав. Только кабаны. Правда, она немного тяжеловата для стрельбы по свиньям.

- Но вы использовали ее для стрельбы по голубям. Я наблюдала из окна.

Он открыл дверь, которую я раньше не заметила среди полок с книгами в конце комнаты, и повернулся:

- Слышал, что тебе это не понравилось.

Я покраснела:

- Я восхищалась вашей меткостью, дядя Морис, но не тем, как вы этого добивались.

Он внезапно рассмеялся:

- Да, знаю. Пшеница. По крайней мере, ты честна. Габриель сообщила мне, что ты была недовольна этим. Могу я спросить, почему?

- Это безжалостно, несправедливо и нечестно, - ответила я. - Вы и так стреляете хорошо, так что в этом, я думаю, нет необходимости.

Он покачал головой:

- Когда птицы одурманены, они не испытывают ни малейшей боли. Поэтому я считаю это необходимым. И стреляю в голубей только для того, чтобы смогли выжить грифы. Ты же знаешь, что я не могу показываться на людях. Не хочешь же ты, чтобы я взял ружье и бегал по лугу за голубями, а люди глазели бы на меня? Нет, я предпочитаю, чтобы они прилетали сюда, чтобы я мог накормить грифов и попрактиковаться в стрельбе, никем не видимый.

- А так ли необходимо убивать голубей? Я имею в виду, что для грифов можно было бы найти и другую пищу...

Он нахмурился, и его карие глаза пристально уставились на меня.

- Да, для них можно было бы найти другую пищу... Хорошо, я подумаю над этим. Без сомнения, я смогу найти и другое развлечение. Это доставит тебе удовольствие, Дениза?

- Да, дядя Морис, - ответила я, но под его леденящим взглядом почему-то пожалела, что вообще завела этот разговор.

- Ну все, - сказал он, и выражение его глаз изменилось - он снова смотрел на меня с нежностью, - с этим покончено! Ты заставила меня принять решение. Завтра утром и, возможно, в течение нескольких дней ты не увидишь грифов за своим окном. Я тебе это обещаю. Теперь пойдем посмотрим на мою коллекцию. Покажешь мне, какое оружие ты уже видела.

Внезапно во второй комнате вспыхнул свет, и перед моими глазами предстал целый арсенал

оружия, развешанного на стенах. Как он сказал, здесь было все от аркебуз и кремневых ружей до самого современного автоматического оружия. Большинство из этих орудий убийства я прежде никогда не видела, некоторые были мне знакомы по фильмам или телевизионным шоу.

Я шла рядом с дядей по кругу, он иногда брал оружие в руки, рассказывал его историю и объяснял, как оно работает.

- А это ты знаешь?

- Да. Это автомат Томпсона. А это... британский пистолет-пулемет "стен", кажется? У вас достаточно оружия, чтобы начать революцию, дядя Морис. Удивительно, что французское правительство позволяет частному лицу хранить подобный арсенал, даже если это коллекция.

Он засмеялся и повесил автомат обратно на крючок.

- Когда я вернулся во Францию, правительство изъяло у маки все оружие. Но здесь, в Шатеньере, естественно, были тайные склады, о которых знали только лидеры Сопротивления. Прежде чем проинформировать о них Париж, я выбрал кое-что для своей коллекции. Никто не задавал мне никаких вопросов, Дениза. А поскольку Франция у меня в долгу, я посчитал возможным сделать себе небольшой подарок.

- И все же, дядя Морис, в руках плохих людей оружие может быть опасным. Не лучше ли запереть ваш арсенал в сейф? Так делают в Америке.

- Нет, - отрезал он, - не лучше. Я считаю, что имею право на военные сувениры. Многие из этих ружей принадлежали французским маки. Их владельцы умирали держа палец на спусковом крючке. Это придает оружию особую ценность в моих глазах.

Я содрогнулась и отвернулась. Дядя засмеялся. Его левая рука с неожиданной силой сжала мое запястье так, что я поморщилась от боли.

- На войне нет места хорошим манерам или щепетильности, Дениза, - странным тоном сказал он, когда мы вышли из арсенала.

Робкий стук в дверь библиотеки прервал его разглагольствования, и дядя, раздраженный этой помехой, сердито крикнул:

- Кто там еще?

- Луиза, месье, - робко отозвалась служанка.

- Я ничего не просил!

Я внезапно вспомнила про свой заказ и быстро сказала:

- Это сделала я, дядя Морис. Я заказала кофе для нас двоих. Когда я проезжала по деревне, там пекли кексы, и я привезла несколько горячих. Я думала...

Крепкие пальцы, сдавившие мое запястье, внезапно разжались.

- Свежие кексы? - переспросил он. - У меня слабость к таким вещам. Ты очень заботливая девочка, я благодарен тебе. Габриель считает, что сладкое - это излишество, поэтому никогда не готовит никаких кондитерских изделий. Мари Лабрус тоже, наверное из-за Габриель. - Он закрыл дверь арсенала на замок, сунул ключи в карман пиджака и крикнул: - Входи, Луиза!

С подносом в комнату вошла девушка.

- Виолетта Клоэт славится в наших местах своей изумительной выпечкой, - с благодарностью пробормотал дядя, обозревая кексы.

Я улыбнулась:

- А как насчет rot-au-feu? Дедушка постоянно вспоминал об огромном железном котле, кипящем на плите. Я слышала аромат этого блюда в Везоне. В первый раз в доме ваших арендаторов Бурже, во второй - на ферме, причем rot-au-feu у мадемуазель Бурже пах гораздо вкуснее.

Дядя неуверенно взглянул на меня, вспоминая.

- Ах да, - наконец сказал он, - суп. Подобное варево не в моем вкусе. - Он покачал головой.

- У Бурже он пах великолепно.

- Дело вкуса, - рассеянно заметил дядя, пожирая глазами кексы. - Я нюхал его на ферме. Бурже сами грязные и едят как свиньи. Нет, дайте мне лучше настоящий гуляш из говядины, приготовленный в чистой кастрюле, а не эту несвежую размазню и вонючие отбросы! В Замке грифов, Дениза, ты никогда не найдешь этого rot-au-feu.

- Но, дядя, вряд ли rot-au-feu, о котором говорил мой дед, был таким, как вы говорите, - запротестовала я. - Как это блюдо может быть несвежим, если безостановочно кипит? Вы же, можно сказать, выросли на нем, как и мой дедушка. Он обожал этот суп.

Дядя быстро взглянул на меня:

- О да, Дениза. Но наши родители были здоровыми сельскими людьми и опрятными к тому же. Женщины отлично готовили. Тогда, естественно, я его любил. Это была наша основная еда. Видимо, именно поэтому теперь у меня к ней такое отвращение... Даже самые лучшие блюда когда-то приедаются, да и вкусы тоже меняются.

Он со своей обычной учтивостью придвинул мне стул и, когда за Луизой закрылась дверь, внезапно сменил тему:

- Я размышлял, как бы побыстрее узнать о моем деле в вашем посольстве. Ты могла бы привести справки по телефону? Понимаешь, Дениза, у Альбера сейчас нет времени отвезти тебя в Париж - он слишком занят на полях и не сможет оставить деревенских без присмотра.

- Но, дядя Морис, я могла бы поехать одна. - Сама мысль вновь оказаться за рулем прекрасной машины взволновала меня. - Я могу уехать на два дня. Остановлюсь на ночь в...

- Нет, - перебил он меня бесцеремонно, но затем его тон смягчился. - Нет, Дениза, мне не нравится мысль, что ты будешь в пути совершенно одна, А если машина сломается в каком-нибудь безлюдном месте? - Он пожал плечами. - В деревне есть телефон, у Клоэтов, которые содержат гостиницу.

Я разочарованно вздохнула:

- Думаю, что смогу привести предварительные справки и по телефону. Но все остальное придется делать лично.

- Полагаю, твое посольство отнесется более благосклонно к этому делу, когда там узнают от тебя все факты, Дениза.

- Да, надеюсь, что все будет в порядке.

- Хорошо. Покончим с этим. - Он удобно устроился в кресле. - Только сначала хорошенько проверь, чтобы тебя никто не подслушал, иначе в деревне поползут слухи, что я собираюсь отсюда уехать. Крестьяне так преданы мне, Дениза, так беспокоятся о своем хозяине, что стали относиться ко мне слишком ревностно, как к своей собственности. Когда я впервые привез их сюда из Везона...

Он продолжал рассказывать, замолкая ненадолго, чтобы отдать должное кексам. Слушая его, я пила кофе и тоже с удовольствием лакомилась восхитительными творениями мадам Клоэт, периодически вступая в разговор.

Странный человек мой дядя, решила я. Немного гурман. Может быть и жестоким, и добрым, любезным, и нетерпимым. Не ожидала обнаружить подобного сочетания в представителе семьи Жерар, да и вообще во французе... И без сомнения, он слишком снисходителен к Габриель и Альберу. Он более чем достаточно сделал для Франции и для этих двоих тоже. И несомненно, оставит им приличную сумму на жизнь. Но Габриель говорила с дядей таким тоном, как будто имела власть над ним. Похоже, она и Альбер держат его в руках - что еще может означать подслушанный мной сегодня разговор? В голосе дяди, когда он приказал Габриель выйти вон, звучали гнев и... страх?

Жерары всегда были добрыми и мягкими людьми. Возможно, непростой жизненный опыт, общение с маки и пытки в гестапо сделали этого человека совсем другим? Дядя Морис, казалось, совсем не похож на Анри Жерара и на тот образ, который дедушка создал в моем воображении.

Слушая теперь спокойный голос дяди и размышляя обо всем этом, я внезапно потеряла аппетит к кексам мадам Клоэт.

Глава 6

Обливаясь холодным потом, я проснулась от какого-то смутного страха, рожденного в тут же забытом сне. Испуганно приподнявшись на локте, я инстинктивно натянула одеяло до подбородка, как будто защищаясь от неизвестной угрозы, и почувствовала себя маленькой и беспомощной в этой огромной кровати под пологом на четырех столбах.

С тяжело бьющимся сердцем я бросила взгляд на стул, которым каждую ночь теперь подпирала дверь. Он стоял, как я его поставила. В замке было тихо, яркий лунный свет наполнял комнату, вливаясь в открытое окно. Ночной ветер, слабо шевеля занавески, принес с гор прохладу, быстро остудив горячую кожу. Испарина, выступившая у меня от страха на верхней губе и на лбу, постепенно исчезла.

Я медленно стала приходить в себя, ощущая сухость в горле и головную боль. Видимо, я слишком переусердствовала за ужином с вином, которое мне то и дело подливал дядя Морис. Наверное, это похмелье разбудило меня, да еще яркая луна, висевшая в ясном небе над горой и светившая прямо в лицо.

Я опять легла на спину, вспоминая ужин прошлым вечером. Желания нащупать свои наручные часы и узнать время не возникло, а те, старинные и позолоченные, что стояли у старомодного шкафа, я не могла разглядеть в глубокой тени у противоположной стены.

Теперь, когда я думала о вчерашнем ужине, он показался мне довольно странным. Габриель подавала сама, сославшись на то, что Мари и девушки рано разошлись по домам. Я никогда еще не видела ее такой дружелюбной, а моего дядю таким общительным. Все блюда были очень вкусными, и я подумала, что это Мари приготовила их, прежде чем уйти. Габриель принесла сначала одну бутылку превосходного искрящегося бургундского, потом вторую...

К моему удивлению, дядя пригласил Габриель посидеть с нами за стаканчиком вина. Она, казалось, пребывала в непривычно приподнятом настроении и рассказывала истории из деревенской жизни, заставлявшие дядю искренне хохотать и вгонявшие меня в краску, поскольку были довольно непристойными. Время от времени они обменивались взглядами, озадачивавшими меня. Создавалось впечатление, что они на самом деле любовники и что после этого затянувшегося ужина их ждет долгожданное свидание.

Хотя дядя Морис беспрестанно и настойчиво предлагал вино нам обеим, я заметила, что сам он пил очень умеренно. К концу ужина его холодные странные глаза изучающе рассматривали нас с Габриель, как будто мы с ней были подопытными экземплярами, над которыми он экспериментировал, испытывая свое бургундское и решая, которая бутылка лучше.

Но избыток вина не произвел никакого воздействия на Габриель. Она встала и принялась собирать тарелки. Ее руки ничуть не дрожали, походка была, как всегда, уверенной и твердой. По всей видимости, ее стареющее, но все еще крепкое тело оказалось гораздо выносливее моего. Сама же я начинала чувствовать сонливость и была вынуждена выйти из-за стола, отчаянно стараясь удержать равновесие. Мы засиделись за ужином слишком долго, и я выпила за один раз гораздо больше бургундского, чем за всю жизнь.

Когда я встала и извинилась, дядя Морис вежливо поднялся вслед за мной и, проводив меня до двери, пожелал спокойной ночи. За его спиной раздавался звон посуды и смех Габриель.

- Она теперь будет хорошо спать этой ночью, - донесся до меня через открытую дверь грубый голос Габриель. - Она выпила слишком много вина.

- Да, - ответил дядя, - она будет очень крепко спать.

- Лис не утратил своего коварства, а? - хихикнула Габриель. - Я, кстати, тоже немного перепила. А вино, которое ты послал Альберу, довольно крепкое. Ты же знаешь, что у него слабость к такому. Наверняка этот дуралей уже все выпил. Ты не задумал, случайно, что-нибудь? Вдруг кто-то из нас пострадает по неосторожности? Потому что, если ты сделал...

- Замолчи, дура! - зло прошипел дядя Морис.

Дверь резко захлопнулась, я споткнулась и вцепилась руками в перила лестницы. Наконец я доплелась до своей комнаты, разделась и упала в огромную кровать, не забыв перед этим приставить стул к двери, втиснув его спинку под ручку. И вот теперь я пристально смотрела на него, жмурясь от яркого лунного света, льющегося в окно. В голове неприятно пульсировала боль.

Мне нужен аспирин и глоток холодной воды. И луна слишком яркая. Придется вставать. Но я быстро обнаружила, что голова в вертикальном положении болит еще сильнее, чем в горизонтальном, а когда наклонилась, чтобы найти свои тапки, чуть не застонала. Ну и крепкое бургундское у дяди Мориса!

В итоге я все-таки встала, накинула халат на легкую ночную рубашку и тут же поняла, что по-прежнему плохо соображаю. Прежде чем встать, надо было включить прикроватную лампу,

потому что луна скрылась за облаками. Теперь придется опять лечь и ползти через кровать до нее или идти вокруг кровати, чтобы до нее добраться. Я выбрала последний вариант как наименее болезненный. Нащупав выключатель, я нажала на кнопку, но ничего не произошло.

Я пробормотала одно из любимых дедушкиных французских ругательств и прислушалась. Генератор отопления гудел равномерно, но слабо. Или мощность отключена во всем замке, или, что более вероятно, у меня лампа перегорела.

Я на ощупь направилась в ванную. Из-за маленького окна, расположенного высоко, здесь было еще темнее, чем в комнате, но я все же нашла аспирин, стакан и, растворив таблетку в воде, быстро выпила ледяную жидкость жадными глотками.

Вернувшись в спальню, я подумала, что теперь мне ясно одно: в следующий раз, когда дядя выставит на стол свое лучшее бургундское, мне следует быть осторожнее. Гораздо осторожнее!

За окном пейзаж с виноградниками казался бледной репродукцией дня, полной мрачных теней. Где-то лениво крикнула ночная птица, и, как будто ей в ответ, в деревне тоскливо и жутко залаяла собака, потом другая, и вот уже они заливались хором, похожим на вой волков, которые, как сказал мне дядя, все еще водились в этих лесах.

Я задрожала. Действительно, Шатеньере – странное место. Заброшенные фермы, волки, грифы и память об ужасах прошедшей войны. Оно было совсем не таким дружелюбным и безопасным, как его описывал мне дед. Даже здесь, в замке, много лет назад лилась кровь, умирали женщины и мужчины в жестокой резне революции.

Я представила себе свирепые лица, пристально вглядывающиеся в мое окно из-под козырьков фуражек. В свете луны сверкало окровавленное оружие, мелькали красные колпаки санкюлотов. Я почти слышала вопли женщин, неистовые крики: "Смерть аристократам!" – и грохот выстрелов.

Как много людей погибло здесь тогда и позже, во время других войн? Из моего окна были видны останки старого фортификационного крыла замка. Глядя на него, я поежилась. Мне стало холодно, и появилось желание вновь вернуться в теплую постель.

Я уже собралась отойти от окна, когда внезапно заметила какое-то движение слева, в винограднике, совсем близко от стены замка. Черная фигура быстро пересекла открытое пространство и исчезла за углом, где находилось окно спальни дяди Мориса. Я содрогнулась и устала на лужайку. Там бесшумно появилась еще одна темная фигура и тоже скрылась из виду за стеной. Этот человек был гораздо внушительнее, чем первый, и производил впечатление более опасного. В его руке что-то блеснуло в лунном свете.

Я, как замороженная, наблюдала, спрятавшись за занавеской. Никто больше не появился, но где-то внизу тихо скрипнула дверь. Боковая дверь, решила я. Где-то в районе библиотеки. Сердце мое неистово забило от ужаса. Я не осмеливалась повернуть голову, представляя себе, как эти мрачные фигуры тайком крадутся к комнате дяди. О боже!

Я с трудом подавила желание закричать. Ни в винограднике, ни на склонах больше никто не появлялся. Но я была уверена, что, кто бы ни были эти люди, они теперь находятся в замке.

Мне вспомнился разговор между дядей и Габриель, который я подслушала. Он возвращался в мою память фрагментами и от этого вызывал все нарастающее беспокойство. "Он видел их лагерь под утесом возле водопада... Возьми нас с собой... Если это те, за кого ты их

принимаете, они могут ждать нашего визита и подготовиться. Ты об этом подумала?.. Я взгляну на них сегодня ночью... Будет луна..."

Я стояла неподвижно у окна, сбита с толку своими мыслями и представляя себе опасность, которая грозит моему дяде и мне самой. Что случится с Габриель или с Альбером, меня нисколько не заботило. Но почему кто-то должен угрожать нам в Замке грифов? Я продолжала смотреть в окно, но больше никто не появился. Я видела только двоих, если, конечно, остальные не прошли раньше, прежде, чем я их заметила.

"Мы так же надежны, как были прежде! Возьми нас с собой сегодня ночью, и мы докажем тебе это..." Так сказала Габриель. И дядя ответил: "Хорошо".

Я не могла спросить об этом, не признавшись, что подслушивала. Но... возможно, эти нарушители моего спокойствия, эти мрачные фигуры, всего лишь дядя и Габриель или Альбер, возвращающиеся в лунном свете из лагеря нарушителей его владений в ближнем лесу? И завтра наверняка он подаст жалобу на них в полицию Орийяка?

Я подошла к двери и проверила, прочно ли спинка стула подпирает дверную ручку. Мне показалось, что я в безопасности. Но на лестнице вдруг послышались чьи-то тихие шаги, и я прислушалась, застав дыхание. Да, там кто-то был... и не один. Я услышала отдаленное бормотание голосов, которые быстро затихли. Это все-таки дядя, с облегчением решила я, и Габриель с Альбером. Но страх побудил меня удостовериться в этом. Я бесшумно оттащила стул, открыла дверь и, выглянув в коридор, прислушалась.

Со стороны библиотеки раздался какой-то скрежет, и все звуки сразу же надолго стихли. Затем я услышала, как открылась еще одна дверь, и, ужаснувшись, вспомнила о дядиной коллекции оружия. Кто бы там ни был, он направлялся в арсенал!

Но в следующий же момент я посмеялась над своей глупостью. Пошел бы мой дядя ночью невооруженным в лес, где водятся медведи и волки и где появились таинственные незнакомцы, разбившие лагерь у водопада? Это, конечно, дядя Морис там внизу, в библиотеке, возвращает на место оружие.

Я с облегчением вздохнула. Теперь он вышел из арсенала. Я услышала, как закрылась дверь потайной комнаты и затем – дверь библиотеки. Внизу, в коридоре, ведущем в большую гостиную, послышались шаги нескольких людей. Они шли молча, затем Альбер и Габриель повернули в сторону помещений для прислуги. Потом слабо скрипнули ступеньки под ногами дяди, когда он стал подниматься к себе.

Я привалилась к косяку приоткрытой двери и с облегчением закрыла глаза. Дядя продолжал подниматься. Я уже не слышала его шагов, но он должен был быть уже на площадке лестницы и поворачивать к своей комнате. Подожду, пока он закроет свою дверь, потом закрою свою – иначе он может услышать.

Как долго он идет к своей комнате! Я стояла в дверном проеме спальни, сконцентрировав все внимание и чутко прислушиваясь к каждому звуку, но ничего не слышала, абсолютно ничего! Внезапно я ощутила предостерегающее чувство опасности. Почему дядя все никак не дойдет до своей комнаты, почему не открывает дверь?

Может, я ошиблась? Может, это кто-то другой так бесшумно поднимался по лестнице и именно его шаги я слышала внизу? А сейчас он тихо подкрадывается ко мне в темноте?

Когда я застыла от ужаса при мысли об этом, прикроватная лампа внезапно вспыхнула,

наполнив комнату ярким светом, отбросив мою тень на противоположную стену коридора и выхватив из темноты стоявшую в трех шагах передо мной черную фигуру. Я никогда еще не видела более отвратительного лица! Это было лицо скелета, под глазницами обтянутое огрубевшей кожей. Ниже смертельно бледную плоть пересекали страшные борозды красных рубцов. И с этого черепа на меня глядели мерцающие глаза человека и криво усмехался злобный тонкогубый рот! Лицо, казалось, прыгнуло на меня, и чья-то рука зажала мой рот, придавив спиной к стене.

- Тихо, ты, маленькая дура! - прошипел грубый и неприятный голос.

Крик поднимался в моей груди. Он рос и наконец пронзительно прорвался наружу, прежде чем ужасные пальцы успели сдавить мне горло.

Я вырвалась и упала на колени, отчаянно хватая ртом воздух. Где-то вдалеке раздался топот - люди бежали на помощь. Кто-то свирепо закричал на непонятном мне языке:

- Нет!

Затем кто-то рявкнул по-французски:

- Не надо! Ты сошел с ума?!

Страшные стальные пальцы, успевшие снова сомкнуться на моем горле, разжались. Кто-то схватил душителя и оттащил назад, в коридор. Я чувствовала себя тряпичной куклой, небрежно брошенной на грубый ковер лицом вниз. Борясь с тошнотой, я пыталась вздохнуть, но тут же погрузилась в темноту обморока, подобного тому, что случился со мной в Везоне.

- Отпусти меня! - словно сквозь слой ваты пробился голос. - Все прошло. Больше нет необходимости меня держать. Она стояла у двери. Свет упал в коридор, она меня увидела и начала визжать.

Это был голос моего дяди, хриплый и дрожащий от пережитого. Я попыталась что-то сказать, но не смогла издать ни звука. Меня грубо перевернули на спину, воздух со свистом вырывался из моего поврежденного и опухшего горла.

Надо мной склонилось злобное лицо Габриель. Она, усмехаясь, пристально и злорадно смотрела на меня.

- Итак, теперь ты знаешь, как выглядит обожженное лицо, да? И тебе не понравилось то, что ты увидела? И ты была настолько глупа, что показала это и завопила, приведя его в неистовство? Он терпеть не может, когда кто-то в ужасе смотрит на него и к тому же визжит. Полагаю, теперь ты это усвоишь!

- Я... сожалею... - прошептала я, с усилием повернув голову и взглянув на дядю Мориса. - Просто... увидеть вас... так... внезапно... там...

Не думаю, что кто-то из них понял, что я пыталась сказать, - вместо слов получилось какое-то придушенное карканье.

- Пойдем, - буркнул Альбер дяде, - я отведу тебя в твою комнату.

- Я должен узнать, почему она направила свет мне прямо в лицо, - возразил он, глядя на Альбера.

- Оставь ее, мы с ней разберемся, - успокаивающе сказал Альбер. - А что до света... Возможно, мы разбудили ее, когда вернулись. Я отключил генератор, помнишь? Она, наверное, включила ночник, свет не загорелся, потом она услышала нас внизу и подошла к двери, а я в это время запустил генератор, и зажегся свет.

Я замычала в подтверждение того, что Альбер прав, что именно так и было на самом деле. Габриель посмотрела на меня и усмехнулась вновь:

- Она каркает, как ворона. Ты оставил на ее горле свою метку.

- Это была ошибка, - тихо заметил Альбер. - Я провожу его в спальню, а за девчонкой мы сами присмотрим.

Но дядя Морис резко сбросил с себя руки Альбера:

- Почему ты стояла у двери, Дениза? Почему ты так внезапно зажгла свет?

Я с трудом отползла от них к стене и заметила вдруг, что халат на мне распахнут, оторванная пуговица лежит рядом на полу, а мое тело просвечивает сквозь тонкую ткань ночной рубашки. Поправив халат, я плотнее запахнулась в него дрожавшими руками.

- А малышка-то застенчивая! - проворчала Габриель с насмешливой симпатией.

- Все было так, как сказал Альбер, - умудрилась я произнести. - Я услышала какой-то шум и выглянула в коридор. Потом включился свет.

- Она просто повторяет то, что наболтал Альбер, - фыркнула Габриель. - Будешь дураком, если ей поверишь.

- Почему ты закричала? - спросил дядя. Над ужасными рубцами глаза на его лице казались огромными.

- Не... не знаю... Наверное, на то... на то были... основания... Увидеть вас... без маски... так внезапно. Да еще свет... вдруг упал... на ваше лицо. Я не знала... что это вы... Я подумала... - Я замолчала.

Все трое напряженно уставились на меня.

- Что ты подумала? - поинтересовался дядя Морис. - Что это кто-то еще?

- Что-то разбудило меня, - сказала я, постепенно обретая способность отчетливо говорить. - Не знаю что. Я пошла за стаканом воды и аспирином, а когда задержалась у окна, увидела, как кто-то пробирается через виноградник. Потом услышала, как внизу открылась дверь и кто-то вошел. Я подумала, что это незваные гости, и хотела позвать вас, но потом решила, что это припозднился кто-то из замка и теперь возвращается...

- В такой час?

- Но вы же выходили. Поэтому вы и одеты, не так ли? Я не знала, который был час. - Преодолевая боль в шее, я повернула голову и бросила взгляд на часы. Половина третьего! Я быстро добавила: - Поскольку я предположила, что это вы, дядя, я ждала, когда вы подниметесь по лестнице. Мне не хотелось, чтобы вы подумали, что я за вами шпионю, поэтому решила подождать, пока вы войдете в свою комнату и закроете дверь. Только я

забыла, что включила лампу, когда вставала с кровати. Свет вспыхнул, и... и я увидела вас.

Дядя вопросительно взглянул на Альбера. Громила кивнул, как бы говоря: я верю ей! Дядя перевел взгляд на меня:

- Вероятно, этого можно было бы избежать, если бы я позволил тебе раньше увидеть, каков я на самом деле.

- А что в этом такого? - вмешалась в разговор Габриель. - Для нас с Альбером твой вид стал привычным. К таким вещам быстро привыкаешь.

Дядя прикоснулся кончиками пальцев к рубцам на своем отвратительном лице вурдалака. Я смотрела на него расширенными от страха глазами.

- Не дай ей одурачить себя! - Губы Габриель скривились в ухмылке.

- Ты видишь скелеты там, где одни только тени, Габриель, - неожиданно ответил дядя, видимо окончательно придя в себя. - То, что случилось между мной и Денизой, мы обсудим с ней одни, без твоей помощи. - Он повернулся к Альберу: - Я причинил девочке боль и сожалею об этом. Иди спать, я помирюсь с ней сам. Как она сказала, этого больше не повторится.

Альбер, со своей обычной медлительностью, казалось, обдумывал со всех сторон его слова. Взгляд его бесцветных глаз задержался на какое-то время на лице моего дяди, прежде чем он ответил:

- Как скажешь, хозяин. Мы оставим вас с мадемуазель. Ночь почти прошла. Идем, Габриель.

На мгновение мне показалось, что она готова броситься на меня, но Альбер быстро подскочил к ней, схватил за локоть и вытолкнул из комнаты. Габриель что-то протестующе бормотала, но он властно увлек ее за собой по коридору.

Я чувствовала, что дядя за мной наблюдает, приподняв воротник пиджака, чтобы скрыть рубцы на лице.

- Я многое бы отдал, Дениза, чтобы этого никогда не случилось, - тихо сказал он.

- Я тоже, дядя Морис.

- Что касается этого... - Он вновь провел пальцами по обожженной коже. - Я не выношу, когда пялят глаза на мое лицо, или показывают свое отвращение к моему внешнему виду, или жалеют меня. Становлюсь невменяемым. Особенно меня угнетает женский ужас от того, как я выгляжу, визг и... - Он печально махнул рукой и, склонив голову, прикрыл глаза ладонью.

Жалость охватила меня, и мне захотелось утешить его. Я протянула руку, чтобы дотронуться до его плеча, но вспомнила его слова о жалости и поспешно отдернула ее.

- Теперь я все знаю и отлично понимаю, дядя Морис, - сказала я как можно спокойнее. - И клянусь вам, что никогда больше не обижу вас подобным образом.

Он поднял глаза на меня и кивнул.

- Я верю тебе, - прошептал он. - Я должен тебе верить, Дениза. Подожди... - Он подошел к двери, выглянул в коридор и прислушался, потом повернулся ко мне. - Они разошлись по своим спальням. Есть кое-что, чего ты еще не поняла, и я обязан объяснить тебе. Я скоро

вернусь...

Он вышел из комнаты. Беззвучно. Я даже не слышала, как он шагнул по коридору, хотя предполагала, что он направился к лестнице. Оставшись одна, я внезапно начала дрожать. По моим щекам от жалости к себе полились слезы. Я вся затряслась. В моем горле как будто появился нарыв, вот-вот готовый лопнуть. Мне потребовалось героическое усилие, чтобы не подскочить сейчас же к двери и не подпереть ее стулом, чтобы дядя не смог больше войти. Мне смертельно хотелось бежать прочь из этой комнаты, из этого замка, из Шатеньере! Прочь из Оверни, прочь из Франции! Но я бы не смогла пробежать и ярда в таком состоянии.

Я нащупала рукой кровать и опустилась на край, спрятав лицо в ладонях и всхлипывая. Слезы бежали по моим рукам и капали на парижскую ночную рубашку, оставляя на ней темные пятна.

- Ты не должна плакать, Дениза!

Я не слышала, как он вошел, но вот он стоит, прямо передо мной, глядя на меня. Он опять надел маску, и над черным бархатом вновь блестели глаза моего дяди, какими я их знала.

- Я... я не могу... остановиться... - всхлинула я, нащупала в кармане халата носовой платок и, поспешно приложив его к глазам, отвернулась. - Вам больше нет необходимости надевать маску при мне, дядя Морис, если вы не хотите ее носить.

Он нахмурился:

- При тебе я буду носить ее всегда, Дениза. Это стало привычкой и позволяет мне пользоваться твоим доверием. Но ты теперь должна быть готова к тому, что увидишь, если застанешь меня врасплох. Ты поняла?

Я кивнула. Он что-то сунул мне в руку, подвинул стул ближе ко мне и сел.

- Это мой обычай просить прощения. Я сожалею, что причинил тебе столько боли и страха. Я намеревался подарить это тебе, когда с бумагами будет улажено. Но возьми это сейчас как искупительную жертву, а я найду для тебя другой подарок, когда мы будем готовы покинуть эти места навсегда.

Я посмотрела на довольно потрепанный футляр, который он вложил мне в руку, и взглянула дяде в глаза, сверкавшие над маской.

- Дядя Морис, вы не должны извиняться, это была полностью моя вина. Я...

- Это подарок, Дениза. Открой его.

Я с любопытством повертела футляр в руках. Он выглядел очень старым. Когда-то кожа, из которой его сделали, была отличного качества. Я нащупала небольшой выступ, нажала на него, и крышка откинулась. Открыв от удивления рот, я недоверчиво рассматривала лежащее в футляре изумительной красоты рубиновое ожерелье. В свете прикроватной лампы на своем золотом ложе искрился и сверкал большой драгоценный камень в подвеске, а по его бокам, с обеих сторон по пять, располагались вставленные в такие же старинные золотые оправы камни поменьше.

- Но, дядя! - выдохнула я. - Это ведь рубины, да? Вы не можете просто так подарить мне их!

- Да, - ответил он спокойно, - это бирманские рубины, самого высокого качества в мире, насколько мне известно. Они были привезены во Францию из Индокитая перед самой войной. Какой-то правительственный чиновник привез их для своей любовницы. Партизаны убили ее... Впрочем, история этих камней не имеет значения. Ожерелье твое, если, конечно, ты примешь его от меня как искупительную жертву, и забудешь, что я... что мной овладел порыв, который я не смог контролировать. Рубины будут тебе к лицу. На тебе они будут выглядеть великолепно. Ты примешь их при условии, что завтра утром забудешь сегодняшнюю ночь и никогда не станешь вспоминать и говорить об этом?

- Да, я приму...

Я в жизни не видела ничего красивее и никогда не имела возможности приобрести такую дорогую вещь. Поддавшись порыву, я потянулась поцеловать дядю, но он нервно отстранился от меня.

- Договорились?

- У вас есть мое слово, дядя Морис, - горячо откликнулась я.

- Тогда надень ожерелье и удостоверься, что рубины тебе к лицу. А потом сядь и спокойно послушай, что я расскажу тебе о том, чего ты пока не понимаешь.

На его последние слова я уже не обратила внимания. Поспешно открыв замочек, я надела ожерелье, подбежала к зеркалу и взгляделась в свое отражение.

- Дядя Морис, включите, пожалуйста, верхний свет - я ничего не вижу! - воскликнула я нетерпеливо.

- Какая ты импульсивная, девочка! - Он покачал головой, но выполнил мою просьбу.

В электрическом свете, заполнившем комнату, в блеске золота и драгоценных камней на моей шее ясно проступали синяки. Бледное лицо, смотревшее на меня из зеркала, приобрело желтоватый оттенок, глаза помутнели, волосы растрепались в борьбе. Я никогда еще не выглядела хуже!

- Я выгляжу ужасающе! - проворчала я. - Но я никогда не видела ничего более красивого, чем это ожерелье, дядя Морис!

Он кивнул, продолжая меня рассматривать. Я вернулась к кровати и села.

- Через несколько дней синяки пропадут, а пока тебе придется носить что-то с высоким воротом, чтобы Луиза и другие слуги из деревни не заметили. Они обожают сплетничать.

- Я буду надевать шарф или свитер с высоким горлом.

Хорошая девочка. - Дядя внезапно встал, подошел к двери и прислушался. Затем выключил верхний свет и вернулся. - Они ушли в свои комнаты, - тихо сказал он и окинул меня взглядом, который я почувствовала всеми изгибами своего тела. Это было странное ощущение. Я смутилась и поплотнее запахнулась в халат. Дядя Морис отвернулся, улыбаясь. - Даже сейчас, после всех потрясений, тебя можно назвать красавицей, Дениза, - заметил он спокойно. - Драгоценности и дорогая одежда мало что могут добавить к твоему очарованию. Однажды, когда все останется позади, мне доставит огромное удовольствие покупать для тебя хорошие вещи в Америке. Но это наш секрет, и его пока следует хранить. Теперь послушай. Я

попытаюсь объяснить тебе то, чего ты не знаешь, но о чем, будучи довольно сообразительной, уже успела догадаться сегодня ночью.

Я удивленно уставилась на него:

- Вы имеете в виду Альбера и Габриель? Возможно, я смогу понять вашу снисходительность к Альберу, но к Габриель... - Я невольно содрогнулась. - Дядя Морис, я не могу понять, почему вы позволяете этой ужасной женщине оставаться подле вас.

- У меня нет выбора.

- Значит, она... они каким-то образом держат вас в руках? Но что Габриель имела в виду... что она хотела со мной сделать? Я была... в ужасе...

Он тихо засмеялся:

- Ну, они с Альбером просто отослали бы тебя в Америку, Дениза. Завтра же, если бы смогли. Они были против твоего приезда с самого начала.

- Но почему?

Отправить меня обратно в Америку? Да я сразу же согласилась бы, с радостью, если бы они прямо сказали мне об этом. Однако, глядя в зловеще сверкавшие глаза Габриель и видя ледяное спокойствие Альбера, я испытала ужас и ожидала от них чего-то худшего. И теперь, вспомнив подслушанный разговор в библиотеке, я в это еще больше верила.

- Они просто ревнуют, - пожал плечами дядя. - Боятся, что ты сможешь лишить их привилегий, которыми они здесь пользуются. Сельских жителей в Шатеньере вообще возмущают любые перемены. За две сотни лет они и сами мало изменились. В течение многих веков жизнь здесь была очень тяжелой, а переехав в поместье, крестьяне забыли о горестях и хотят, чтобы так оставалось и впредь. - Он напряженно взглянул на меня. - Но это мои проблемы, Дениза, и я намерен с ними справиться самостоятельно. Я имею в виду, что, вырвавшись отсюда с твоей помощью и уехав в Америку, я, естественно, не оставлю их без средств к существованию.

- Вырваться... из-под того давления, которое они на вас оказывают?

Он кивнул, внимательно глядя на меня.

- Но, - прошептала я, - не могу понять, как они могут вас остановить? После того, что вы сделали для них и для всей Франции?

- Это правда. Я действительно заслужил имя одного из героических лидеров Сопротивления, - медленно сказал дядя. - Но когда-то я, как и многие другие, был неизвестен. Франция была разделена... фактически их было две: Франция Виши и Франция де Голля. Петен подстрекал нас сотрудничать с немцами, де Голль убеждал направить оружие против них. - Он пожал плечами. - Кому было верить? Кто тогда знал, что будет лучше для Франции?

- Мой дедушка знал, - сказала я. - Де Голль.

- Но твой дед жил не во Франции, Дениза. Как и де Голль. Для нас же, для тех, кто остался здесь, все выглядело по-другому.

- И все же, - решительно заявила я, вспоминая, что рассказывал мне дед о дяде Морисе, - я не могу поверить, что вы приняли сторону Виши и предали Францию.

Я была удивлена, когда дядя саркастически улыбнулся:

- Какую Францию, Дениза?

- Есть только одна Франция, не Петена и не де Голля. Просто Франция, дядя Морис.

Он кивнул и нахмурился:

- Ты умная девочка. Отлично, тогда суди сама. В Шатеньере мы были ближе к Виши, не имеет значения, какие сомнения таились в душе каждого из нас. После падения Франции здесь остался только один отряд маки, возглавляемый очень решительным человеком, которого я не могу назвать даже тебе. Он пришел ко мне в Везон и попросил сформировать партизанский отряд в деревне. С ним были двое из его людей и Габриель. Я сказал ему, что это невозможно, что крестьяне никогда не примут в этом участия, потому что поддерживают Виши. Они меня сразу же предали бы.

- Люди из Везона? - ужаснулась я.

Он кивнул:

- Это просто, Дениза. Они предпочитали остаться в живых и спасти своих сыновей и дочерей под властью Виши, вместо того чтобы голодать и умирать в горах. Тогда лидер маки попросил меня присоединиться к нему лично. Это было нелегкое решение - согласиться на предательство своих людей и смерть за дело, в которое я тогда не верил. Но если бы я сказал "нет"... У маки были в руках ружья, и они были бы дураками, если бы оставили за своей спиной в живых того, кто отказался к ним присоединиться и мог их выдать.

- Но вы же не сделали этого!

- Выслушай меня до конца. Я тогда не знал, что маки уже поговорили с некоторыми людьми в деревне. Например, со старшим братом Анри Клоэта. Когда он сказал им "нет" при встрече возле мельницы, они просто убили его.

- Это ужасно! - воскликнула я.

- Была война... - Дядя пожал плечами и продолжил: - Но тогда я не знал об этом и попросил немного времени, чтобы проверить настроение людей, которым доверял. Я сказал, чтобы они вернулись на следующую ночь в это же время. И поскольку маки считали меня важным человеком, готовым пойти за ними со своими людьми или без них, они согласились.

- И они вернулись?

- Да. Они вернулись. Но первыми пришли немцы, чтобы расследовать смерть бедняги Клоэта, подозревая, что это сделал партизанский лидер.

Они пришли ко мне и сказали, что заберут меня в управление гестапо для допроса и наказания как предполагаемого члена отряда. Кто-то из деревенских накануне ночью видел партизан, направлявшихся в сторону фермы, и, видимо, донес об этом. Так что...

- Да? - недоверчиво спросила я, глядя на него.

- Немцы были не одни, Дениза. С ними был французский офицер из Виши. Он тоже угрожал мне и требовал, чтобы я сказал правду. Мы жили небольшой общиной, и Клоэт был одним из нас, а партизаны были чужаками. И я сказал правду, Дениза, подчинившись приказу французского офицера. Совершенную правду, ни больше ни меньше. Немцы устроили засаду, и партизаны угодили в нее ночью на ферме. Все были убиты, за исключением Габриель Бремман. В темноте и неразберихе ей удалось ускользнуть. Она убежала на север и присоединилась к другому отряду, который возглавлял Альбер. Он стал ее любовником. Маки Альбера двинулись дальше на север. После этого в Шатеньере больше не было партизанских отрядов, пока через год я не создал свой. Тогда во Франции было много подобных небольших групп, действовавших в одиночку. Но вскоре де Голль начал отправлять на континент своих бойцов и сбрасывать оружие, и мы стали координировать свои действия. До конца войны я больше не видел Габриель Бремман, но в тюрьме встретил Альбера...

- Я знаю, - прошептала я. - В Германии. Он сказал мне об этом.

- Это все. Вот почему я... терплю Габриель и Альбера. Они знают. А подобные поступки во Франции не прощают. Я стяжал славу лидера маки, награжден орденами, завоевал уважение всех французов - и всего этого я лишусь, если Габриель и Альбер разболтают о моем прошлом. Моя жизнь зависит от них. Я буду опозорен, возможно, заключен в тюрьму, лишен состояния, которое однажды надеялся оставить тебе.

- Не знаю, что и сказать... - в замешательстве пробормотала я. - Все это случилось так давно... Потом вы, не щадя себя, сражались за Францию и многое для нее сделали!

Он внезапно встал.

- Суди меня, если хочешь, Дениза. Я в твоих руках. Теперь ты знаешь столько же, сколько Габриель и Альбер, и я так же в твоей власти, как и в их, ты понимаешь это?

- Я не скажу ничего, что могло бы вам навредить, - пробормотала я, ужаснувшись при мысли об опасности, которая нависла над дядей.

Он кивнул, как будто ничего другого от меня и не ждал.

- Видишь, как сильно я тебе доверяю, - заметил он, - говоря об этом с тобой? Но и ты должна мне доверять, Дениза. Ладно, посмотрим, что будет дальше. А пока - спокойной ночи. Постарайся уснуть. Я прикажу не будить тебя завтра рано.

- Спокойной ночи, дядя Морис.

Я смотрела ему вслед, пока он не закрыл за собой дверь. Ожерелье на покрытой синяками шее казалось мне теперь тяжелым и холодным грузом.

Глава 7

Я проснулась от настойчивого стука в дверь и в страхе, который все еще, как последний клочок густого тумана, окутывал мой мозг после событий прошлой ночи, вскочила с кровати.

- Кто там? - крикнула я.

- Габриель. Я принесла вам поднос с завтраком.

Я нащупала ногой тапочки и накинула халат. Боль в горле, от которой я часто просыпалась

ночью, прошла, но синяки, оставленные пальцами дяди Мориса, были ясно видны на белой коже шеи. Я схватила стул и оттащила его от двери. Вошла Габриель и презрительно посмотрела на него: – Итак, значит, теперь ты строишь баррикады?

Видимо, она решила перейти на "ты" без моего согласия. Я в очередной раз почувствовала раздражение. Но этой ночью, ложась спать, я обещала себе больше не враждовать с Габриель, чтобы не подвергать опасности дядю Мориса, поэтому заставила себя улыбнуться и взять у нее поднос.

– Вы женщина, Габриель. Когда вы были в моем возрасте, разве не заставили бы вас подобные ночные события найти способ закрыть дверь своей спальни?

– Я не была такой слабой и глупой, как ты, – фыркнула она. – Я в этом уверена. Думаешь, стул остановит того, кто полон решимости войти?

– Возможно, нет. Но мысль о том, что стул стоит там, помогла мне уснуть.

– Тьфу! – проворчала Габриель. – Какими глупыми бывают юные девушки! Но может случиться, внутри этой хорошенькой головки ум интриганки? Поэтому-то ты и помирилась с месье прошлой ночью, а? И теперь мы все – друзья?

– Я хотела бы, чтоб так было, – ответила я. – И готова попробовать. А вы?

– Ты готова, да? – Она подозрительно посмотрела на меня. – Почему? Что здесь произошло ночью после того, как мы покинули вас?

Я пожала плечами:

– Что могло произойти между дядей Морисом и мной? Он извинился за то, что причинил мне боль. Я извинилась за то, что моя глупость вывела его из душевного равновесия. Мы договорились забыть об этом. Вот и все.

– Он тебя подкупил! – Ее черные глаза презрительно блеснули. – Ты ведь любишь красивые вещи, а? Платья? Драгоценности?

– Драгоценности? – Я засмеялась. – Какая девушка их не любит? Вы как-то вспоминали о том времени, когда были моложе. Только не говорите, что не любили тогда красивых вещей!

– Это было время войны. Тяжелое время. Но я понимаю, о чем ты толкуешь. – Она кивнула, напряженно изучая меня. – А я говорю о том, что человеку, которого можно подкупить, нельзя доверять. Месье, наверное, преподнес тебе подарок? А? И теперь ты надеешься на большее, поэтому и пытаешься убажить меня?

Тут уж я потеряла всякое терпение.

– Я признаю безнадежность своих попыток установить добрые отношения! – раздраженно выпалила я. – Все, чего я пыталась добиться, – это сделать свое пребывание в замке необременительным для нас обоих. Вас, кажется, возмущает одно мое присутствие здесь, хотя я не сделала ничего, за что вы вправе меня невзлюбить. Это, конечно, ваше дело, но в таком случае держитесь от меня подальше. По крайней мере, обоюдное неудобство не продлится слишком долго.

Габриель бросила на меня странный задумчивый взгляд:

- Ты раздумала оставаться в поместье? Намерена вернуться обратно в Америку?

- Там люди гораздо дружелюбнее, чем здесь.

- Да? И когда же ты уезжаешь?

Мне потребовалось большое усилие, чтобы не вспылить в ответ. Она зашла слишком далеко! Но я вспомнила о дяде Морисе и сжала зубы.

- Поскольку вы дали мне почувствовать себя здесь нежеланной гостьей, я завтра же закажу билет на самолет!

Габриель кивнула и засмеялась, выражение удовлетворения появилось в ее подлых глазах.

- Перекладываешь ответственность на бедную Габриель? Отлично. У меня широкие плечи, я могу это вынести. А у тебя есть характер! Возможно, при других обстоятельствах мы могли бы поладить друг с другом. Теперь, когда я знаю, что ты не собираешься здесь оставаться навсегда, я постараюсь быть с тобой полюбезнее, пока ты будешь у нас гостить. А ты перестанешь считать меня наглой прислугой, забывающей о своем месте. Ни ты, ни кто другой не вправе учить меня жить. Так что ешь свой завтрак, а я пока впущу сюда немного света и воздуха.

Экономка большими шагами прошла к окну и раздвинула занавески. Яркий солнечный свет заполнил комнату, напоминая о том, первом дне моего пребывания здесь, когда она сделала то же самое и я увидела массовое убийство голубей.

- Если мой дядя сегодня практикуется в стрельбе, вам не стоит беспокоиться, Габриель, - поспешно сказала я.

Она засмеялась:

- Ты и здесь одержала победу, а? Видишь грифов? Голубей сегодня на лужайке гораздо больше, чем обычно. Лабрус с утра хорошенько накормил их зерном. Ты не слышишь, как они воркуют внизу?

Она наблюдала за мной, когда я изумленно посмотрела в сторону окна, внезапно услышав оживленное воркование на лужайке.

- Они не боятся? - удивленно спросила я.

- Они никогда не боялись, - с презрением ответила она. - По крайней мере, до тех пор, пока не становилось уже слишком поздно для страха.

Любопытство побудило меня осторожно подойти к окну. Лужайка внизу была заполнена белыми голубями. Одни из них с жадностью продолжали поедать зерно, причем без последствий, в отличие от прошлого раза. Я невольно взглянула вверх, ища грифов. Ни одного черного пятна, парящего над замком, ни одного стервятника, сидящего на дереве или на каменной стене!

- Где же грифы? - спросила я удивленно.

- Я-то думала, это тебя обрадует. Их здесь нет. Они хорошо покормились в другом месте. Взгляни вон туда.

Я перевела взгляд на виноградники, где работали деревенские, и заметила у кромки леса неровную линию черных точек, усыпавших ветки деревьев. Птицы сидели неподвижно. Я поежилась и отвернулась.

- Кто-то покормил их там, наверху?

- Да, твой дядя и Альбер поднимались туда этим утром. Наверное, они подстрелили свинью или оленя, а может, волка. Разрезали кое-где шкуру, чтобы птицам было легче есть. К ночи ничего не останется, кроме костей, которые потом растащат волки. Они обожают костный мозг. - Глаза Габриель сверкнули. - А может, хозяин с Альбером убили пару волков и одного спрятали в пещере, чтобы покормить птиц и завтра. Ну что, мадемуазель? Грифы по-прежнему едят, а чувствительная натура мадемуазель не задета, а? Я помню время, когда хозяин не был таким деликатным с другими.

Она усмехнулась и ушла. После этого я почувствовала себя значительно лучше, с удовольствием поела и выпила кофе. За окном день искрился солнечными лучами, как шампанское. В полях за работой пели деревенские. Я приняла душ и оделась, с облегчением думая об Этьене Метье и Везоне. Сегодня утром даже человек, который жил странной жизнью особого агента французского правительства, казался приятной личностью по сравнению с обитателями Замка грифов.

Я давно простила беднягу Пьера Бурже, а о Мадлен у меня были только хорошие воспоминания. Мне захотелось опять поехать в Везон, но я поздно встала сегодня, к тому же мне нужно было сходить в деревню, чтобы позвонить в посольство и все разузнать для дяди Мориса. Но мысли мои летели в Везон, как утешение. Большею частью, как я вынуждена была себе втайне признаться, они касались Этьена, его дружелюбных глаз и красивого загорелого лица.

Я вспомнила, как он умолял меня попозировать ему, и понадеялась, что он приедет в Токсен, хотя и сомневалась, что дядя позволит ему повидать меня, не говоря уж о том, чтобы остаться в замке.

Натянув свитер с высоким горлом, я вытащила рубины из своей дорожной сумки, куда положила футляр, и надела, снова невольно залюбовавшись ими. Они действительно были великолепны. Многие девушки предпочитают бриллианты, но я решила, что меня вполне устраивают рубины. Во всяком случае, такие, как эти. В свете дня они мягко мерцали и казались густо-красными на фоне золотой оправы. Даже на моем белом простом свитере они выглядели прекрасно, и я с неохотой сняла их и вновь спрятала в сумку. Да, не стоит сомневаться в щедрости моего дяди, сделавшего мне такой королевский подарок.

Внезапно я услышала шум мотора приближавшегося автомобиля и чье-то пение.

- Tiens voilà du boudin... - выводил приятный мужской голос, почти заглушавший гул мотора. - Есть кровяная колбаса, кровяная колбаса. Для эльзасцев, швейцарцев и лотарингцев...

Я подошла к окну и выглянула. От ворот в сторону замка медленно взбирался по дороге древний грузовик. Вот он проехал под моим окном и направился к кухне. Его кузов полностью был загружен овощами, фруктами, мешками с зерном и мукой, под мешковиной виднелись очертания окороков и кусков бекона. На заднем дворе машина остановилась, и из кабины вылез певец. Он был без головного убора, рукава его рубашки, закатанные по локоть, открывали коричневые от загара руки. Этьен Метье!

Увидев его вновь, я ощутила неожиданную бурную радость. Веселая песенка, видимо,

предназначалась мне, чтобы привлечь мое внимание. Я высунулась из окна и помахала ему рукой. Он сразу увидел меня, и улыбка тут же изменила его лицо, сделав его почти мальчишеским.

- Доброе утро, мадемуазель! - крикнул он весело. - Надеюсь, вы хорошо проводите каникулы? Разве не восхитительный сегодня день? Какое освещение для портрета, а? И эти горы, и виноградники, это место...

Я обнаружила, что смеюсь, как не смеялась еще ни разу в Замке грифов. Как будто я вновь вернулась в Новый Орлеан, а тот, кто приехал на этой старой машине, пригласил меня на танцы и теперь набирается смелости, чтобы получить разрешение моего деда.

Давно уже я так тщательно не занималась своим макияжем. Закончив, я поспешно сбежала по лестнице, слыша с кухни неприятный голос Габриель, ругавшей Марсо за какие-то упущения. Когда я входила в гостиную, из библиотеки, покашливая, вышел дядя и стал подниматься по лестнице.

- И к тому же, Марсо, разве тебе было позволено привозить в замок чужаков, а? - Даже в гостиной был слышен воинственный голос экономки. - Место наших арендаторов в Везоне, на полях. Им нужно работать, а не бездельничать здесь!

- Он рассказывал мне, что у месье Жерара очаровательная домоправительница, мадам Бремман, - донесся до меня насмешливый голос Этьена. - Он день и ночь пел вам дифирамбы каждый раз после того, как бывал в замке. Разве это не так, Жак? И такая прекрасная повариха, говорил он! О, я, Этьен Метье, знаю о вас довольно много, мадам Габриель Бремман, поверьте мне. Жак доводит бедную, ревнивую мадам Марсо до безумия тем, как он о вас говорит. А женщину, которая могла сделать такое с Жаком, у которого рыбы глаза и в венах течет холодная рыба кровь, я должен был сам увидеть, мадам. Правильно, Жак?

- Он сумасшедший, как все художники, - проворчал Марсо. - Не обращайтесь на парня внимания, мадам Габриель.

- Видите? - засмеялся Этьен. - Как искусно он скрывает свою любовь к вам! Но не стоит разочаровываться, мадам Бремман. Он говорит так только потому, что бедняжка Мари подслушивает у двери. Если бы вы были с ним наедине, держу пари, он запел бы иную песню.

- Дурак! - фыркнула Габриель. - Хотя вы правы насчет его рыбьих глаз и крови. Каким же ему еще быть? Лабрус не должен был позволять вам въезжать в замок... Зачем ты его привез сюда, Марсо?

- Он донимал меня, мадам Габриель. Он...

- Это художник, да? Метье? Молодой человек, вы совсем не похожи на художника. И ведете себя не так и поете...

- *Tiens voila du boudin, voila du boudin, voila du boudin...* - пропел Этьен. - Дорогая мадам Габриель, без всякого сомнения, вы женщина остроумная. Вы заинтриговали меня так же сильно, как бедного Жака. Но почему бы мне не петь о кровяной колбасе, когда мы привезли вам целых пять связок? Правда, почему?

- Где вы научились этой песни, а, художник? Не в студии же какой-нибудь, клянусь, что нет. Тогда где?

Этьен засмеялся.

- "Тогда где?" - передразнил он ее. - А она еще и умная, а? Мадам, разве вы не знаете, что это за песня?

- Конечно, знаю, - вновь фыркнула Габриель. - Я спрашиваю, где вы научились ей, поскольку предполагается, что вы художник, а не военный, месье.

- Возможно, мадам слышала о Дьенбьенфу и о третьем полку Иностранного легиона, который сражался против Хо Ши Мина? Это был мой полк. Это была наша песня.

- В Индокитае? Во Вьетнаме? - недоверчиво спросила Габриель.

- Ну конечно, мадам. Где же еще?

- Тогда что вы, солдат Легиона, делаете на ферме, тратя время на рисование и работу на полях?

- Если бы вы побывали в Дьенбьенфу, мадам, вы не спрашивали бы об этом, - задумчиво ответил Этьен. - Где угодно, только не там и не в сражении с вьетминьцами.

- Тьфу! - с отвращением произнесла Габриель. - Вы такой же чистоплюй, как и все остальные вашей породы. Я бывала в местах и похуже. Много раз. А теперь убирайтесь из моей кухни! У меня полно работы.

- Намек понял! - засмеялся Этьен. - Пойду понежусь на солнышке во дворе и подожду беднягу Жака.

- И пришлите эту дуру Мари. Она думает, что может сидеть на своей широкой заднице, пока я здесь вкалываю?

- Я не был бы удивлен этому. Я скажу ей.

Он начал весело насвистывать и, видимо, вышел во двор, так как свист слышался уже с улицы, затем ненадолго замешкался возле грузовика и продолжил свой музыкальный путь вокруг замка в сторону фасада.

- Это и есть тот художник? Племянник Бурже?

Я совершенно забыла о дяде Морисе, но вот он уже здесь, стоит за моей спиной. Я чуть не подпрыгнула от испуга.

- Да, дядя. Его зовут Этьен Метье.

- Художник, да? Это легко сказать. Каждый мошенник во Франции претендует на то, что он или художник, или писатель, или скульптор.

Легкий способ жить за счет благотворительности или скрывать свои истинные цели.

- Но месье Метье на самом деле художник, дядя Морис. Я видела его работы, и они действительно очень хороши.

- В Везоне? Проще простого выдать чужие работы за свои.

- Но это были его собственные работы! - возмутилась я. - Когда я была там, он показал мне незаконченную картину. Пейзаж с черными силуэтами людей в поле пшеницы.

- Ты видела, как он рисует?

Я удивленно уставилась на дядю:

- Почему вы так подозрительны к месье Метье, дядя Морис?

- Дениза, ты видела, как он рисует? - нахмурившись, настойчиво повторил он свой вопрос.

- Нет, я на самом деле этого не видела. Он работал в поле со своими дядей и тетей. Но он показал мне незаконченную картину и еще одну, которая только что высохла. Кстати, он просил позволения написать мой портрет.

Дядя вздохнул и отвернулся:

- Ты прекрасно знаешь, почему я так подозрителен. Это давно стало моей второй натурой. Я в ужасе оттого, что вся Франция однажды может узнать обо мне...

Он замолчал, и я импульсивно сказала:

- Я сожалею, дядя. Но здесь нет никакой опасности, если только она не исходит от Габриель и Альбера. Чем может вам угрожать месье Метье?

Он быстро взглянул на меня:

- Я тебе говорил, что у меня есть причины подозревать чужаков.

Тут мне в голову пришла одна мысль.

- Дядя, если вы подозреваете месье Метье, почему бы вам не позволить ему написать мой портрет? Он сказал, что сможет рисовать меня здесь или в Токсене. Это не доставит вам никакого неудобства. А когда он меня напишет, вы быстро поймете, что он не только художник, но и очень талантлив.

- Смею заверить, что я кое-что понимаю в живописи, - проворчал дядя, изучающе глядя на меня. - Я сразу это увижу.

- Я в этом уверена. И если месье Метье напишет портрет, однажды, возможно, он станет украшением чьей-нибудь коллекции.

- Во Франции больше нет хороших, по-настоящему хороших художников, - уныло заметил дядя. - Пикассо - испанец. Брак и Леже только подражают ему. Жак Вийон полу абстракционист, Кайяр - реалист, но примитивный. Ни один из них меня не вдохновляет. И, как ты знаешь, я не люблю, когда в замок приходят незнакомцы.

- Он мог бы рисовать меня в деревне.

Дядя долго и внимательно смотрел на меня.

- Ты интересуешься этим молодым человеком, Дениза? Он, как говорят американцы, "заигрывал с тобой"?

Я покраснела:

- Право же, дядя Морис! Я всего лишь раз встречалась с месье Метье как с вашим арендатором, да и то на несколько минут. У меня вообще нет к нему никакого интереса. Но было бы забавно иметь свой портрет, нарисованный настоящим художником.

Дядя задумчиво кивнул:

- Ладно. Скажи ему, что можешь попозировать. Я хорошо заплачу за портрет, если сочту его стоящим того.

Я улыбнулась, ощущая, как румянец постепенно исчезает с моих щек.

- Месье Метье захочет, без сомнения, поблагодарить вас за это. Как большинство художников, он не производит впечатление человека, имеющего много денег. Он работает в Везоне на полях, наравне с Бурже, и на мельнице, а сегодня помогает Марсо.

- Я не намерен встречаться с твоим Метье, Дениза, - ответил дядя. - Ты сама скажешь ему. А сейчас мне надо поговорить с Марсо. - Он пошел к двери, но остановился, нахмурился и пристально посмотрел на меня. - Когда он будет тебя писать, Дениза, не надевай ожерелье, которое я тебе подарил. Это очень важно. И держи рот на замке. Поняла?

Я пожала плечами. Мне вовсе не хотелось демонстрировать Этьену синяки на своей шее. Но у меня мелькнула мысль надеть ожерелье, когда дядя сказал, что позволяет Этьену писать мой портрет. И все же он был прав: надев рубины, мне пришлось бы показать свое покалеченное горло.

- Как скажете, дядя Морис.

Он улыбнулся:

- Мы постепенно начинаем понимать друг друга, да, Дениза? Ты быстро убедишься, что не останешься в проигрыше от этого. И возможно, вскоре не будет больше необходимости в подобных подозрениях, а?

- Нет никаких сомнений, дядя Морис, - с уверенностью ответила я и улыбнулась ему в ответ, пытаюсь удержаться и не броситься бегом к выходу.

Снаружи солнце ослепило меня, и я прищурилась. Когда глаза немного привыкли к яркому свету, я огляделась в поисках Этьена и обнаружила его, где и ожидала, - он сидел в тенечке на траве под деревом, склонившись над чем-то белым, лежавшим у него на коленях.

Я бесшумно подошла ближе и увидела, что он быстро делает какие-то наброски. Этьен поднял глаза, усмехнулся и продолжил работу, как будто не видел и не слышал меня.

- Вы зарисовываете замок, месье? - возмущенно спросила я. - Мой дядя был бы крайне возмущен, если бы увидел вас.

- Ужасно возмущен, - спокойно согласился Этьен. - Вот почему я и пришел сюда, где он не сможет меня увидеть с кухни. - Он склонил голову набок, пристально посмотрел на страницу блокнота и удовлетворенно кивнул. - Совсем неплохо. - Затем вскочил на ноги и схватил меня за руку. - Остались только окна с южной стороны. Пойдемте. Ваш дядя очень скоро вернется с кухни и будет искать нас. К тому времени мы должны уже повернуть за угол с набросками

четырёх стен замка. Нам следует поспешить.

Чтобы высвободить руку из его тисков, потребовалось бы огромное усилие, и мне пришлось почти бежать за ним по лужайке к дому.

- Вы заставляете меня принимать участие в том, чего я не понимаю! - запротестовала я. - У меня нет желания досаждать моему дяде.

- Могу это понять, Дениза, - мрачно заметил он. - Я скорее стал бы досаждать самому дьяволу. Но если мы поспешим, непосредственной опасности удастся избежать. Так что идемте быстрее.

- Нет, не хочу в этом участвовать! Я...

За угол мы свернули почти бегом. С этой стороны дома на лужайке находились клумбы роз и какие-то кустарники. Большая часть комнат в этом крыле замка пустовала. Этьен ослабил свою хватку, и я вздохнула с облегчением.

- Дайте мне пять минут, - тихо сказал он. - Это все, что мне нужно. Пойдите возле угла, подождите, пока я подам вам сигнал, а потом идите к входной двери, как будто ищете меня. Это оправдывает вас перед вашим дорогим дядей Морисом.

- Он не следит за мной. Это вы...

- Естественно, - кивнул Этьен. - А теперь не тратьте зря время, будьте хорошей девочкой. Когда я вам помашу, идите назад. Вы меня не видели. Хорошо?

- Нет, это не хорошо! - возмущенно ответила я. - Что бы вы, месье, ни собирались делать, мне это не нравится. Я не хочу принимать в этом участие.

Но Этьен уже зашагал по лужайке. Я наблюдала, как он повернулся и стал изучать замок, потом отступил на несколько шагов назад, сел на корточки и начал быстро делать наброски.

Я нетерпеливо смотрела на него, еле сдерживаясь. Этьен Метье казался мне самым наглым молодым человеком из всех когда-либо встреченных мной.

Он бросил взгляд на часы и помахал мне рукой, как будто прогоняя меня, как будто я была каким-то любопытным цыпленком, пробравшимся в его студию в Везоне. Ну и черт с ним! Я пойду прямо сейчас в дом, и пусть он сам объясняется с дядей Морисом, если тот застукает его с набросками замка.

Я сердито пошла к входной двери и удивленно остановилась. Дядя Морис делал именно то, что предсказал Этьен. Очевидно, вернувшись с кухни в гостиную, он посмотрел в окно и, не увидев нас, решил выйти из дома. Сейчас он медленно спускался по ступенькам и внимательно оглядывался. Меня он заметил сразу же и остановился, нахмурившись, ожидая, когда я подойду.

- Где он? - Темные глаза злобно смотрели на меня поверх бархатной маски.

- Месье Метье? - Я пожала плечами. - Не знаю, дядя. Наверное, пошел прогуляться вокруг замка. Он же художник, а замок - прекрасное старинное здание с историческим прошлым.

- А там его нет? - Дядя кивнул в сторону кухни, и его глаза засверкали от ярости.

- Я его не видела. Возможно, он вернулся на кухню, и мы разминулись. А вы его там не встретили?

- Нет, - проворчал он. - Его там не было. Он, видимо, вернулся туда, когда я ушел, поговорив с Марсо.

- И когда я решила поискать его здесь, - улыбнулась я. - Ну конечно, куда же еще он мог деться? Сидит на кухне или в грузовике и ждет остальных. Пойдемте туда вместе. Вы решили поговорить с ним сами, дядя?

На мгновение он заколебался, и я вдруг осознала, что в первый раз вижу его вне дома. Наконец он кивнул, и мы живо поспешили по тропинке из гравия мимо окон библиотеки, комнаты дяди и моей собственной, а затем повернули к кухне и помещениям для слуг.

- Кажется, его и здесь нет! - зло проворчал дядя.

- По-моему, кто-то есть в грузовике, - быстро сказала я, надеясь, что мой голос звучит не слишком обеспокоено. Я думала, что человек, сидевший в кабине машины, - это Мари Марсо, а не Этьен, который, вероятно, все еще бродил с южной стороны замка, делая свои наброски.

- Там двое в кабине, - сердито заметил дядя и внезапно остановился, пристально глядя в сторону грузовика. Я тоже остановилась и пригляделась. - Кого еще этот идиот Марсо притащил с собой?

- Я не видела больше никого. Может, мадам Марсо?

Дядя угрюмо направился к машине, и я последовала за ним, пытаюсь не отставать. Передняя дверца грузовика открылась, и из кабины, весело улыбаясь нам обоим, выпрыгнул Этьен.

- Доброе утро, мадемуазель... месье! - приветствовал он нас.

Его взгляд на миг задержался на моем лице. Я знала, что Этьену пришлось бежать, чтобы добраться сюда так быстро, и карабкаться через разрушенное крыло почти под носом Габриель и людей на кухне, но он выглядел таким спокойным и дышал так легко, что это казалось просто невероятным.

Я уставилась на него, онемев от удивления, в то время как дядя Морис грубо спросил:

- Вы Метье?

- Да, месье! Этьен Метье, к вашим услугам.

Дядя Морис бросил взгляд в кабину грузовика:

- А это кто там?

- Пьер Бурже, месье. Мой дядя и ваш арендатор. Пьер! Где твои хорошие манеры? Попрощайся же с месье и мадемуазель Жерар.

- До свидания, месье... мадемуазель...

Знакомым мне жестом Пьер снял свой берет и смиренно склонил голову. Мой дядя сердито смотрел на него.

- Что вы здесь делаете, Бурже? - требовательно спросил он.

- Я помогал с разгрузкой, месье.

- Сколько же человек требуется, чтобы загрузить и разгрузить один грузовик? Предоставьте Марсо самому в будущем делать его работу, Бурже. И вы тоже, Метье. В Замке грифов не приветствуют чужаков.

- Это моя вина, месье, - быстро сказал Этьен. - Поскольку Пьер - ваш арендатор в Везоне, я подумал, что вы должны с ним встретиться. Пьер, ты же прежде не встречался с месье Жераром, не так ли?

- Лицо месье закрыто... - пробормотал Пьер. - Как я могу сказать?

Мой дядя вновь напряженно уставился на Пьера, и я заметила, как руки бедняги, сжимавшие берет, начали дрожать.

- Этот человек думает, что встречался со мной где-то раньше? - спросил дядя злобным голосом.

- Месье, - спокойно ответил Этьен, - я всего лишь подумал, что, как землевладелец и арендатор, вы должны познакомиться. Это проявление вежливости. Мой дядя Пьер привел в порядок ваши земли, я ему помог в этом. Хозяин должен знать, что делают его арендаторы. Но если эта мысль вас чем-то оскорбляет...

Дядя посмотрел на него, потом вновь перевел взгляд на Пьера:

- Вы думаете, что когда-то давно мы с вами могли встречаться?

- Очень давно, месье. Но... не могу вспомнить, месье...

- Возможно, во время войны? - Мой дядя подошел ближе.

Этьен осторожно отступил в сторону.

- Возможно, месье, - испуганно пробормотал Пьер. - Моя память... не та, что была раньше. Я...

- Мы все теперь не такие, как прежде, Пьер, - странным голосом заметил дядя и поднялся на подножку грузовика.

Я с удивлением увидела, как он левой рукой сдернул с лица маску и, нагнувшись, заглянул в кабину. Он приблизил свое лицо к Пьеру, тот съежился и испуганно отпрянул, вытаращив глаза и непроизвольно выставив вперед ладони. Дядя Морис какое-то время стоял так, сжимая в левой руке сложенный треугольником кусок бархата, затем резко вытянул правую руку, и Пьер громко вскрикнул - железная клешня, как тиски, сомкнулась на его запястье.

Уставившись в лицо моего дяди, бедняга медленно покачал головой, пробормотал что-то неразборчивое и отодвинулся в дальний угол кабины.

- Если бы я тебя встречал, Бурже, я бы это запомнил, - сквозь зубы произнес дядя Морис.

Он освободил его запястье и поднял кусок бархата, закрепив маску на лице левой рукой и протезом правой с удивительным проворством. Затем медленно повернулся и презрительно посмотрел на Этьена.

- Я говорил вам, месье, что это моя вина, - холодно сказал Этьен. - Не было необходимости обижать или пугать его, если, конечно, его можно испугать подобными рубцами.

- Значит, вы художник? - спросил дядя, как будто не замечая слов Этьена. - И вы желаете написать портрет моей племянницы?

Этьен медленно кивнул, что-то обдумывая:

- Мадемуазель Жерар упомянула об этом? Да, это правда. Я художник и хочу написать ее портрет.

- Очень хорошо. Вы его напишете. Считайте, что у вас есть заказ. Назовите свой гонорар.

Я заметила, как Этьен покраснел.

- Мадемуазель Жерар обладает редкой красотой, месье. А я люблю рисовать то, что красиво. Я не думал о гонораре, когда делал это предложение. Я подразумевал, что это будет подарком, напоминаям ей о Франции, когда она вернется в собственную страну.

- Подарок сделаю я, а не вы. А вы нарисуете мою племянницу и получите за это деньги.

Этьен пожал плечами:

- Хорошо, я напишу ее портрет на заказ, месье. Думаю, тысяча франков - честная цена.

Дядя Морис кивнул:

- Вижу, вы не слишком высоко цените свое искусство. Ладно. Месье Клоэт в своей гостинице обеспечит вас помещением для работы. А его жена, без сомнения, приглядит, чтобы вы ограничились своими усилиями рисованием. Сюда приходить вам больше нет необходимости. Договоритесь обо всем с мадам Клоэт. Идем, Дениза. Всего хорошего, Метье... Бурже...

- Всего хорошего, месье... мадемуазель... - пробормотал Этьен.

Я медленно последовала за дядей, радуясь, что все закончилось. Тысяча франков - это приблизительно две сотни американских долларов... Уходя, я чувствовала, что Этьен смотрит мне вслед.

Дядя шел молча, не оглядываясь. Я была рада, что вновь увидела Этьена. Но что, черт возьми, сегодня происходило? Зачем он втайне, чтобы не увидел мой дядя, делал наброски? Зачем привез с собой Пьера Бурже?..

Глава 8

После неприятной утренней сцены настроение моего дяди вскоре вновь улучшилось. За восхитительным ленчем с сухим вином он развеселился и с надеждой говорил о том, что американские хирурги смогут сделать с его рубцами. Он надавал мне множество советов по поводу того, как вести разговор с посольством, и казалось, был рад, что Этьен Метье напишет мой портрет.

- Кто знает, - весело воскликнул он, - может, я даже куплю что-нибудь еще из его работ, если они так хороши, как ты, Дениза, утверждаешь. Я сразу пойму, шарлатан он или гений, как только увижу портрет.

Я покончила с очередной чашкой кофе и улыбнулась ему в ответ:

- Ну, не знаю, насколько он гениален, дядя Морис, но не мошенник, это точно.

- Посмотрим. - Дядя встал и учтиво придержал мой стул. - Если ты собираешься звонить сегодня, тебе лучше сделать это прямо сейчас. Я знаю этих чиновников - их рабочий день заканчивается сразу после ленча.

Я встала и стряхнула невидимые крошки с юбки.

- Пойду прямо сейчас. - Я импульсивно положила свою ладонь на его руку, и на этот раз он не отпрянул. - Уверена, что принесу вам хорошие новости.

Он вновь улыбнулся мне одними глазами:

- Идти немного далековато, Дениза, тебе лучше взять машину.

Он протянул мне ключи и наблюдал потом из окна, как я вывожу "мерседес" из гаража и отправляюсь в путь.

В Токсене, дремавшем под полуденным солнцем, было тихо. Кое-кто все еще работал в полях, остальные спали после выпитого за ленчем вина. Но на мой стук в дверь дома, соединенного общим входом с гостиницей, ответили быстро. Открывшая дверь полная женщина улыбнулась и с любопытством посмотрела на меня.

- Мадам Клоэт? - спросила я.

- Да, мадемуазель?

У нее был такой же румянец, как и у ее мужа, и, очевидно, та же любовь к местному вину, что чувствовалось по ее дыханию.

- Я из замка, мадам. Этим утром сюда заходил молодой человек? Он должен был договориться о помещении для рисования.

- Ах да, конечно, месье Метье. А вы и есть заказчица портрета? Пожалуйста, мадемуазель, проходите. Не хотите стаканчик вина?

- Спасибо, нет. Я только что пообедала. - Я вошла в дом. - Месье Метье договорился с вами?

Она тяжело опустилась на кривой, обитый плотной тканью расшатанный стул и сцепила на животе натруженные руки.

- Да, мадемуазель, все обговорено. Завтра утром, в десять, он будет ждать вас здесь. Он сказал, что утренний свет - наилучший. Днем в наших комнатах уже не будет такого освещения. - Мадам Клоэт приложила ладонь ко рту, чтобы скрыть зевок. - Мадемуазель очень ждет этого сеанса?

- О да, - засмеялась я. - В первый раз кто-то захотел меня нарисовать.

Женщина пронизательно посмотрела на меня из-под полуприкрытых век:

- И к тому же такой красивый молодой человек, да?

Я почувствовала, как румянец заливает мои щеки, и поспешно сменила тему:

- Месье Жерар сказал мне, что у вас здесь есть телефон?

- Да, мадемуазель. Вы хотите кому-то позвонить?

- Да. Я хочу позвонить... другу, в Париж.

- В Париж? - Ее глаза с любопытством сверкнули, потом опять превратились в узкие щелочки, и она зевнула. Поднявшись со стула, она поманила меня за собой в темный коридор, остановилась и открыла одну из дверей. - Здесь, мадемуазель.

Комната была едва ли больше стенового шкафа. Здесь находились только стол и тяжелый стул. Но на столе стоял телефон, который вполне можно было назвать антикварным.

- Повертите эту ручку, пока не прозвонит звонок. Когда телефонистка ответит, назовите ей свой номер. Вы знаете, какой вам нужен номер, мадемуазель?

- Нет, не знаю...

- Не важно. У нас прямая линия с Орийяком. Там для вас найдут то, что нужно.

Я села за стол и достала из сумочки блокнот и ручку. Мадам Клоэт замешкалась в дверном проеме:

- Мадемуазель еще что-нибудь нужно?

- Нет, спасибо, мадам, - твердо ответила я.

- Хорошо. - Она казалась разочарованной. - Я подожду в гостиной.

Дождавшись, пока ее шаги затихли, я подняла трубку и повертела ручку. Через десять минут французского многоголосья я наконец попала в американское посольство. Секретарь внимательно выслушал меня и подробно расспросил, почему мой дядя хочет выехать в Соединенные Штаты.

- С этим не будет больших затруднений, - в заключение сказал он. - Я немедленно вышлю необходимые бумаги по почте. Ваш дядя сам должен заполнить их и заверить у нотариуса. И поскольку ваш дядя - человек состоятельный, думаю, будет несложно найти фотографа, который согласится прийти в замок и сделать нужные для визы снимки.

Я поблагодарила его, повесила трубку и вышла в коридор. Мадам Клоэт сидела в гостиной на том же расшатанном стуле. Рядом с ней стоял пустой бокал. Ее глаза были закрыты, рот слегка приоткрыт. Звучный храп сотрясал крепко сбитое тело женщины, стул жалобно скрипел. Я подавила смешок и пожалела, что со мной нет в этот момент фотоаппарата. Выйдя на цыпочках из дома, я тихо прикрыла за собой дверь, решив, что заплачу за звонок завтра.

Когда я въезжала в ворота поместья, солнце уже садилось и окна замка светились мягким теплым светом. Я еще не видела его таким красивым. Деревенские возвращались с полей, вырисовываясь темными силуэтами на фоне яркого неба. К моему удивлению, дядя заперся в библиотеке, настрого запретив беспокоить его. Габриель передала мне его извинения и сообщила, что у него какое-то неотложное дело, которое не может ждать до утра. И что более удивительно, она была со мной довольно любезна и отнеслась с полным безразличием к моему

визиту в деревню. Наверное, дядя Морис сообщил ей об Этьене Метье и портрете.

Я ужинала одна за огромным столом, при свете горящих свечей. Прислуживала молчаливая Габриель. После кофе я сразу же поднялась в свою комнату. Устроившись на подушках в кровати, я попробовала читать, но шрифт расплывался, и на его месте появлялось загорелое лицо Этьена.

Вскоре приглушенные звуки, доносившиеся с кухни, умолкли, и замок погрузился в тишину. Я выключила лампу и удобно улеглась под одеяло. Завтра... Завтра я увижу Этьена...

Я пробудилась от громкого стука в дверь.

- Мадемуазель! Вы не спите, мадемуазель?

- Да, Габриель? Что такое?

Я зевнула и потянулась, потом протянула руку за халатом.

- Месье Жерар желает, чтобы вы присоединились к нему за завтраком. Через тридцать минут.

- О'кей!

Я вылезла из-под одеяла и отправилась в ванную, а через полчаса я нашла дядю Мориса в столовой. Он пил горячий шоколад со свежими теплыми круассанами.

- Ну, Дениза, ты хорошо спала?

- Просто отлично! - Я погрела руки на кувшине с горячим шоколадом. - Как бревно.

- Хорошо. Сожалею, что не смог поужинать с тобой прошлым вечером и услышать от тебя новости. Все идет нормально?

- Никаких трудностей, как вы и сказали, дядя Морис. Секретарь посольства обещал выслать необходимые бумаги, которые вам нужно будет заполнить. Наверное, они уже на почте.

- Отлично.

Дядя Морис подробно расспросил меня о телефонном разговоре, и когда мы закончили обсуждение, на столе от завтрака ничего не осталось, кроме нескольких крошек хлеба. На часах было почти десять. Наверное, Этьен уже ждет меня.

- Дядя Морис, могу я взять машину, чтобы поехать в деревню? - Я встала и отодвинула свой стул. - Первый сеанс назначен на сегодня, на утро, и я опоздаю, если пойду пешком.

- Ах да, художник ждет. Хорошо, вот ключи. И я хотел бы, чтобы ты сделала для меня еще один звонок. Альфонсу Рузье... Я сейчас запишу тебе его номер. - Он достал из кармана записную книжку и левой рукой неуклюже нацарапал на листочке несколько цифр. - Это его номер в Париже. Он мой брокер. Скажешь ему, что посылка уже в пути и что после нее будет еще одна, последняя, но большая. Очень большая. Ты сможешь запомнить это?

- Да, дядя Морис. - Я тайком бросила взгляд на часы. Пять минут одиннадцатого! - Это все?

- Еще одно, Дениза. - Дядя наклонился и достал из-под стола сверток, размером с коробку от обуви, завернутый в плотную бумагу и опечатанный воском, и протянул его мне. - Эта посылка

отправится специальной почтой, Дениза. Она проштампована и готова к отправке. В половине первого в гостиницу за ней заедет курьер. Тебе останется только отдать ему ее.

- Да, дядя Морис. До свидания. Я вернусь после двух.

Я припарковала "мерседес" возле гостиницы, рядом с древним грузовиком, который видела, когда в замок приезжал Марсо. Сердце почему-то забилося чаще, и я почти побежала к дому. Это смешно, сказала я себе твердо и замедлила шаг. Что значит для меня Этьен Метье? Он всего лишь мужчина. Привлекательный мужчина, но... Я вспомнила взгляд его серых глаз, когда он просил позировать ему. Чепуха... Наверное, у меня слишком богатое воображение.

Я протянула руку, чтобы постучать в дверь, но та внезапно распахнулась, как будто кто-то ждал за ней.

- Дениза! - Этьен быстро втащил меня в дом и закрыл дверь. - Я начал опасаться, что ваш дядя передумал.

- Нет. - Я улыбнулась, польщенная его нетерпением. - Мы немного задержались за завтраком, и потом дядя попросил меня...

- Не важно, - перебил он, пристально всматриваясь в конец коридора. - Вы здесь, так что начнем.

Он открыл дверь, и солнечный свет заполнил коридор. Я вошла в комнату и увидела мольберт с чистым холстом и ящик с кистями и красками.

- Доброе утро, мадемуазель Жерар.

Чужой голос заставил меня вздрогнуть. В дальнем углу комнаты, скрытый от обоих окон и двери мольбертом, стоял мужчина. Незнакомец был седовлас, с аккуратными усиками и прямой осанкой, говорящей о его принадлежности к армии или жандармерии. Я в тревоге оглянулась на Этьена, привалившегося спиной к двери.

- Кто это? - в замешательстве спросила я. - Я хочу сказать, что...

Этьен крепко схватил меня за руку и подвел к пожилому мужчине:

- Дениза, я хочу представить тебе моего начальника, полковника Гийе.

Полковник слегка поклонился и указал мне на стул. Но я осталась стоять, с ненавистью глядя на Этьена.

- Что происходит, месье Метье? - спросила я негодуя. - Так вот почему вы настаивали, чтобы я пришла? Теперь я вообще не верю, что вы собирались писать мой портрет.

- Это не так, Дениза, - сказал Этьен, мягко подталкивая меня к стулу. - Я собираюсь рисовать, и мы начнем сегодня же. Но... - Он пожал плечами. - Дело прежде удовольствия. Полковник, пожалуйста, объясните.

Полковник слегка поклонился:

- Присаживайтесь, мадемуазель Жерар. В настоящее время у нас есть причина полагать, что военный преступник Франц Жобер находится где-то в окрестностях Токсена. Мы думаем, что он уже много лет тайно живет в Шатеньере. И мы так же считаем, что вы можете помочь нам

найти его, если захотите, ответив на несколько вопросов.

Я пожала плечами, села и посмотрела на полковника Гийе:

- Не понимаю, как могу вам помочь. Что вы хотите узнать?

- Капитан Метье проинформировал меня, что вы в разговоре с ним упомянули о встрече с двумя молодыми людьми по дороге в Токсен. В тот самый день, когда Пьер Бурже напал на вас в Везоне, так?

Я нахмурилась:

- Да, я тогда повстречала двоих мужчин, путешествовавших автостопом. Они спросили у меня дорогу в Токсен. Они искали там друга отца одного из них. Показали мне его фото и поинтересовались, не видела ли я его или похожего на него человека в Токсене или в замке.

Полковник Гийе сердито взглянул на Этьена:

- Вы не говорили мне об этом, капитан!

- Я этого не знал, - вспыхнув, ответил тот. - Она не позаботилась упомянуть об этом в разговоре со мной. А я посчитал тогда, что нет необходимости вдаваться в детали, пока не получил сообщение о двух израильтянах.

- Я сказала вам о них, потому что думала, что и они вовлечены в ваши поиски! - возмутилась я. - Думала, что вы захотите узнать о них больше. Когда же вы ничего не спросили, я решила, что они ваши люди и что вы не желаете о них говорить.

- Моя ошибка, - смущенно пробормотал Этьен, взглянув на полковника.

Полковник раздраженно фыркнул:

- В следующий раз будьте внимательнее, капитан. Мадемуазель, вы встретили этих людей?

Он протянул мне фотографию, на которой за столом сидели двое парней и пили что-то похожее на пиво из высоких бокалов. Они были в рубашках и шортах, на столе лежали фуражки. Глядя на их мрачные, напряженные лица, я не могла ошибиться.

- Да, это они. Я остановила машину, и мы немного поболтали. Уверена, что это те самые люди. Они говорили по-французски с акцентом, который звучал как... ну, я подумала, как немецкий.

- Они израильтяне, - сказал полковник Гийе. - Но вы правы насчет акцента, мадемуазель. Оба родились в Германии. Вы знаете, как их зовут? Возможно, они обращались друг к другу по имени?

Я кивнула, продолжая изучать фотографию:

- Да, обращались. Этого зовут... Жюль. А этот, по-моему, Жосси.

- Жосси и Жюль Ора, - кивнул полковник, задумчиво нахмурившись. - Думаю, нет сомнений, капитан, это те самые люди. - Он вновь посмотрел на меня: - Они спрашивали у вас дорогу в Токсен, вы сказали?

- Да, спрашивали. Сослались на то, что пришли через горы из Мон-Дора и не знают, где

оказались. Но однако, они не были похожи на людей, которые легко могут заблудиться.

- Вы правы, мадемуазель, - заметил полковник, - они не такие. Не могли они и потерять дорогу на Токсен...

- Но они могли и не пойти в Токсен, - предположила я. - Могли повернуть в сторону Везо-на или пойти назад через Массив. Я сказала им, что смогу увидеться с ними в деревне, когда буду возвращаться. Но когда я спросила о них Клоэта, хозяина гостиницы, он сказал, что никто в Токсен не приходил. Так что они вполне могли свернуть в сторону, на одну из других дорог, до того, как добрались до деревни.

- Они никуда не добрались, ни в Везон, ни в какую-либо другую деревню в районе Массива, - сказал полковник.

- Возможно, они нашли Жобера или Жобер нашел их, - мрачно пробормотал Этьен.

Полковник Гийе кивнул. Он вытащил другое фото.

- В таком случае, мадемуазель, двое молодых людей, которых вы повстречали и которые были израильскими агентами, оба или мертвы, или в данный момент покидают Францию вместе с Францем Жобером. Подобным образом их люди вывезли Адольфа Эйхмана из Южной Америки для суда и наказания в Израиле.

- Но вы преследуете те же цели, - сказала я. - Так зачем беспокоиться?

- Во-первых, Жобер Мог убить их обоих, - проворчал Этьен. - А во-вторых, если они его взяли, как это все будет звучать в мировой прессе, Дениза? Как во всем мире воспримут тот факт, что Жобер спокойно жил на свободе во Франции целых двадцать с лишним лет? Это не Южная Америка! Это Франция! Жобер - палач, один из самых страшных военных преступников. Мы, французы, должны сами поймать его и наказать за все злодеяния.

- Я понимаю.

- Это тот человек, фотографию которого они вам показывали, мадемуазель?

Я взяла снимок и внимательно посмотрела на него. Да, те же классические черты лица, только морщин прибавилось. Тот же мужчина, немного постарше. В его померкнувшей красоте было что-то зловещее. Я поежилась и поспешно вернула снимок полковнику.

- Это он, - тихо сказала я. - Это...

- Гауптштурмфюрер СС Франц Жобер. В одно время он был помощником коменданта Треблинки, потом принял командование лагерем на Шпрее, под Берлином. - Полковник спрятал фотографию обратно в карман. - Вы не видели в Шатеньере похожего человека, мадемуазель? Он теперь, естественно, гораздо старше. Эта фотография была сделана более двадцати лет назад, незадолго до смерти Гитлера. Тогда-то Жобер и осуществил свой тщательно разработанный план исчезновения.

- Нет, - с уверенностью ответила я, - я не видела этого человека.

Полковник Гийе медленно кивнул.

- Ваш дядя, мадемуазель, месье Жерар, планирует отправиться в Америку. Это внезапное

решение? Принятое, возможно, в последние несколько дней?

- Нет, что вы, - ответила я. - Он часто писал об этом... - Я замолчала и с подозрением уставилась на двух мужчин. - А как вы узнали, что мой дядя подумывает покинуть Францию?

- Обычное дело, мадемуазель, - махнул рукой полковник. - Мы долгие месяцы следим за всеми в этом районе.

- Но... я договаривалась обо всем по телефону, - в замешательстве сказала я. - Никто не знал об этом звонке, кроме дяди.

- Ваше посольство всегда сотрудничает с нами в делах задержания военных преступников, мадемуазель. У нас с ними есть определенные договоренности. Теперь скажите, было ли решение вашего дяди внезапным?

- Нет, я вам уже говорила. Он много раз упоминал об этом в своих письмах. Но почему вы интересуетесь этим? Есть какая-то причина, препятствующая моему дяде покинуть Францию?

- Нет, - спокойно ответил полковник. - Я не знаю ни одной причины, почему месье Жерар не должен покинуть Францию, мадемуазель. Просто любопытствую. Вы сказали, что этот вопрос обсуждался много раз, но решение было принято совсем недавно, не так ли? Вы ведь приехали во Францию по приглашению вашего дяди?

- Не понимаю, почему вы задаете мне подобные вопросы, полковник. Вы, кажется, уже имеете на них ответы, - раздраженно заметила я. - Если хотите, да, окончательное решение было принято только после моего приезда сюда.

- Это было ваше желание, чтобы он уехал с вами?

- Почему бы и нет? Он последний из Жераров и единственный мой родственник по отцовской линии. Да, это мое желание. И если он медлил с принятием решения, это тоже вполне понятно. Он обезображен и очень чувствителен, а ведь для паспорта нужна фотография. Мне потребовалось некоторое время, чтобы убедить его сделать наконец последний шаг.

- Ах да... - пробормотал полковник. - Действительно, проблема. - Он повернул голову и посмотрел на Этьена: - Капитан, Дюваль все еще держит студию в Орийяке?

- Да, конечно, - ответил Этьен и быстро посмотрел на меня. Слишком быстро, как мне показалось. - Поль Дюваль - вот решение вашей проблемы, Дениза. Великолепный фотограф и тактичный человек. Он сам когда-то был активным лидером маки и прекрасно поймет, что чувствует ваш дядя, поскольку его лицо тоже в рубцах и во время войны он потерял ногу. Уверен, что он не откажется приехать в замок и сделать нужные для визы фотографии. Или вы его легко найдете сами в Орийяке. Там каждый знает Поля.

- Спасибо, - поблагодарила я. - Поль Дюваль... я запомню. Это все, о чем вы хотели меня спросить?

- Да, и мы благодарны вам, мадемуазель, за сотрудничество. - Полковник улыбнулся и встал. - Сожалею, что помешал вашему сеансу, мадемуазель. Теперь я вас оставляю.

Он подошел к окну, перепрыгнул через низкий подоконник и скрылся за углом, где был припаркован грузовик. Я смотрела ему вслед со смешанным чувством удивления и возмущения.

- Ну? - буркнула я, поворачиваясь к Этьену и с ненавистью глядя на него. - Если и вы покончили со своим тайным расследованием, месье, я пойду.

Я схватила сумочку и сверток, направилась к двери и повернула шарообразную ручку. Дверь не открывалась, видимо, она была заперта на замок. Я повернулась раздраженно.

Этьен, небрежно привалившись к стене, подбрасывал на ладони тяжелый старинный ключ.

- Как вы смеете, месье! Откройте сейчас же дверь или я закричу на всю округу!

- Пожалуйста, Дениза, - успокаивающе улыбнулся он, - я ужасно сожалею, но это был приказ. Я ничего не мог сделать...

- Тогда откройте дверь сейчас же! - выпалила я.

- Вы так красивы, когда сердитесь, Дениза. Когда мы поженимся, я буду сердить вас постоянно. Я буду самым гордым мужем во всей Франции.

- Что?! - возмущенно воскликнула я, ощущая, как горячая кровь приливает к щекам.

- Это правда. - Он пристально и изучающе рассматривал меня. - Я намерен на вас жениться, Дениза. Вы скоро тоже свыкнитесь с этой мыслью. Она пришла мне в голову в тот момент, когда я увидел вас в своей кровати в Везоне, и с тех пор не выходит из головы. Клянусь вам в этом.

- А вам не приходило на ум, что я могу ответить "нет"? К тому же маловероятно, что вы сможете когда-либо деликатно попросить меня об этом. Кроме того, это была вовсе не ваша кровать, а кровать Мадлен. И к счастью для вас, я была тогда без сознания. Ибо, если бы вы взглянули на меня тогда подобным образом, воображая себе бог знает что, то получили бы звонкую пощечину, месье!

- Потому что смотрел на вас с восхищением?

- Потому что у вас дурные манеры и уйма самоуверенности. И прямо сейчас я хочу, чтобы вы немедленно открыли дверь - я уйду. После этого... этого оскорбления, месье, вам придется подыскать себе другую модель.

- Ах да, - сказал он, как будто внезапно до него дошло. - Теперь понимаю. Это все из-за вопросов, что полковник задавал о вашем дяде? Вы ведь совсем не на меня злитесь. Это полковник вас так взбесил.

- Вы дурак! - выкрикнула я.

Он откинул назад голову и рассмеялся:

- О, свои недостатки я знаю, Дениза. Очень хорошо знаю. Как вы сказали, у меня плохие манеры и уйма самоуверенности. Что там еще было? Ах да, еще нахальство. И конечно, я такой же дурак, как и все влюбленные мужчины. Но ведь ни один из нас не совершенен. И со временем вы поймете, что любите меня за мои недостатки так же сильно, как и за мои достоинства. Должен же я иметь хоть какие-то достоинства, а? А я научусь любить вас за ваши недостатки, Дениза. Вы такая же горячая и темпераментная, как и любая француженка, и так же избалованная, как любая американка. И, как я информировал полковника, вы импульсивны и неспособны плести интриги. Я и не мыслю вас иной, правда.

- Вы... вы... вы просто невыносимы! Вы...

- Негодяй? - предположил он на английском. - Нет, не то. Злодей? Тоже нет... этим словом теперь не так часто пользуются. Может, мерзавец? Нет, это чисто по-английски. Самодовольный, ограниченный тип? - Этьен покачал головой, как бы размышляя. С нахмуренными бровями и полурасплывшимися в улыбке губами он выглядел комично. - Ваши американские словечки никак не приходят мне на ум. Но в одном я уверен точно: если у меня хватит мастерства написать вас такой, как вы сейчас выглядите, полной одновременно ярости и очарования, это будет шедевр. Может, его когда-нибудь выставят в Лувре.

Не знаю, как это случилось, но смех неудержимо выплеснулся из моего горла, и я оказалась в объятиях Этьена.

- Хватит хохотать! Все, что я сказал, - чистая правда! - Он говорил нежно и недоверчиво, как будто случилось чудо, в которое не мог поверить - Я люблю тебя. Каждый раз, когда я смотрю на твои губы, я размышляю, останутся ли они холодны под моим поцелуем или пригласят меня к более горячему.

Позже я позировала ему около часа, пока он делал предварительные наброски, и твердо знала, что этот портрет действительно будет очень хорош. Мне всего двадцать один год, и я влюблена в первый раз в своей жизни. Я знала, что любовь светится в моих глазах так же, как и в его.

Этьен не показал мне своих набросков:

- Ты должна подождать, пока портрет будет закончен. О, моя Дениза, эта картина будет самой лучшей из всего, что я создал. - Он крепко обнял меня и поцеловал. - А теперь, любовь моя, мне нужно идти.

- Прямо сейчас? - Я прижалась щекой к его груди.

- Полковник Гийе сейчас прячется в грузовике, и я должен доставить его на автостраду к половине второго.

- К черту твоего полковника!

Этьен засмеялся, заметив, как вспыхнули мои глаза при упоминании о полковнике.

- Подожди здесь, Дениза, когда уедет грузовик. Мы с тобой теперь увидимся послезавтра, после ленча. Завтра я уезжаю в Париж, но вернусь к тому времени.

Он вышел из комнаты, оставив меня стоять в изумлении. Вскоре я услышала, как грузовик со скрипом выезжает из деревни, но не покидала комнаты, пока голос мадам Клоэт не вывел меня из задумчивости:

- Мадемуазель Жерар, вы там? Пришел курьер за посылкой месье Жерара.

Все еще грезя, я отдала сверток, сделала телефонный звонок, о котором просил дядя Морис, и медленно поехала в замок, повторяя в уме последние слова Этьена, произнесенные шепотом: "Помни, дорогая, что бы ни случилось, я люблю тебя. Я буду охранять тебя. И теперь, когда мы нашли друг друга, я никогда не буду от тебя слишком далеко..."

Глава 9

Время в замке шло медленно. К счастью, Габриель притихла и довольствовалась только мстительными ремарками, хотя ее глаза ясно говорили мне, что она мысленно уже пакует мои чемоданы и ждет не дождется, когда я уеду в Америку. Дядя корпел над прошением и остальными бумагами, полностью отдавшись этому занятию.

В день, когда был назначен следующий сеанс позирования, дядя решил отправиться в Везон повидаться с Марсо. Он удачно выбрал время, когда и Альбер и Лабрус были заняты в полях – каждый надзирал над своей группой деревенских, – и я предложила ему свою помощь.

Габриель презрительно фыркнула и разразилась гневной тирадой в мой адрес, но я притворилась, что не слышу. Мы сделали с дядей крюк и заехали в Орийяк, в студию Дюваля. Я представила его как фотографа, рекомендованного посольством. Не могла же я сказать, что к нему посоветовал обратиться Этьен! Дюваль оказался славным и тактичным человеком, и мой дядя вскоре оправился от кратковременного уныния после сурового для него испытания. Казалось, он даже заинтересовался деревней Везон, когда мы мимо нее проезжали, хотя и отказался там остановиться.

Этьен, по-видимому, еще не вернулся из Парижа. Мадлен и Пьер работали в поле и подняли головы, чтобы посмотреть нам вслед. Увидев каменные стены старой мельницы, мрачные даже в ярком солнечном свете, я невольно вздрогнула, вспомнив, что здесь со мной произошло.

Этьен должен быть днем в Токсене, я это знала. Он будет ждать меня там, в доме Клоэтов, и ничто этому не помешает. Ничто!

Я была рада, что дядя говорил с Марсо всего несколько минут: мне не нравилась эта пара с ее скаредными привычками. На обратном пути он решил сам сесть за руль и гнал машину на большой скорости, как будто его привела в раздражение моя медленная и осторожная езда. Он выбрал прямую проселочную дорогу от Везона на Токсен, сторонясь автострады. Дорога была ухабистой, но значительно сократила время на обратный путь, что помогло оставить наш визит в студию Дюваля в Орийяке незамеченным.

В замок мы вернулись к ленчу. После обеда я поспешила в свою комнату переодеться и освежить макияж. Уходя, я остановилась у окна. Сегодня грифов над замком не было видно. Наверное, Альбер или Лабрус накормили их утром в лесу, пока мы с дядей ездили в Везон. Я всмотрелась повнимательнее в кромку леса, ища их мрачные силуэты, и вдруг увидела, что крестьяне уже ушли с полей. Переведя взгляд на деревню, я с удивлением заметила, что огромные ворота замка закрыты.

Я вновь уставилась на лес и теперь почти сразу же увидела грифов. Я смотрела на них с отвращением. Одни сидели на ветках, отяжелев после обильной трапезы, другие кружили над гребнем горы. Как зачарованная, я наблюдала за ними, вспоминая свой первый день в замке. Они и тогда летели над лужайкой такими же ровными кругами, прежде чем спикировать на одурманенных голубей. Пока я смотрела на них, они стали медленно терять высоту, сосредоточившись, казалось, на одной точке, а потом окончательно скрылись за деревьями. Я продолжала пристально смотреть на лес, размышляя, кто станет их очередной жертвой.

Содрогнувшись, я наконец пришла в себя и решила отправиться в деревню, чтобы не заставлять Этьена ждать. Я взяла сумочку, весело сбежала по ступенькам вниз и заглянула на кухню, надеясь найти Габриель, но ее там не оказалось. Там не было никого: ни Мари Лабрус, ни Альбера. Помещения для слуг тоже были пусты.

Возможно, у Габриель сегодня выходной? Должна же она отдыхать хоть раз в неделю. Хотя...

что она будет делать со своим свободным временем? Я не могла себе представить, что она может посещать друзей в деревне и болтать с ними о всякой всячине.

Внезапно я вспомнила снижавшихся грифов. Скорее всего, Габриель сейчас там, наверху, с Альбером. Наверное, кормит этих ужасных птиц. Это больше на нее похоже. Я вышла из кухни и огляделась. Да, грузовик уехал, гараж закрыт, а там "мерседес". Один ключ у Габриель, другой – у дяди, так что придется мне идти в деревню пешком.

Я посмотрела на окно дядиной комнаты, где он разбирался с документами, необходимыми для получения визы, и подумала, не побеспокоить ли его насчет ключей, но потом решила, что не стоит. День выдался прекрасный для прогулок, да и много времени это не займет.

Я тихо шла по лужайке, пока не достигла дороги, ведущей вниз через поле к воротам и домику Лабруса. Если Пьер отдыхает после ленча, мне не повезло. Ворота заперты, а стена так высока и к тому же утыкана поверху острыми пиками, что мне просто не перелезть через нее.

И все же это была прекрасная прогулка. По обеим сторонам дороги тянулся зеленый виноградник, на лозах уже наливались соком маленькие виноградины, обещая хороший урожай. В воздухе жужжали пчелы, деловито таская мед в квадратные, побеленные известкой домики, которые Пьер Лабрус установил высоко на склонах. Я думала об Этьене и была всем довольна.

Как я и опасалась, на воротах красовались тяжелая цепь и огромный висячий замок. Я прошла через садик и постучала в дверь дома Лабрусов. В ответ послышались медленные шаркающие шаги. – Иду! – проворчала за дверью Мари. – Ты забыл свой ключ, Пьер? Что с тобой сегодня случилось? Я... – Дверь открылась, и женщина испуганно уставилась на меня: – Мадемуазель! Что вы здесь делаете?

Мари со страхом быстро взглянула в сторону замка. Я удивленно смотрела на нее. Глаза женщины покраснели, как будто она плакала, лицо побледнело, от обычного добродушия не осталось и следа.

– У меня назначена встреча в деревне, Мари. Вот и все. Что-то не так?

– Не так, мадемуазель? – Она с тревогой посмотрела на меня.

– Разве вы не плакали?

– Почему я должна плакать? – Она поспешно подняла руку к глазам и опять опустила ее. – Я спала. Возможно, поэтому глаза и покраснели, мадемуазель. Сейчас время сиесты. Пьер же уехал с остальными, повез их куда-то в лес на грузовике. Я не знаю куда...

– С Габриель и Альбером? Так куда же они отправились?

– Не знаю, – повторила Мари. – А хозяин в курсе, что вы собрались идти пешком в деревню?

Я засмеялась:

– Право, Мари! Замок – не тюрьма, и я не должна отчитываться за каждую минуту моему дяде или кому-то еще. Вы не откроете мне ворота? Я хочу выйти.

Она долго с сомнением смотрела на меня, потом спросила:

- Куда вы идете?

Я начала чувствовать раздражение.

- Если это вам интересно, Мари, у меня свидание с художником. На это дал согласие мой дядя. Так что, будьте добры, откройте ворота.

- Да, мадемуазель. Один момент. - Она потянулась к крюку за дверью и сняла огромную связку ключей, которая когда-то, видимо, служила предметом гордости средневекового тюремщика. Затем вышла из дома, сощурилась от яркого солнца и посмотрела на меня. - Вы не задержитесь долго?

- Час или немного больше. А что?

- Из-за волков, мадемуазель, - тихо сказала Мари. - Ходить здесь одной в любое время суток небезопасно. Луиза и другие девушки из деревни дрожат от ужаса, если им приходится возвращаться домой в темноте. В это время волки спускаются с гор и выходят из леса в поисках добычи.

- Чепуха! Я не боюсь волков и других зверей, особенно при дневном свете, Мари. И у меня нет намерения бродить тут по ночам.

Мари вздохнула:

- Как хотите, мадемуазель. Если Пьер вернется раньше вас, я отправлю его в деревню, и он проводит вас до замка. На случай, если я вас не услышу, вот звонок...

Она показала мне внушительный звонок, который, казалось, мог звучать так громко, что будет слышно не только в замке, но и в деревне. Я кивнула, коротко поблагодарив ее, и быстро пошла вниз по извилистой дороге.

Из гостиницы доносился гул мужских голосов, и я вспомнила, что деревенские сегодня раньше возвратились с полей. Повернув к домику Клоэтов, я постучала в дверь. Открыла мадам Клоэт и удивленно уставилась на меня:

- Да, мадемуазель?

- Добрый день, мадам. Я пришла на второй сеанс.

Она нахмурилась:

- Но художника здесь нет, мадемуазель Жерар.

- Нет? - Разочарование, которое я почувствовала, было ни с чем не сравнимо.

Мадам Клоэт покачала головой:

- Увы, мадемуазель. Уверена, что это не входило в планы молодого человека. Во всем виноват мой глупый муж, Анри Клоэт.

- Возможно, месье Метье придет позже? Могу я подождать здесь?

- Ну конечно, мадемуазель, входите. Какая жалость! Анри рассказал о разговоре с вами в тот день, когда вы были здесь, и молодой человек стал спрашивать о двух парнях, которых вы

повстречали на дороге. Токсен – маленькое местечко, вы понимаете, и подобные вещи всегда нас интересуют, потому что здесь мало еще о чем можно поговорить. Они распили бутылку вина в гостинице, где были и другие слушатели, и один из них упомянул, что видел двух туристов, когда рубил дрова в лесу на дороге в Массив... Может, стаканчик вина, мадемуазель? Месье Метье может вернуться в любой момент – он задерживается уже гораздо дольше, чем мы рассчитывали. Но художники все же странные люди, не правда ли? Никогда не знаешь, чего от них ожидать.

Комната была уютная, обставленная почти по-городскому. Над пустым камином висела в резной рамке фотография. С нее на меня сурово смотрела точная копия Анри Клоэта в солдатской униформе.

- Если мадемуазель предпочитает красное вино, у меня есть немного бургундского.

- Я люблю бургундское, мадам, спасибо.

- Прекрасное вино, – согласилась она и засуетилась, полируя и без того сверкавшие бокалы.

Я подошла к фотографии и внимательно рассмотрела ее. Потом заметила под ней семейную реликвию – медаль с орденской лентой в коробке под стеклянной крышкой.

- Ваш муж заслужил Военный крест, мадам Клоэт? – удивленно спросила я.

- Это брат моего мужа, мадемуазель. Его единственный брат Жан. Разве они не похожи как две горошины из одного стручка? Когда люди видят снимок в первый раз, они все ошибаются. Однако и у моего мужа с храбростью тоже все в порядке. Он сражался в рядах маки, но тогда мужество, как говорит Анри, было всеобщим, и его никто не замечал. Его брат принимал участие в сражениях перед капитуляцией, тогда-то его и убили.

Я задумчиво кивнула:

- Война жестока.

- Да, мадемуазель. – Хозяйка принесла вина. – Давайте выпьем за то, чтобы нам никогда больше не знать войны.

- С удовольствием выпью за это, – улыбнулась я.

Мадам Клоэт кивнула, и мы выпили.

- Бедный Жан, – сказала она, глядя на фотографию. – Он был таким красивым молодым человеком. Вы прочли выписку из приказа? Он уничтожил два немецких танка, не меньше. На узкой горной дороге. Так что те, что были позади, не могли мимо них проехать, и за это время его отряд смог переместиться на лучшие позиции. Жан, конечно, погиб. А орден ему дали посмертно. Сам президент приколот медаль на грудь мадам Клоэт, его матери, и поцеловал ее. Но разве это утешение для матери?

Я нахмурилась:

- Но... Мадам, можно мне прочесть выписку из приказа? Вы сказали, что у вашего мужа был только один брат?

- Только один. Они были очень близки. Жан старше на год. Анри был безутешен...

Она продолжала еще что-то говорить, но я уже не слышала, внимательно читая поблекшую надпись. Награда была посмертной, да. Капрал Жан Клоэт принес себя в жертву, чтобы его друзья могли жить. Он умер при взрыве второго танка.

Я медленно положила листок назад. Почему дядя лгал мне, рассказывая о Жане Клоэте? Говорил, что Жана убили французские партизаны у старой мельницы в Везоне, а на самом деле он умер, сражаясь за Францию, за несколько месяцев до капитуляции. Задолго до того, как в Шатеньере появились партизаны. Внезапно я вздрогнула, вспоминая странное поведение дяди той ночью и его историю, так легко звучавшую из его уст.

Но если Жан Клоэт умер как герой, тогда, значит, эта история - выдумка? Мой дядя лгал! Если Габриель и Альбер действительно имеют над ним власть, от которой он хочет сбежать с моей помощью в Америку, это не из-за того, что он выдал немцам информацию, послужившую причиной гибели лидера французских партизан. Все совсем не так...

Я повернулась, забыв о своем вине. Мадам Клоэт продолжала говорить. Я невпопад ответила что-то, все еще не слыша ее, и добавила:

- Ваш деверь был героем, мадам.

Она засмеялась:

- Вы меня не слушаете, мадемуазель. Я уже говорю не о Жане, брате Анри, а о вашем друге-художнике. Он такой любопытный! Вы бы только послушали, как он расспрашивал беднягу Ахиллеса. Я говорю о пекаре, конечно. Он пытал Ахиллеса, как будто тот стоял перед судьей, не иначе. Но Ахиллес стоял на своем, твердил, что видел тех молодых людей. Они перелезли через стену поместья и пошли в лес за виноградниками. Ну так что? Кому какое дело, куда идут молодые люди? В наши дни они во Франции совершенно независимы.

- Мадам, а куда пошел месье Метье?

Она пожала плечами:

- Куда же еще, как не взглянуть на этих парней? Это глупо - они давно могли уйти.

- Конечно, - пробормотала я в замешательстве, допила вино и поставила бокал на стол. - Мадам, мне пора.

- Значит, вы не будете его ждать? - Она удивленно подняла брови.

- Будьте так добры, если он вернется, передайте ему, что я заходила и что встречаюсь с ним завтра.

- Конечно. Если бы он поговорил сначала с Анри, это сэкономило бы ему время. Анри знает Массив лучше других: он долго жил там во время войны, как преследуемый зверь, с отрядом вашего дяди. Он знает каждый дюйм этих гор. Тогда он был очень предан вашему дяде, а сейчас только печально качает головой и говорит, что после войны тот стал совсем другим человеком. Что он стал чужим.

- Это все война и его раны, - неуверенно пробормотала я.

- Да, конечно. Мы, женщины, это понимаем. Но мужчины - нет. Анри не может понять причину перемен в месье Жераре. Жаль, что художник не посоветовался с Анри. Потом уже

муж сказал, что в Массиве есть только одно место, где парни могли разбить лагерь. Это у водопада высоко в горах. Рядом с ним глубокие пещеры, с которыми нужно быть очень осторожными, потому что они бездонны.

Водопад! О нем и о двух чужаках говорила Габриель, когда я случайно подслушала ее перепалку с дядей. Два израильтянина были теми чужаками. Я вспомнила грифов, круживших над горой, меня тут же затошнило. Теперь я испугалась за Этьена.

Внезапно я осознала, что иду по деревенской улице, а мадам Клоэт удивленно смотрит мне вслед, стоя с пустым бокалом в руке на пороге своего дома. Я помахала ей, и она вяло ответила, видимо обиженная моим поспешным уходом. Я прошла уже полпути до ворот замка, когда мое сознание стало проясняться. Я должна увидеть, что произошло там, в лесу! Я должна!

Резко свернув с дороги, я нырнула в гущу деревьев, растущих на склоне у стен замка, и побежала, радуясь, что благоразумно надела туфли на низком каблучке. Вскоре у меня закололо в боку, и я остановилась, чтобы перевести дыхание, а потом вновь, как безумная, отчаянно бросилась вперед.

Я забыла о волках, живущих в лесу, забыла обо всем, кроме того, что там, наверху, Этьену грозит опасность и я обязана его предупредить. Но сначала нужно найти путь через огромную каменную ограду, неясно маячившую надо мной. Казалось, ей нет ни конца ни края. Деревня и замок остались позади, а стена все тянулась и тянулась...

Глава 10

Стена впереди внезапно стала ниже, суля мне надежду, но через несколько ярдов вновь круто пошла вверх. Я остановилась, пристально всматриваясь в то место, где не хватало нескольких рядов кладки, затем опустилась на колени и раздвинула буйно разросшиеся сорняки у основания. Земля была сырая. По камням струилась вода и стекала вниз по склону. Я с силой дернула несколько сорняков и почувствовала ожог крапивы, руки зазудели и зачесались.

Есть! Небольшое отверстие в стене для стока дождевой воды открывало мне доступ на другую сторону ограды. Я надеялась, что окажусь достаточно худой, чтобы пролезть в него. Во всяком случае, голова пролезла, потом прошли плечи. Вода бежала по покрытым мхом камням, делая их скользкими и тем самым помогая мне. Я выдохнула, затем, отталкиваясь ногами, протиснулась глубже и прочно застряла, не имея возможности даже пошевелиться и чувствуя, как вода медленно поднимается, грозя затопить меня.

Ухватившись руками за край отверстия в стене, я отчаянным усилием вырвалась наконец из западни. Лежа на влажной траве, немного отдохнула, часто и тяжело дыша. Мне показалось, что прошло много времени, прежде чем я перестала дрожать и встала. Взглянув на стену, которую так удачно преодолела, я поразились ее высоте и подумала, что, видимо, от отчаяния меня ведет вперед какое-то шестое чувство, более сильное, чем здравый смысл или благоразумие.

В лесу под деревьями было темно, и я сразу же вспомнила о волках. Поискала вокруг какое-нибудь оружие и нашла короткий и крепкий корень, узкий конец которого лег в мою ладонь, как рукоятка меча. Это было не такое уж грозное оружие, но, во всяком случае, оно вселяло в меня уверенность. Я устало тащилась вверх в разреженном горном воздухе. Каждый вдох давался с трудом, и, чтобы успокоить себя, я вспоминала рассказы деда о волках. В Шатеньере, говорил он, волки боятся людей и никогда не нападают днем.

Я вышла на поляну, по которой бежал небольшой ручей, и освежила лицо ледяной, словно талый снег, водой. Немного отдохнув и пытаясь не думать о тяжелых ударах сердца и затрудненном дыхании, я привела в порядок свою одежду, которая выглядела так, будто я повалялась на распаханном поле в дождливый день.

Интересно, если пойти вверх по течению ручья, может, он приведет меня к водопаду? Я найду его, как до меня нашли израильтяне, и пещеру отыщу, где они устроили свой лагерь.

Но только я собралась вновь отправиться в путь, рядом послышался шорох. Я нащупала корень, сжала его в руке и очень медленно повернула голову в сторону источника звука. Сначала я ничего не увидела: под деревьями было темно. Но потом что-то зашевелилось не далее чем шагах в тридцати от меня, в глубокой тени под низкими ветками пихты. Зверь был похож на большую собаку, с грубой серовато-коричневой шерстью, но глаза красновато светились из темноты, где он стоял и не мигая наблюдал за мной.

Я громко крикнула, вскочила и бросила в него корень. Деревяшка упала довольно далеко от цели, но волк бесшумно повернулся и удрал. В тот же миг я увидела, что он не один – рядом бежали двое его дружков.

Я засмеялась. По крайней мере, один из Жераров меня не обманул! Дедушка! Волки боятся людей, и днем они не опаснее собак, если ты не показываешь им своего страха. Я нашла свою деревяшку и вновь обрела уверенность в себе. Следуя за ручьем, я продолжала карабкаться вверх. Один раз я заметила четкий отпечаток ноги и по тому, что он был свежим, решила, что это Этьен прошел здесь.

Сделав над собой усилие, я пошла быстрее, устояв против желания позвать его, и вскоре услышала впереди шум падающей воды. Водопад открылся передо мной внезапно, когда я вышла из подлеска на открытое место. Подавив крик испуга, я с ужасом уставилась на медленно взмахивавших огромными крыльями отвратительных птиц, поднимавшихся в воздух вокруг меня. Остался только вожак, тот большой гриф, на которого указала мне Габриель. Его клюв и лысая голова были испачканы кровью. Он продолжал пировать, крепко держа в одной лапе кусок мяса. Оторвав очередную порцию, он зажал ее в клюве и тяжело взмахнул крыльями. Когда он поднимался, я бросила в него корень и с удовлетворением увидела, что деревяшка довольно сильно ударила его в грудь. Гриф выпустил из клюва мясо, взмыл вверх, словно испугавшись меня, и исчез за вершиной горы.

Я вышла на открытое место, и остальные птицы, сидевшие на ближних деревьях, словно по приказу, одна за другой, последовали за своим вожаком. Разбросанные по площадке куски мяса были похожи на телятину, некоторые уже начали разлагаться, и запах вызвал у меня тошноту. Интересно, но костей нигде не было видно. Я подняла свое оружие и быстро пересекла открытое пространство, внимательно рассматривая водопад. Его образовывал небольшой, падавший примерно с сорокафутовой высоты из расщелины в скале прозрачный поток чистой, как горный хрусталь, воды.

Я была уверена, что это именно то место, которое искала. Около входа в пещеру кто-то разложил небольшой костер. Я боязливо приблизилась к нему, сжимая деревяшку.

- Этьен... - тихо позвала я. - Этьен!

Тишина. Никакого движения. Ни одна птица не вскрикнула. Видимо, это место целиком принадлежит отвратительным, питающимся падалью стервятникам. Я содрогнулась и ближе подкралась к маленькой пещере. За водопадом, на другой стороне, я заметила еще одну,

побольше. Наверное, это именно та, глубокая и бездонная, о которой говорила Виолетта Клоэт.

В маленькой пещере оказалось сухо и светло. Она шла дальше, вглубь, оставаясь все такой же сухой и чистой, и была идеальным местом для лагеря. Но если кто-то здесь и останавливался, должен был оставить хоть какие-то следы, а я их не видела. Если только...

Я резко остановилась и с сомнением уставилась на темное пятно, резко выделявшееся на известняковой поверхности. Похоже было на кровь. Я задрожала и с трудом заставила себя осторожно прикоснуться к нему кончиком пальца. Кровь давно высохла и походила теперь на слой темно-красной краски, впитавшейся в камень.

Я поспешно выбежала из пещеры и огляделась.

- Этьен! - Я подскочила на месте от испуга, когда мой крик разлетелся гулким эхом позади меня.

И вновь никакого движения, никакого ответа. Мой взгляд остановился на одном из кусков вываленного в земле мяса, и я вновь содрогнулась. Убеждая себя, что это всего лишь останки свиньи или оленя, которых мой дядя или кто-то другой подстрелил здесь, чтобы накормить ужасных грифов, я вдруг вспомнила, что Габриель говорила о мясе, отложенном про запас в одной из пещер.

Это могло объяснить наличие крови на камне, если это действительно была кровь. Но почему тогда нигде не видно костей?

Я опять задрожала. Здесь не место думать о подобных вещах, да и солнце уже сползает на запад. Мне захотелось до наступления темноты очутиться как можно дальше от этого зловещего леса. На другом конце света!

Я начала перебираться через ручей, прыгая, где могла, по камням. Хоть он и был неглубокий, но вода в нем оказалась ледяная. Несмотря на мою осторожность, туфли быстро промокли и теперь хлюпали. На другой стороне ручья я вылила из них воду и почувствовала себя лучше. Осторожно приблизившись к пещере, я заглянула внутрь. Она была значительно больше первой, а у входа довольно светлой. Затем она разделялась на два туннеля, которые, казалось, не имели конца. Я выбрала левый, но быстро остановилась на краю бездонной пропасти. Она зияла прямо впереди меня!

Дальше туннель круто уходил вниз, поворачивая влево. С его свода свисали, как сосульки, сталактиты, а снизу им навстречу тянули свои иглы их точные копии, выросшие, наверное, за несколько столетий.

Ужаснувшись, я посмотрела вниз. А если бы я упала туда? Нет, решила я и заставила себя улыбнуться: ничего страшного, ухватилась бы за сталагмиты, достаточно прочные, чтобы удержать человеческое тело.

Я начала поворачиваться к выходу и внезапно остановилась, заметив внизу что-то, зацепившееся за один из сталагмитов, что-то небольшое и черное, видневшееся между двумя основаниями больших игл. Я пригляделась повнимательнее и почувствовала внезапный холод. Это что-то было похоже на ботинок, обращенный подошвой в мою сторону. С приливом безумного беспокойства я подумала об Этьене и стала спускаться к первому, похожему на копые сталагмиту. Затем дотянулась до следующего и осторожно наступила на него. Сердце бешено колотилось в груди.

Наклонившись вперед, я пристально вгляделась вниз. Да, это был ботинок, теперь я ясно видела его подошву. Страх побуждал меня вернуться назад, но тревога заставляла спускаться дальше. Я доползла до следующего сталагмита, постояла, восстанавливая равновесие, и глубоко вдохнула, прежде чем вновь взглянула вниз. За колонной известняка я теперь ясно увидела ботинок, из которого торчал носок, сильно испачканный, и ниже его что-то белое, заканчивавшееся...

Я пронзительно вскрикнула и, повернув назад, как безумная, стала карабкаться наверх к солнечному свету. Пещеры вокруг меня подхватили мой крик и бросили его назад, ударив по ушам пронзительным эхом. Я упала и поранила колени, но не заметила этого. Хватаясь за сталагмиты кровоточащими пальцами, я наконец добралась до выхода из пещеры и бросилась бежать к свету. Я еще не могла понять, что увидела, но знала, что там, в этом ботинке, была нога, человеческая нога в запачканном кровью носке. Нога, которая от колена до бедра была лишена плоти и белела обнаженной костью...

Как безумная, я вырвалась из пещеры на солнечный свет. Скользя, попадая в глубокие ямы и ничуть не заботясь о заполнившей туфли ледяной воде, я перебралась через ручей и помчалась по траве мимо наводящих ужас разбросанных кусков мяса. Внезапно из подлеска впереди появилась темная фигура и преградила мне путь. Я вновь закричала и увидела перед собой перекошенное яростью лицо Альбера. Его огромные лапы тянулись ко мне, а за его спиной стояла Габриель, держа в обеих руках ружья.

Я повернула назад, но сделала это слишком медленно. Мое оружие – кусок корня – осталось лежать в большой пещере. Альбер схватил меня за шиворот и потащил назад. Я почувствовала его дыхание на своей шее, и в следующий миг он заломил мне за спину руки и придавил коленом к земле.

- Она вышла из ямы! Убей ее!

Из-за широкого плеча Альбера на меня с ненавистью уставилась Габриель.

- Нет, - сказал Альбер.

Его глаза смотрели на меня пристально и без всякого выражения. Брови сошлись на переносице, как будто он что-то обдумывал. Его вид пугал меня больше, чем ярость Габриель.

- Убей ее! Или отойди в сторону! - заскрежетала зубами Габриель.

Она положила на землю одно ружье, а другое взяла в руки. Оно было похоже на автомат с коротким стволом. Уродливое дуло качнулось над плечом Альбера и уставилось мне между глаз.

- Нет, - вновь ответил Альбер, протянул левую руку, небрежно отодвинул оружие в сторону и задержал в этой позиции.

- Идиот! - зашипела, как злобная кошка, Габриель. - Чем она отличается от других? Сейчас же убей ее, говорю тебе! Убей ее!

Она снова попыталась прицелиться в меня, но Альбер сжимал дуло одной рукой, сделал рывок и чуть не свалил с ног Габриель. На мгновение я перехватила взгляд ее угольно-черных глаз, в которых читалась решимость убить не только меня, но и его тоже.

- Оглянись! - крикнула я, когда она отпустила автомат и нагнулась за другим ружьем.

Но она не успела его поднять – Альбер прыгнул, как Огромный кот, и наставил на нее автомат. Ужас сковал меня, и я осталась там, где лежала, наблюдая за ними и трепеща от страха. Глаза Габриель расширились от ужаса, когда она повернулась и увидела его с оружием в руке.

- Опустить ружье, женщина, – спокойно приказал Альбер. – Вниз, я сказал.

Глаза Габриель сверкнули, как у змеи, она лихорадочно искала выход из создавшейся ситуации.

- Что с тобой происходит? – вкрадчиво начала она. – Девчонка и тебе вскружила голову своим хорошеньким личиком и стройным молодым телом? Я тебя предупреждала, что так оно и будет, помнишь? Когда она приехала, я сразу сказала тебе...

- Положи ружье, Габриель. Не заставляй меня убивать тебя.

- Она слишком опасна, чтобы оставлять ее в живых, – гнула свое Габриель, но в ее голосе теперь появились нотки неуверенности.

К своему удивлению, я увидела, как она начала плакать. Крупные слезинки побежали по ее щекам. Внезапно я вспомнила, что дядя Морис говорил, будто Габриель с Альбером когда-то были любовниками.

- Ты убьешь меня? Свою Габриель? Если ты хочешь немного поиграть с ней прежде, чем пристрелишь, я не буду возражать. Позабавься, если хочешь, но потом убей ее и брось вниз к остальным.

Альбер усмехнулся:

- И ты выстрелишь в меня в тот момент, когда я повернусь спиной? Нет. – Он покачал головой. – Я слишком хорошо тебя знаю, Габриель. Опустить ружье!

- Нет! Клянусь тебе! Почему мы ссоримся?

- Потому что ты хочешь ее убить и мы действуем наперекор друг другу. Считаю до трех. Раз... два...

Альбер был готов выстрелить, я это видела по тому, как напряглись руки, державшие автомат.

- Подожди! – крикнула Габриель.

Она наклонилась и положила ружье на землю. Я заметила, как дрожат ее колени. Потом она отвернулась, и ее плечи затряслись. Альбер перешагнул через меня и поднял ружье. Теперь все оружие было у него.

- Девчонка для меня – ничто, как и для тебя, – мрачно сказал он и посмотрел на меня, – Но у нее есть что нам рассказать, и много времени не потребуется, чтобы все это выслушать. Убей ее сейчас – и мы ничего не узнаем. Как она пронюхала, что израильтяне были здесь? Ты так же хорошо, как и я, видела, что она пошла прямо к пещере. Есть кое-что еще: я следил за ней, когда она ходила в деревню. Там рядом с художником ошивался еще один человек. Он был похож на ребят из Сюрте [4].

Теперь они оба смотрели на меня, и Габриель грозно прорычала:

- Если это правда...

- Оторви полосу от ее юбки и свяжи ей руки. Скоро станет темно, так что давай заберем ее с собой и все разузнаем. Ты когда-то была очень хороша в подобных делах. Посмотрим, не утратила ли ты своих способностей.

Габриель деловито кивнула, быстро наклонилась, схватила подол моей юбки и стащили ее с меня. Затем надорвала край и оторвала полосу по низу, потом безжалостно надавила мне на спину коленом и туго связала руки.

- Вставай! - приказала она. Я попыталась, но не смогла, и она, резко дернув меня за связанные руки, помогла мне. - Он ее убьет, - сказала она Альберу. - Не лучше ли сделать это здесь, без него, и оставить в горах?

- На "мерседесе" мы сможем добраться до Испании, - проворчал Альбер. - Если поспешим.

- Мой дядя вас за это убьет, - пробормотала я.

- Ее дядя! - воскликнула Габриель. Она засмеялась и протянула руку за ружьем, но Альбер покачал головой.

- В "мерседесе". Может быть, - коротко сказал он. - Но не здесь. Если посчастливится, утром мы будем уже в Испании.

- Втроем? - Габриель подтолкнула меня к кустам.

- Нет. И без него, и без нее, - ответил шедший за нами с оружием Альбер. - Если они здесь - это из-за Жобера, не из-за нас. Думаешь, израильтяне приходили за нами? Сейчас нам лучше быть от него подальше. Со временем мы где-нибудь устроимся. Веди ее.

Ветки хлестали меня по лицу, Габриель подгоняла ударами в спину. Как я предположила, мы были где-то поблизости от виноградников. Действительно, вскоре мы вышли из леса и пересекли одно из полей. Солнце уже садилось, и в горах лежали глубокие синие тени.

Среди виноградных лоз идти было легче, но Габриель слишком сильно сжимала мою руку, ее пальцы глубоко впивались в кожу.

- Как ты узнала об израильтянах? - тихо спросила она меня. - Твой любовник сказал? Мужчина, о котором Альбер говорил? Лучше скажи сейчас, потом будет поздно. Но ты у меня заговоришь! Скажешь все, что я хочу. Вот увидишь. Паяльник заставит тебя отвечать на все, что спросит Габриель. Я привяжу тебя к стулу в подвале - и ты сможешь кричать сколько захочешь. Я не буду возражать: тебя никто не услышит.

- Что... что вы хотите узнать?

Она злобно вывернула мне руку, и я чуть не упала.

- Как ты узнала об израильтянах?

- Я встретила их на дороге в то утро, когда ездил в Везон. Они интересовались дорогой к замку и...

Ее пальцы сильнее впелись в мое плечо.

- Продолжай! Говори так, чтобы слышал Альбер. Ты встретила их на дороге? Ты, конечно, врешь, потому что то, что я с тобой сейчас делаю, - это ничто по сравнению с тем, что тебя

ожидает. Но продолжай...

- Это правда. Они показали мне фотографию и спросили, не видела ли я изображенного на ней мужчину.

- И что ты сказала?

- Я его не узнала.

- Но ты знаешь, кто он, да?

- Да. Франц Жобер.

- Как узнала?

Я молчала, и она снова со злостью вывернула мою руку так, что я споткнулась и упала.

- Подними ее! - злобно приказал Альбер. - Ты тратишь время.

Габриель дернула меня вверх, скрутила рукой ворот моего свитера и свирепо посмотрела на меня. Я отплатила ей той же монетой, ударив тяжелой туфлей по ее голени.

- Если... она будет душить... меня, Альбер... - я уже задыхалась, - как я смогу... идти?

- Прекрати! - резко сказал он Габриель. - У тебя будет шанс позже, женщина. Веди ее и не задавай больше вопросов. Ты нас задерживаешь.

Габриель толкнула меня вперед. Сама она теперь шла, прихрамывая.

- Ты за это заплатишь! - прошипела она. - Я у тебя в большом долгу, девочка. А я не из тех, кто забывает долг, как ты скоро узнаешь!

Я не могла придумать лучшего бранного выражения, чем дедовское пренебрежительное "бош", но она только рассмеялась:

- Я это и прежде слышала. Конечно, я немка. И Альбер немец. И тот, кого ты считаешь своим дядей, маленькая идиотка. Он совсем не тот, от кого тебе следует ждать добра.

- Что вы сделали... с месье Жераром, моим дядей?

- Жобер приказал его казнить, конечно. Его расстреляли. Жобер отправился под именем Мориса Жерара в другую тюрьму. В сопроводительном документе было указано, что все лицо Жерара в рубцах. Этого оказалось достаточно, чтобы никто не усомнился в его личности, так как Жобер тоже был обожжен в бункере. Но настоящему Жерару, пока он был еще жив, пришлось ампутировать руку, якобы из-за гангрены, поскольку Жобер потерял свою на фронте. В те дни у него был острый, изощренный ум. Житье в этой глуши изменило его. Да и всех нас... Альбер взял имя другого человека, которого тоже расстреляли, а я - имя казненной женщины. Затруднений с опознанием нас Морисом Жераром как людей из его отряда, естественно, не возникло. Никто не мог этого опровергнуть: те, кто знали, были давно мертвы. После проверки оккупационные войска нас отпустили. Как Жобер потом смеялся, когда вернулся в Везон со всеми этими орденами!

- Вам следовало его лучше контролировать, - проворчала я, с ужасом вспоминая, что мне говорили. - Ведь это он убил ту женщину на мельнице. И двух девушек. Вы идиоты! Это теперь

его погубит. И вас вместе с ним. Что, как вы думаете, заставило израильтян и французскую полицию подозревать вас? Они...

Габриель толкнула меня так, что я не устояла и упала, ударившись головой. Но и Габриель свалилась за мной, так как крепко держала меня за руку. Альбер споткнулся об нас, уронил ружье и выругался. Потом пинками поднял нас обеих на ноги.

Меня снова толкнули вперед. Но теперь злость пересилила страх, и я решила сказать им все сейчас, даже если они убьют меня за это на месте.

- Жандармы найдут останки израильтян! - крикнула я. - Они узнают так же, как узнала я. Ваши друзья грифы выдали вас. И вам не сбежать, потому что все знают, кто вы есть, и знают, что вы здесь. Если не французы, так израильтяне. Они найдут и вытащат вас и из Испании, и из любого другого места, куда бы вы ни отправились. А потом предадут суду и казнят...

Ворот моего свитера вновь скрутили, лишая меня не только голоса, но и дыхания. На этот раз это сделал Альбер. Одной рукой он потащил меня за собой, и я почувствовала, как свет меркнет у меня перед глазами. Вскоре мы остановились. Прямо надо мной в темноте неясно маячил замок. Габриель открыла дверь кухни и отступила в сторону. Альбер втащил меня внутрь.

Внезапно зажегся свет, и я увидела стоявшего напротив двери человека, которого я считала дядей Морисом. На столе рядом с ним лежала тяжелая винтовка.

- Мы нашли ее наверху. Она выходила из пещеры, - сказал Альбер.

Жобер - я предпочла употребить его настоящее имя - окинул меня насмешливым взглядом и хмыкнул:

- Значит, ты ходила в лес на прогулку, Дениза? Наверное, ты решила основательно изучить нашу местную историю?

- Она все знает, - вмешалась Габриель. - Я говорила тебе, что опасно привозить ее сюда. Теперь об этом поздно сожалеть.

- Он хотел воспользоваться мной, чтобы сбежать в Америку! - крикнула я, вырываясь из рук Альбера. - Он намеревался избавиться от вас так же, как и вы только что планировали кинуть его!

вернуться

4

Сюрте - французская сыскная полиция.

Рука Жобера дернулась к винтовке.

- Девочка лжет, конечно, - поспешно сказал он - слишком поспешно, чтобы это звучало убедительно. - Но боюсь, она должна умереть.

Габриель ругнулась и схватилась за ружье. Альбер поднял свой автомат. Все их внимание было сосредоточено на Жобере, поэтому они не успели заметить тень, внезапно появившуюся на

пороге двери.

- Брось оружие, Жобер! – раздался повелительный голос полковника Гийе. – Никому не двигаться! Замок окружен, и вам не удастся сбежать.

Альбер быстро повернулся, и автоматная очередь расколола тишину. Пули просвистели так близко над моей головой, что меня обдало жаром. Жобер пронесся в другой угол кухни и пронзительно заверещал. Кто-то бросился на меня и толкнул вниз, прикрывая собой и выбивая из меня последний дух своим весом. Кажется, я тоже пронзительно завопила, но сомневаюсь, что меня кто-нибудь услышал, так как в этот самый момент Альбер выпрыгнул во двор, послышались звуки яростной борьбы, крики и стрельба. Двое появившихся, словно из ниоткуда, людей схватили Габриель, которая пыталась под шумок наставить свое ружье на меня.

Я неподвижно лежала на полу. Человеком, придавившим меня и крепко державшим, оказался Этьен, и я могла почувствовала глухие удары его сердца как раз напротив моего, которое билось еще быстрее.

Ко мне протянулась чья-то рука, чтобы помочь сесть. Это была рука не Этьена – он, казалось, решил до последнего удерживать меня там, где я была, на полу. Я услышала, как полковник Гийе озабоченно спросил:

- Она не ранена?

- У нее связаны руки, – проворчал Этьен. – Но не думаю, что она ранена. – Он потряс меня и затем вновь сжал в объятиях. – Ради всего святого, что ты делала там, наверху, в лесу, ты, маленькая глупышка?

- Искала тебя, – прошептала я. – Я вдруг поняла, что мой дядя совсем не мой дядя, и вспомнила, как Габриель что-то говорила о водопаде. А мадам Клоэт сказала, что ты пошел туда искать израильтян.

Он обнял меня так крепко, что я не могла больше ничего произнести, но в этот момент довольно бессердечно вмешался полковник Гийе:

- Ладно, по крайней мере, Жобер остался жив, чтобы его можно было предать суду и казнить, хотя Герхардт и ухитрился всадить в него три пули.

Кто-то вошел со двора и сказал таким же суровым и ровным голосом:

- Сожалею, полковник, но нам пришлось пристрелить Герхардта в виноградниках. В противном случае он бы скрылся в лесу.

Полковник чертыхнулся.

- Ладно. Достаточно и этих двоих.

Двое мужчин, державших Габриель, заломили ей руки за спину, и только тогда третий смог надеть ей наручники. Она показала все, на что была способна, – отбивалась ногами, пускала в ход зубы и отвратительно ругалась на немецком.

Полковник Гийе подошел ко мне и покачал головой.

- Развяжите ей руки, капитан. Мадемуазель, - обратился он ко мне, - у вас больше отваги, чем здравого смысла, и вы на самом деле значительно затруднили нам их арест. Что вы делали в горах? Полагаю, они засекли вас у пещеры, где капитан Метье до этого обнаружил тела двух израильских агентов?

- Да. Я искала капитана Метье, - пробормотала я. - Я подумала, что они схватили его там. Увидела грифов и... - Дальше продолжать я не смогла, и полковник кивнул:

- Жаль, что вы подверглись излишнему риску.

- Не думаю, что он был излишним, - раздраженно возразила я. - Так уж случилось, что я люблю капитана Метье.

Руки Этьена еще крепче сжали меня, и взгляд полковника Гийе стал более человеческим.

- Тогда извините меня. Значит, здесь все дело в любви, да? Ну и ну! Понятно. Придется мне предоставить капитану Метье возможность самому доставить вас в мой кабинет в Париже, чтобы прояснить несколько вопросов, не возражаете?

- Прекрасная идея, полковник, - быстро согласился Этьен.

- Что еще за вопросы, которые необходимо прояснить? - подозрительно спросила я.

- Дело в посылке, которую вы передали курьеру в Токсене, и в телефонном звонке некоему месье Рузье. В свертке находились ворованные драгоценности, которые нацисты забирали у своих жертв во время войны.

- Это были поручения, которые она выполняла для человека, считавшегося ее дядей. Она ничего не знала о содержимом посылки, полковник, - поспешно сказал Этьен.

Полковник Гийе бросил на него сердитый взгляд, но кивнул, соглашаясь:

- Ну конечно, капитан. - Он посмотрел на меня: - Не думаю, что Жобер... я имею в виду человека, которого вы считали своим дядей... успел подарить вам что-то из драгоценностей... Или подарил?

Я мысленно представила, как прощаюсь со своими рубинами.

- Да, - с оттенком горечи призналась я. - Подарил. Ожерелье. - Я прикоснулась пальцами к горлу, вспоминая, и взглянула на человека, лежавшего на полу с закрытыми глазами. Ему уже перевязали раны, и он казался спящим. Тяжелое дыхание с хрипом вырывалось из его рта, а покрытое шрамами лицо без маски выглядело отвратительным. Я отвела взгляд. - Я принесу вам ожерелье, полковник.

- Нет необходимости, мадемуазель, - ответил он. - Оно уже у меня. - Он вытащил из своего кармана футляр и открыл его. - То самое ожерелье?

Рубины замерцали в электрическом свете. Я молча кивнула.

- Вы обратили внимание, полковник, - вмешался Этьен, - что мадемуазель признала получение подарка? И что она добровольно предложила принести его вам?

- Я это заметил, - угрюмо ответил полковник и хмуро взглянул на Этьена.

Тот улыбнулся и весело продолжил:

- Мадемуазель была все время абсолютно честна с нами.

- О, вполне, - согласился полковник Гийе.

- И есть вероятность, что рубины были куплены Жобером, а вовсе не украдены. К тому же подарок был сделан вполне законно. Этот вопрос нуждается в более тщательном расследовании, я думаю.

- Что вы, капитан, конечно, сами предпочтете сделать?

- Ну, естественно, полковник, - ответил Этьен, незаметно пожав мне руку. - Кроме того, наверняка возникнут трудности в определении, что из собственности принадлежало месье Жерару, а значит, и мадемуазель, а что - Жоберу.

- Ха! - фыркнул полковник. - Ну, посмотрим. А пока, Метье, заберите девушку из этого морга и отвезите в деревню. А еще лучше - в Орийяк, поскольку там живут ваши люди. Да, и спросите Дюваля о негативах. Фотографии помогут официально установить личность преступника.

- Кстати, мадемуазель нам и в этом помогла, настояв на поездке к фотографу, - напомнил Этьен, продолжая гнуть свою линию. - А еще помогла мне заманить Жобера к грузовику, чтобы Пьер Бурже имел возможность посмотреть на него. К сожалению, тот не смог узнать Жобера, поскольку его лицо покрыто рубцами.

- Но есть еще кое-что, полковник, - вспомнила я вдруг. - Я передала месье Рузье сообщение, что мой... что Жобер скоро отправит ему еще одну партию товара, самую большую. Рузье спросил меня, не будет ли кто-нибудь продолжать посылать, грузы.

Полковник кивнул и поблагодарил меня. Этьен помог мне подняться наверх, в мою комнату, и упаковать вещи. Было уже совсем темно, когда мы с ним ехали на "мерседесе" в Орийяк.

По пути мы несколько раз останавливались, потому что Этьен хотел меня поцеловать. И мы всю дорогу спорили, будем ли воспитывать своих детей во Франции или в Америке. В конце концов победил Новый Орлеан, потому что это ни то ни другое. Втайне же я знала, что Этьен полюбит Новый Орлеан, как полюбил его мой дед.

Мы говорили о важных вещах. Но не забыли подумать и о том, как истребить грифов, если по прихоти судьбы французская Фемида подарит нам замок.